

ISSN 1816-5435
ISSN (online) 2224-8935

№ 1 / 2015

международный научный журнал
International Scientific Journal

www.psyjournals.ru/kip

культурно - историческая
ПСИХОЛОГИЯ

cultural - historical
PSYCHOLOGY

Международный научный журнал

International Scientific Journal

Культурно-историческая психология

2015. Т. 11. № 1

Cultural-Historical Psychology

2015. Vol. 11, no. 1

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Комментарий к статье Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта	
<i>Т.В. Ахутина</i>	4
Деятельность по осмыслению жизненного опыта: статус, процесс и результат	
<i>В.В. Колпачников</i>	7
Системное описание страха смерти	
<i>А.А. Баканова</i>	13

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ

Развитие в контексте генезиса и отсылок к источнику. Перечитывая Л.С. Выготского	
<i>Д.М. Спектор</i>	24

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности саморегуляции личности в субкультуре футбольных фанатов	
<i>А.Ю. Узикова, Ю.И. Фролов</i>	34
Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли	
<i>Е.И. Захарова</i>	44
Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях	
<i>И.Ю. Кулагина, Л.В. Сенкевич</i>	50
Стратегии сексуального поведения в современной культуре	
<i>М.А.Конина, А.Б. Холмогорова</i>	61

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации	
<i>Д.С. Григорьев</i>	71

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

Театр и революция	
<i>Л.С. Выготский</i>	86
Комментарий к статье Л.С. Выготского «Театр и революция»	
<i>В.С. Собкин, В.С. Мазанова</i>	91

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Он расширил наше виденье психологической науки. Воспоминание о В.П. Зинченко (10 августа 1931 – 6 февраля 2014). Эссе.	
<i>В.А. Гуружапов</i>	114

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ

Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья вторая)	
<i>Н.Н. Вересов</i>	117

Contents

THEORY AND METHODOLOGY

Commentary on the paper by M.V. Falikman and M. Cole "Cultural Revolution" in Cognitive Science: From Neuroplasticity to Genetic Mechanisms of Acculturation <i>T.V. Akhutina</i>	4
Activity of Understanding Life Experiences: Status, Process and Result <i>V.V. Kolpachnikov</i>	7
Fear of Death: A Systemic Description <i>A.A. Bakanova</i>	13

THE PROBLEM OF DEVELOPMENT

Development in the Context of Genesis and References to Origin. Rereading L.S. Vygotsky <i>D.M. Spector</i>	24
--	----

EMPIRICAL RESEARCH

Features of Self-Regulation in the Context of Subculture of Football Fans <i>A.Yu. Uzikova, Yu.I. Frolov</i>	34
Negative Attitude towards Motherhood in Modern Women: Settings and Conditions <i>E.I. Zakharova</i>	44
Rehabilitation Potential of Personality in Various Chronic Conditions <i>I.Yu. Kulagina, L.V. Senkevich</i>	50
Sexual Behavior Strategies in Modern Culture <i>M.A. Konina, A.B. Kholmogorova</i>	61

CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Relationship between Ethnic Identification and Acculturation Attitudes of Immigrants with Level of Their Socio-Economic Adaptation <i>D.S. Grigoryev</i>	71
---	----

PSYCHOLOGY OF ART

Theatre and Revolution <i>L.S. Vygotsky</i>	86
Commentary on the paper by L.S. Vygotsky "Theatre and Revolution" <i>V.S. Sobkin, V.S. Mazanova</i>	91

MEMORABLE DATES

He Who Enriched Our Visions of Psychology. Remembering Vladimir Zinchenko (August 10, 1931 – February 6, 2014). Essay <i>V.A. Guruzhapov</i>	114
--	-----

DISCUSSIONS AND DISCOURSES

Experimental-Genetic Method and Psychology of Consciousness: In Search of the Lost (Part Two) <i>N.N. Veresov</i>	117
--	-----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METHODOLOGY

Комментарий к статье Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта

Т.В. Ахутина*

ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
akhutina@mail.ru

Представлены комментарии к статье Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта, опубликованной в журнале «Культурно-историческая психология». 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.

Ключевые слова: когнитивная наука, «культурная нейронаука», генетика, пластичность мозга, обучение, стилевые особенности познания в западной и восточной культуре.

В предыдущем номере КИП была опубликована статья Марии Фаликман и Майкла Коула «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта». Увидев название этой работы и фамилии авторов, я очень обрадовалась, тут же прочитала статью и обрадовалась еще больше. Почему? Дело в том, что культурно-историческая наука и когнитивная наука были двумя лагерями, если не враждующими между собой, то игнорирующими друг друга. Я хорошо помню эпизод, относящийся к тому времени, когда Московский когнитивный семинар, организованный М. Фаликман вместе с Е. Печенковой, собирался на факультете психологии МГУ. Наша американская коллега, приверженная идеям культурно-исторической психологии, была шокирована тем, что я, ученица А.Р. Лурии, звала студентов на когнитивный семинар. Мои встречи в Мексике и Бразилии показали, что наша гостья из

Штатов была совсем не одинока в таком отвержении когнитивной науки. С другой стороны, читая статьи и заявки на гранты наших российских авторов, я нередко видела, что ссылки делаются намеренно иностранные, и там, где американец бы сослался на Лурию, были только западные авторы.

В этой ситуации очень важно, что авторами статьи являются М. Коул — классик культурно-исторической психологии и М. Фаликман — признанный исследователь и знаток когнитивной науки, составитель двух хрестоматий на эту тему, организатор Московского когнитивного семинара. В своей статье они дают прекрасный обзор литературы и показывают, что появление «культурной нейронауки» было не случайным. Действительно, оно вызвано последовательным (и параллельным) развитием когнитивной науки через идеи воплощенного (embodied) познания, познания в контексте реальной деятельности (embedded), эволюционно ориентированного позна-

Для цитаты:

Ахутина Т.В. Комментарий к статье Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 4–6.

* *Ахутина Татьяна Васильевна*, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. *akhutina@mail.ru*

ния, эмоционального познания, социального познания. Эту линию развития можно увидеть по библиографии Ш. Хана (Sh. Han), возглавляющего лабораторию культурной и социальной когнитивной нейронауки в Пекинском университете и являющегося редактором журнала «Культура и мозг». Его статья (Han et al., 2013) с интернациональной командой соавторов неоднократно цитируется в статье Фаликман и Коула.

Не менее важно подчеркнуть, что авторы статьи не только показывают близость положений культурно-исторической психологии и, в частности, теории динамической локализации высших психических функций А.Р. Лурии с положениями культурной нейронауки, но и показывают перспективу понимания культуры. Вслед за Л.С. Выготским они утверждают, что «если рассматривать культуру как процесс, исходя из того, что она сама постоянно развивается и меняется, исследование динамики взаимодействия мозга и культуры становится особенно важным с методологической точки зрения, и именно культурно-исторический подход может оказаться здесь наиболее продуктивным».

Да, конечно, разработчики культурной нейронауки знают культурно-исторический подход в основном через посредников. Так, тот же Ш. Хан в уже упомянутой статье 2013 г. ссылается на книгу Барбары Рогофф 2003 г. «Культурная природа человеческого развития», в которой она излагает свое понимание концепции развития человека Л.С. Выготского и подчеркивает динамическую природу культуры. Ситуация несколько иная в области изучения детского развития, его диагностики и коррекции. Здесь идеи и методы Выготского и Лурии описываются со ссылками непосредственно на них. Так, например, изложение идей основателей культурно-исторической психологии можно найти в учебниках по психологии развития и школьной нейропсихологии, в книгах и статьях известных ученых, занимающихся развитием в норме и патологии (A. Diamond, J.H. Flavell, A. Karmiloff-Smith, B. Rogoff, Ch. Temple, E. Thelen, D. Tupper и др.). Я бы особо отметила воспроизведение идей Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, сделанное Robbie Case (2007) в главе по методологии исследований на тему Mind, Brain and Education, а также В.Бернингер и Т. Ричардсом, авторами книги про мозг для учителей и психологов (Berninger, Richards, 2002). Положения о социальном генезе, о системном динамическом строении ВПФ сейчас общеприняты (переоткрыты или открыты вслед за Выготским и Лурия) западны-

ми учеными, но важно, чтобы наши ученые не забывали истоки этих идей, чтобы у них не было такой ситуации, когда «своя своих не познаша». Увидеть сходство и продуктивность этих идей им поможет тот обзор литературы, который сделан в статье.

Я думаю, что статья М. Фаликман и М. Коула будет широко цитироваться, войдет в хрестоматию. И именно поэтому мне хотелось бы обратить внимание на две неточности в статье. В ней написано: «Современные авторы склоняются к представлению о его (мозга. — Т.А.) биосоциальной природе, что перекликается с идеей динамической локализации высших психических функций, сформулированной в работах А.Р. Лурии в развитии идей Л.С. Выготского о социальной природе высших психических функций и их системной организации как прямого следствия всего процесса развития». Но идея динамической организации тоже принадлежит Выготскому, она была наиболее развернута в последнем московском его докладе. На мой взгляд, было бы точнее написать про идею системной динамической организации и локализации высших психических функций, сформулированной в работах Л.С. Выготского—А.Р. Лурии.

Кроме того, мне кажется спорным, выделенное мною курсивом утверждение авторов статьи, что «выявленные в данном цикле исследований изменения в работе мозга, связанные с овладением грамотностью в ходе школьного обучения, крайне специфичны, что *несколько противоречит представлениям исследователей 1960-х гг. (начиная от А.Р. Лурии и заканчивая Дж. Брунером)* о том, что *школьное обучение затрагивает познавательную сферу в целом*, т. е. изменения носят общеинтеллектуальный характер». Что-то я не припомню такого утверждения у А.Р. Лурии. Он говорил об изменении системы понятий под влиянием школьного обучения, и это относилось, прежде всего, к взрослым испытуемым, которым в ходе обучения приходилось осваивать обобщенные понятия. Я думаю, что перестройка семантической системы у детей и взрослых носит разный характер, что вполне в логике КИП.

Но указанные неточности ни в коей мере не снижают ценности работы, если использовать упроченный штамп, который, тем не менее, точно отражает мое мнение. Я очень советую внимательно прочесть статью о культурной нейронауке и воспользоваться обширной библиографией, чтобы познакомиться с перспективной линией исследования, методами и методологией культурно-исторической нейронауки.

Литература

1. A cultural neuroscience approach to the biosocial nature of the human brain / S. Han, G. Northoff, K. Vogeley, B.E. Wexler, S. Kitayama, M.E.W. Varnum // Annual Review of Psychology. 2013. Vol. 64. P. 335–359.

2. Berninger V.W., Richards T.L. Brain Literacy for Educators and Psychologists. San Diego, CA: Academic Press, 2002.

3. Case R. Approaches to behavioral and neurological research on learning disabilities: in search of a deeper synthesis // Mind, brain, and education in reading disorders / K.V. Fisher, J.H. Bernstein and M.H. Immordino-Yang (eds.). N. Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 80–100.

Commentary on the paper by M.V. Falikman and M. Cole "Cultural Revolution" in Cognitive Science: From Neuroplasticity to Genetic Mechanisms of Acculturation

T.V. Akhutina*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
akhutina@mail.ru

We presented commentary on the paper by M.V. Falikman and M. Cole "Cultural Revolution" in Cognitive Science: From Neuroplasticity to Genetic Mechanisms of Acculturation that was published in the journal "Cultural-Historical Psychology", 2010. Vol. 10, no. 3, pp. 4–18.

Keywords: cognitive science, cultural neuroscience, brain imaging, genetics, neuroplasticity, instruction, Eastern and Western styles of cognition.

References

1. Han S. (eds.) A cultural neuroscience approach to the biosocial nature of the human brain. *Annual Review of Psychology*, 2013. Vol. 64, pp. 335–359.

2. Berminger V.W., Richards T.L. Brain Literacy for Educators and Psychologists. San Diego, CA: Academic Press, 2002.

3. Case R. Approaches to behavioral and neurological research on learning disabilities: in search of a deeper synthesis. In Fisher K.V. (eds.) *Mind, brain, and education in reading disorders*. New York: Cambridge University Press, 2007, pp. 80–100.

For citation:

Akhutina T.V. Commentary on the paper by M.V. Falikman and M. Cole "Cultural Revolution" in Cognitive Science: From Neuroplasticity to Genetic Mechanisms of Acculturation. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 4–6. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Akhutina Tatyana Vasilyevna, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. akhutina@mail.ru

Деятельность по осмыслению жизненного опыта: статус, процесс и результат

В.В. Колпачников*

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
venyak@gmail.com

В статье с позиций культурно-деятельностной психологии дается определение и обосновывается статус активности по осмыслению жизненного опыта как самостоятельной деятельности, продолжающейся в течение всей жизни человека. Описываются: 1) мотив — достижение согласованной определенности в жизненном мире, 2) действия, нацеленные на осмысление и переработку жизненного опыта в конкретной жизненной ситуации и на согласование между собой разных частей жизненного опыта в целостную картину собственной жизни и 3) разнообразные операции деятельности по осмыслению жизненного опыта: рассматриваются формы (самостоятельное или совместное с другими), уровни (спонтанное и осознанное) и сферы осмысления жизненного опыта. Специально обсуждается результат данной деятельности — формирование индивидуального жизненного мира человека. Индивидуальный жизненный мир — сложная чувственно-практическая и знаково-символическая реальность, в которой протекает жизнь человека, а также интегральное знаково-символическое средство упорядочивания, организации, направления и регуляции жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: деятельность по осмыслению жизненного опыта, мотив, цели и операции; формы, уровни и сферы деятельности осмысления, индивидуальный жизненный мир, роль культурных представлений в деятельности осмысления.

Одной из ключевых теоретико-методологических и научно-практических проблем современной философии, психологии, психотерапии, педагогики, а также ряда других смежных гуманитарных дисциплин является **проблема смысла**.

Во многих современных психологических теориях личности подчеркивается стремление человека к осмыслению собственного бытия, определению смысла различных сторон действительности и собственной жизни в целом. Наиболее известными теориями, в которых подчеркивается стремление человека к смыслу, являются культурно-историческая психология Л.С. Выготского [6], деятельностный подход А.Н. Леонтьева [8; 9] и его последователей [2; 4; 11 и мн. др.], логотерапия В. Франкла [15] и экзистенциальный анализ А. Лэнгле [12], экзистенциальная психология и психотерапия И. Ялома [20] и др.

Удивительным представляется то, что, подчеркивая стремление и активность человека по осмыслению жизненного опыта, исследователи смысла до

сих пор не предприняли усилий по определению статуса этой активности. Например, В. Франкл говорит о «воле к смыслу» — сквозному, через всю жизнь, стремлению человека к нахождению и воплощению смысла [15]. А.Н. Леонтьев [8; 9] говорит о смысле и смыслообразовании как составных компонентах деятельности человека. Б.С. Братусь [4], рассматривает разные уровни смысла и иллюстрирует их центральную роль в жизнедеятельности человека, но не определяет статус активности по осмыслению жизни. А.Г. Асмолов [2 и др.] говорит о динамических смысловых образованиях личности и их регулятивной роли в человеческой деятельности на разных ее уровнях. Д.А. Леонтьев [11], всесторонне рассматривая динамическую смысловую систему личности и тщательно обсуждая ее работу на разных уровнях, все же не концептуализирует четко эту сквозную активность человека.

С нашей точки зрения, культурно-деятельностная психология позволяет концептуализировать ак-

Для цитаты:

Колпачников В.В. Деятельность по осмыслению жизненного опыта: статус, процесс и результат // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 7–12.

* Колпачников Вениамин Валентинович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии личности, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия. venyak@gmail.com

тивность человека по осмыслению жизненного опыта как *отдельную самостоятельную деятельность*. **Деятельность осмысления** — это активность, протекающая как во внутренней, так и внешней форме, по прояснению, соотнесению, упорядочиванию различных аспектов собственного жизненного опыта в согласованное целое — целостную смысловую организацию жизнедеятельности человека.

Мотивом деятельности осмысления является достижение согласованной определенности в жизненном мире. В. Франкл [15], И. Ялом [20], А. Эллис [17], А.Н. Леонтьев [8; 9] и Д.А. Леонтьев [11], Ф.Е. Василюк [5], М.С. Яницкий [21], А.В. Серый [14] и многие другие психологи утверждают, что мотивация к осмыслению собственной жизни является неотъемлемой стороной человеческого бытия именно в связи с потребностью обретения определенности и ясности, необходимых для целенаправленного достижения/воплощения значимых устремлений.

Ф.Е. Василюк в своей книге «Психология переживания» [5] вводит представление о **переживании** как деятельности смыслостроительства в критических ситуациях невозможности продолжения жизни. Нахождение смысла (осмысление ситуации, привнесение в нее смысла) выступает здесь как необходимое условие продолжения жизни. Жизнь невозможна — и не продолжится! — без нахождения и воплощения в собственной жизненной активности человека значимых и содержательных смыслов, которые оправдывают его существование и упорядочивают, организуют всю жизнедеятельность человека и его жизненный мир.

Об этом же, по сути, пишут В. Франкл [15] и его последователи. У человека есть потребность в смысле как представлении о том, ради чего, для чего осуществляет он ту или иную собственную деятельность, действие, поведение. Без этой смысловой определенности человек испытывает состояние потерянности — экзистенциального вакуума и/или кризиса — состояние психологически чрезвычайно тяжелое и дискомфортное, в котором жизнь не может продолжаться конструктивно. С другой стороны, человек, которому есть «для чего» жить, может выдержать любое «как»: рождаются силы для преодоления любых препятствий и невзгод, жизнь и мир упорядочиваются и организуются вокруг центральных смыслов жизни в некоторое определенное и организованное целое.

Действия в рамках деятельности осмысления нацелены на осмысление и переработку жизненного опыта в конкретной жизненной ситуации. Такими действиями могут быть целенаправленное осмысление конкретного опыта или аспекта собственной жизни, а также такие сложные и особенные действия, как осознанный выбор, сознательные поступки, формирование осознанных убеждений. Кроме того, согласование между собой разных частей жизненного опыта в целостную картину собственной жизни

может выступать комплексным действием, побуждаемым осознанным мотивом-целью.

Операциями по осмыслению опыта в различных условиях могут быть прислушивание к себе — собственным чувствам и ощущениям, связанным с конкретными впечатлениями и представлениями, соотнесение и согласование представлений между собой, интерпретация, прояснение/кларификация, переживание, рефлексия, защитные механизмы и многие другие.

Деятельность по осмыслению жизненного опыта начинается в самом раннем возрасте с появлением проблесков сознания у младенцев и продолжается в течение всей сознательной жизни человека.

Можно выделить *две формы* осмысления человеком жизненного опыта: 1) самостоятельное осмысление жизненных событий, явлений и процессов собственной жизни, начинающееся с самого раннего возраста и продолжающееся до конца жизни и 2) совместное с другими определение/осмысление реальности.

Самостоятельному осмыслению жизненного опыта много внимания уделено в концепциях неопсихоанализа, в частности, в индивидуальной психологии А. Адлера [1]. Он вводит представление о «базовых ошибках» — результатах раннего осмысления реальности ребенком, которые определяют отношение к различным сторонам жизненного мира и самоотношение человека нередко на протяжении всей жизни. Сюда же относятся работы Э. Эриксона [19] о базовых личностных диспозициях, приобретаемых человеком на каждом из этапов развития, и представления А. Эллиса [17] об иррациональных идеях, служащих причинами психологического неблагополучия человека.

Совместное с другими определение/осмысление реальности активно исследуется в культурно-исторической традиции. В изначально совместном бытии становящийся человек — в совместной практике — опробует, проверяет и принимает/не принимает¹ представления, знания и способы деятельности, которые уже используются другими людьми. Эти представления, знания и способы деятельности/общения становятся его собственными инструментами упорядочивания и организации жизненного опыта и активности. Именно этот процесс обмена знаниями и представлениями, как и способами деятельности, создает почву для большей или меньшей общности всегда уникально-индивидуальных картин мира, и, соответственно, большего или меньшего взаимопонимания/непонимания между людьми — создание/творение совместного жизненного мира. Здесь можно отметить множество нюансов и аспектов. Этим объясняется большее взаимопонимание людей принадлежащих к одной и той же культуре (субкультуре), и большие трудности взаимопонимания между представителями различных культур. Дискурсы различных сообществ/групп — создают общность понимания тех или иных сторон мира, с кото-

¹ «Интериоризирует» в терминологии культурно-исторической психологии.

рыми имеют дело представители данных сообществ. Притягательностью принадлежности к групповому целому, имеющей жизненный смысл надежности и защищенности целым индивидуальное существование, объясняется удовлетворение от совпадения собственных взглядов/представлений с групповыми/общественными. Этим, кстати, объясняются и социально-психологические феномены группового давления и конформизма.

Можно выделить *два уровня* протекания деятельности осмысления жизненного опыта — спонтанный и осознанный.

1. Спонтанная деятельность осмысления. Движимый разнообразными потребностями, человек «находит» и символизирует безразличные для его жизнедеятельности элементы, процессы, события, принимает в процессе совместной деятельности со значимыми другими людьми их взгляды, представления, способы понимания/осмысления/концептуализации мира и самого себя в нем. В изначально совместном бытии становящийся человек опробует, проверяет и принимает (или не принимает) представления, знания и способы деятельности, которые уже используются другими людьми. Эти представления, знания и способы деятельности/общения становятся его собственными инструментами упорядочивания и организации собственного жизненного опыта и активности. Именно этот процесс обмена знаниями и представлениями, как и способами деятельности, создает почву для большей или меньшей общности всегда уникально-индивидуальных картин мира, и, соответственно, большего или меньшего взаимопонимания/непонимания между людьми. Все это в значительной степени происходит спонтанно, как бы само собой. Правда, в основе этого процесса, тем не менее, всегда лежит забота [16], деятельность становящегося человека.

2. Осознанная деятельность осмысления. В процессе осмысления жизненного опыта в некоторых — обычно сложных, противоречивых — жизненных ситуациях человек неизбежно становится перед необходимостью осознанного личностного выбора. Мы выбираем, как поступить в такой ситуации, и тем самым укрепляем, утверждаем своими личностными выборами и поступками те или иные представления о мире, в котором живем, и о собственной жизни. Мы выбираем, во что верить или не верить («Есть ли на свете мужество и любовь каждый решает сам»). Мы выбираем, какие мы — что истинно в нас и окружающих нас людях («я — верный друг», «я не вор», «людям присуще стремление к самоактуализации и самореализации» и т.п.). Выбор подчас ясен и спонтанен, подчас — сложен и мучителен. Но необходимость осознанно выбирать является некоторой неотъемлемой и неизбежной экзистенциальной данностью [20]. В этом осмыслении жизненного опыта активно используются культурные представления, предлагаемые окружающими людьми (семьей, значимыми другими), системой образования, массовой культурой, идеологией и т.д. Но культура сложна и противоречи-

ва. В ней всегда присутствуют разные представления и способы действия. И человек неизбежно в своей жизни сталкивается с необходимостью осознанно выбирать. Остановимся более подробно на проблеме *использования культурных представлений и практик* в развитии и протекании деятельности по осмыслению жизненного опыта.

Роль культуры в развитии человеческой психики и личности чрезвычайно велика. Здесь мы хотим подчеркнуть, что любому становящемуся человеку целенаправленно и стихийно предлагается огромный набор культурных представлений и способов организации и сценариев жизни, которые становятся инструментами осмысления и организации собственного жизненного опыта и организации жизненной активности. Сюда относятся и традиционные бытовые представления, организующие повседневную жизнь сообщества, религиозные, научные, субкультурно-групповые, контр-культурные, микросоциально-семейные сценарии и многие другие. Культура подобна океану — с многообразными пересекающимися, перекрещивающимися, подчас конфликтующими течениями — как явными, так и подводными, невидимыми, но составляющими его реальную частицу. Ориентироваться во всем этом многообразии чрезвычайно сложно. Чаще человек спонтанно усваивает представления групп, к которым принадлежит, и эти представления становятся его представлениями о мире вокруг и начинают регулировать его жизненную активность. Это происходит в процессе собственной практической жизнедеятельности человека во взаимодействии и общении с другими людьми.

Как было отмечено выше, представления одной из референтных групп человека могут противоречить представлениям другой его референтной группы. И перед человеком встает задача согласования, упорядочения этих представлений друг с другом. Иначе говоря, культурные представления не сами по себе управляют поведением человека и определяют его видение мира, но должны быть приняты и осмыслены самим человеком в процессе собственной уникальной, конкретной жизнедеятельности.

Э. Эриксон [19], рассматривая развитие человека, вводит принцип эпигенеза — как соответствия требований и предложений социума возрастным потребностям и жизненным запросам становящегося человека. Действительно, большинство устоявшихся культур выработало свои представления о развитии человека и о необходимых образовательно-педагогических мерах, способах воспитания и обучения, соответствующих той или иной ступени его развития. Поэтому влияние культуры на формирование мировоззрения каждого конкретного человека чрезвычайно велико и значимо. Индивидуальное осмысление жизни происходит обычно в рамках культурно-общественных представлений и на их основе, с их использованием в индивидуально-специфических сочетаниях. Выход за рамки существующих культурных представлений чрезвычайно редок. Но именно с формированием и

регулирующей ролью уникально-специфичных смысловых картин мира связано — удивительным образом! — развитие и культуры жизнедеятельности всего сообщества. Индивидуальный образ жизни, регулируемый таким уникально-специфическим образом мира, в случае его конструктивности, продуктивности, ведущей к удовлетворению важнейших устремлений (потребностей, мотивов) человека, может становиться привлекательным для окружающих. Так распространяется новый образ жизни и соответствующая ему картина-образ мира. Это четко обосновывает культурно-генетическая теория личности, развиваемая А.Г. Асмоловым [2].

Сочетание описанных форм и уровней деятельности осмысления позволяет предварительно выделить сферы жизнедеятельности, в которых происходит специфическое (по форме и уровню) осмысление жизненного опыта (табл. 1).

Таблица 1

Сферы осмысления жизненного опыта

Уровни осмысления	Самостоятельное осмысление	Совместное с другими осмысление
Спонтанное осмысление	Повседневная практическая деятельность	Совместная практическая деятельность
Осознанное осмысление	Осознанные значимые личностные выборы, поступки, рефлексия собственной жизни и опыта	Совместная учебная, познавательная, исследовательская деятельность, психологическое консультирование и психотерапия, диалогическое общение/ беседа и др.

В *повседневной практической жизнедеятельности* процесс осмысления ситуативного опыта происходит преимущественно спонтанно и, предположительно, в соответствии с уже устоявшимися представлениями и знаниями. Происходит ассимиляция ситуативного жизненного опыта устоявшимися привычными знаково-символическими формами представлений. Это иллюстрируют и подтверждают многочисленные исследования в области психологии мышления и восприятия: эффекты фиксированных установок, стереотипов и др.

В *совместной с другими практической деятельности* происходит спонтанная передача и усвоение представлений о реальности и способов обращения с ними участников взаимодействия. Инструментальными формами подобного присвоения являются такие известные психологические механизмы, как подражание, идентификация с партнером по совместной деятельности, научение через наблюдение [3] и др.

В ситуациях *рефлексии собственной жизни или при совершении значимых личностных выборов* человек с большей или меньшей степенью осознанности осмысляет и переосмысляет «реалии» собственной жизни, значимое и не-значимое для себя и утверждает эти «реалии» в собственных действиях и поступ-

ках. Каждый такой выбор и поступок — это словно бы утверждение человеком: «Я — такой» и «Мой мир — такой». Тем самым деятельно конструируется и поддерживается индивидуальный жизненный мир человека.

В *совместной учебной, познавательной, исследовательской деятельности, психологическом консультировании и психотерапии, диалогическом общении* партнеры по этому взаимодействию вместе открывают, осознают, осмысляют актуальные реалии собственной жизни. Означенный и символизированный, этот опыт становится частью индивидуального и совместного жизненного мира участников взаимодействия.

Тщательное изучение особенностей осмысления жизненного опыта в различных жизненных сферах еще ждет своих исследователей.

Результатом деятельности по осмыслению жизненного опыта является: 1) ситуативно: большая или меньшая определенность конкретной ситуации актуальной деятельности, что позволяет организовать собственную целесообразную активность в ней; 2) надситуативно: индивидуальный жизненный мир человека.

Остановимся на втором результате более подробно. *Индивидуальный жизненный мир* человека — это не некая не зависящая от субъекта «объективная действительность», но сложная чувственно-практическая и знаково-символическая реальность, в которой протекает жизнь человека. Индивидуальный жизненный мир человека, обеспечивая большую или меньшую определенность и ясность, становится интегральным знаково-символическим средством упорядочивания, организации, направления и регуляции жизнедеятельности человека. Основы категории «жизненный мир» в философии и психологии заложили Э. Гуссерль [7], М. Хайдеггер [16], С.Л. Рубинштейн [13], А.Н. Леонтьев [10] и другие. Но, бесспорно, данная категория требует дальнейшего теоретической и эмпирической разработки. Важной исследовательской и практической задачей, наряду с концептуальной разработкой категории «индивидуальный жизненный мир», является разработка вопросов формирования и поддержания индивидуального жизненного мира человека в его жизнедеятельности; формирования изоциренных систем личностного мировоззрения — как результата соединения культурных представлений (религиозных, научных и проч.) с личными; формирования и функционирования таких индивидуальных жизненных миров, которые являются «хорошими» или «плохими» средствами в достижении человеком конструктивной, продуктивной и приносящей удовлетворение жизни и др.

Выводы

Представляется конструктивным и целесообразным рассматривать человеческую активность по ос-

мыслению жизненного опыта как самостоятельную деятельность, со своим особым мотивом — достижением согласованной определенности в жизненном мире, специфическими действиями и операциями, позволяющими осмыслить конкретную ситуацию и жизнь в целом. Можно выделить разные *формы* (самостоятельную и совместную) и разные *уровни* (спонтанный и осознанный) данной деятельности, а также некоторые жизненные *сферы* осмысления

жизненного опыта. Деятельность осмысления всегда протекает в рамках определенного социокультурного образа жизни, поэтому роль культурных представлений и практик в ее протекании чрезвычайно велика. Результатом деятельности по осмыслению жизненного опыта является индивидуальный жизненный мир — интегральное знаково-символическое средство упорядочивания, организации, направления и регуляции жизнедеятельности человека.

Литература

1. Адлер А. Теория и практика индивидуальной психологии. М.: НПО «Прага», 1993. 296 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Издательство Московского Университета, 1984. 200 с.
6. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Просвещение, 1982—1984.
7. Гуссерль Э. Логические исследования: в 2 т. Т. 2. М.: ДИК, 2001. 332 с.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство Московского Университета, 1972. 584 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
10. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика: в 2 т. Т. 2, 1983. С. 251—261.

11. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
12. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. М.: Генезис, 2003. 128 с.
13. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012. 224 с.
14. Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности: учеб. пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 92 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 451 с.
17. Эллис А. Гуманистическая психотерапия. Рационально-эмоциональный подход. М.: Сова, Эксмо-Пресс, 2002. 272 с.
18. Эльконин Д.Б. Детская психология (развитие ребенка от рождения до семи лет). М., 1960. 293 с.
19. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.
20. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.
21. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.

Activity of Understanding Life Experiences: Status, Process and Result

V. V. Kolpachnikov*

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
venyak@gmail.com

The paper defines from the cultural-historical perspective the status of activity of understanding life experiences as that of a separate activity that continues throughout an individual's life. The paper describes the following: 1) the motive – that is, achieving a coherent consistency of the lifeworld; 2) the actions aimed at conceiving and integrating different parts of one's life experiences into a holistic picture of his/her own life; 3) various operations of the activity of understanding life experiences: forms (independent or together with others), levels (spontaneous or conscious) and spheres of understanding life experiences. The paper also discusses the outcome of this activity: the development of an individual lifeworld. The individual lifeworld is a complex perceptive-practical and sign-symbolic reality in which the individual's life happens and, at the same time, an integral sign-symbolic means of arranging, organizing, directing and regulating life activities.

Keywords: activity of understanding life experiences; motive, aims and operations; forms, levels and spheres of activity of understanding; individual lifeworld; role of cultural concepts and practices.

References

1. Adler A. Teoriya i praktika individual'noi psikhologii [Theory and Practices of Individual Psychotherapy]. Moscow: NPO "Pragma", 1993. 296 p. (In Russ.).
2. Asmolov A. G. Psikhologiya lichnosti: Uchebnik [Psychology of Personality]. Moscow: Publ. MGU, 1990. 367 p.
3. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya [Theory of Social Learning]. Saint-petersburg: Evraziya, 2000. 320 p. (In Russ.).
4. Bratus' B. S. Anomalii lichnosti [Deviations of Personality]. Moscow: Mysl', 1988. 301 p.
5. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya [Psychology of Experiencing]. Moscow: Publ. MGU, 1984. 200 p.
6. Vygotskii L.S. Sobr. soch: v 6 t. [Collection of Compositions]. Moscow: Prosveshchenie, 1982–1984.
7. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya [Logic researches]: v 2 t. T. 2. Moscow: DIK, 2001. 332 p. (In Russ.).
8. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of Development of Mentality]. Moscow: Publ. MGU, 1972. 584 p.
9. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p.
10. Leont'ev A.N. Obraz mira [Image of the World]. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya [Selected Psychological Works.]. Moscow: Pedagogika, 1983, v 2 t. Vol. 2, pp. 251–261.
11. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of Personal Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaningful Reality]. Moscow: Smysl, 1999. 487 p.
12. Lengle A. Zhizn', napolnennaya smyslom [Life Fulfilled with Meaning]. Moscow: Genезis, 2003. 224 p.
13. Rubinstein S.L. Chelovek i mir [Person and World]. Saint Petersburg: Piter, 2012. 224 p.
14. Seryi A.V., Yanitskii M.S. Tsennostno-smyslovaya sfera lichnosti: ucheb. posobie [Valuable -meaningful Sphere of Personality]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 1999. 92 p.
15. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of Meaning]. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).
16. Khaidegger M. Bytie i vremya [Being and Time]. Saint Petersburg: Nauka, 2006. 451 p. (In Russ.).
17. Ellis A. Gumanisticheskaya psikhoterapiya. Ratsional'no-emotsional'nyi podkhod [Humanistic Psychotherapy. Rational-Emotive Approach]. Moscow: Sova, Eksmo-Press, 2002. 272 p. (In Russ.).
18. El'konin D. B. Detskaya psikhologiya (razvitie rebenka ot rozhdeniya do semi let) [Child Psychology: Development of a Child from Birth till Seven Years Old]. Moscow, 1960.
19. Erikson E. G. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. Saint Petersburg: Letnii sad, 2000. 293 p. (In Russ.).
20. Yalom I. Ekzistentsial'naya psikhoterapiya [Existential psychotherapy]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 1999. 576 p. (In Russ.).
21. Yanitskii M.S. Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema [Valuable Orientations of Personality as a Dynamic System]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. 204 p.

For citation:

Kolpachnikov V.V. Activity of Understanding Life Experiences: Status, Process and Result. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 7–12. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Kolpachnikov Benjamin Valentinovich*, PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology of Personality, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. *venyak@gmail.com*

Системное описание страха смерти

А.А. Баканова*

ФГБОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
ba2006@mail.ru

В статье представлено системное описание страха смерти как совокупности пяти основных аспектов его изучения в психологии — антропологического, гносеологического, аксиологического, праксеологического и онтологического. Содержательный анализ каждого аспекта выполнен на основе теоретического обзора. Так, антропологический аспект представлен исследованиями различий в переживании страха смерти на протяжении истории человечества и жизни человека. Гносеологический аспект раскрывается через проблему биологической или социальной детерминации страха смерти, конкретизированной в психологии изучением его осознаваемых и неосознаваемых компонентов. Аксиологический аспект изучения страха смерти рассмотрен через его направленность (внутреннюю или внешнюю) и содержательные компоненты, отражающие базовые ценности личности, разрушаемые смертью либо создаваемые идеями смерти. Праксеологический аспект отражает изучение способов совладания со страхом смерти, включая защитные механизмы. Онтологический аспект рассмотрен как интегральный, описывающий роль страха смерти для развития человека и становления его личности.

Ключевые слова: страх смерти, танатопсихологические исследования, системные описания в психологии.

Постановка проблемы

Страх смерти, выступая традиционной категорией философских размышлений, является относительно новым самостоятельным предметом исследования в отечественной психологической науке, что обусловлено историей развития отечественной танатологии в целом и танатопсихологии — в частности. Остановка в развитии отечественной танатологии в 20-е гг. XX в. и ее возобновление во второй половине XX в. (первоначально лишь в сфере медицины, а затем и в философии) закономерно привело к тому, что зарубежные исследователи обогнали отечественную науку больше, чем на полвека. Именно поэтому при возобновлении интереса к танатологии, в том числе и психологической, исследователи вынуждены опираться в основном на труды зарубежных авто-

ров, с которыми знакомы зачастую лучше, чем с отечественными. Так, в зарубежной психологии изучение страха смерти имеет свою давнюю традицию в рамках психоаналитического, экзистенциально-гуманистического и трансперсонального направлений, а также в русле клинических наблюдений и психотерапии¹.

Говоря об отечественной науке, стоит отметить, что вслед за первой волной танатологического интереса в 90-е гг. XX в., открывшей целый пласт работ в рамках отечественной гуманитарной танатологии, преимущественно философского, религиоведческого и литературоведческого характера², в последнее десятилетие можно наблюдать вторую волну, охватившую ряд социальных наук — психологию, социологию, культурологию, о чем свидетельствует не только количество появившихся научных публика-

Для цитаты:

Баканова А.А. Системное описание страха смерти // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 13–23.

* Баканова Анастасия Александровна, доцент, кандидат психологических наук, доцент, кафедра клинической психологии и психологической помощи, ФГБОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. ba2006@mail.ru

¹ Дж. Гринберг, Т. Пыжински и Ш. Соломон; С. Гроф, Р. Кастенбаум, Э. Кюблер-Росс, С. Левин, Р. Мэй, Р. Моуди, К. Осис, Ф. Перлз, О. Ранк, П. Тиллих, Г. Фейфел, В. Франкл, З. Фрейд, Э. Фромм, Дж. Хэлифакс, Е. Шнейдман, Э. Эрикссон, К.Г. Юнг, И. Ялом и др.

² Борецкий О.Н., 1989; Бородай Ю.М., 1995; Гуревич А.Я., 1989; Гуревич П.С., 1991; Демичев А.В., 1997; Дубровский Д.И., 1990; Исупов К.Г., 1994; Лаврикова И.Н., 1999; Лаврин А.П., 1993; Лотман Ю.М., 1994; Матяш Т.В., 1997; Мордовцева Т.В., 2001; Рязанцев С.В., 1994; Розин В.М., 1997; Семин К.А., 1990; Толстая С.М., 1999; Трубников Н.Н., 1992; Федорова М.М., 1991 и др.

ций, но и защищенные диссертации (например, по психологии: Абдулгалимова С.А., 2010 [2]; Коваленко С.В., 2007 [14]; Кормушина Н.Г., 2011 [15]; Шутова Л.В., 2005 [29]). Более того, множество частных вопросов, связанных со страхом смерти, можно найти как в рамках фундаментальных отраслей психологического знания (например, психология развития, психология личности), так практических (психологическое консультирование, психодиагностика) и прикладных (например, клиническая психология, юридическая психология, военная психология и др.). Однако, несмотря на имеющуюся позитивную тенденцию в изучении танатопсихологических вопросов, в отечественных публикациях можно констатировать явное преобладание эмпирических работ над теоретическими, а также сфокусированность исследований в большей степени на проблеме отношения к смерти, чем собственно страха смерти. Эти особенности развития отечественных танатопсихологических исследований отражают противоречие между возрастающим интересом ученых и практиков к различным аспектам столкновения личности с данностью смерти и недостаточной систематизацией знаний, накопленных психологией (в частности, отечественной) в области изучения страха смерти.

Таким образом, необходимость систематизации научного знания в отношении страха смерти как объекта танатопсихологических исследований представляется актуальной и обоснованной. Решение этой задачи позволит не только очертить перспективные направления в осмыслении данного психологического феномена, но и вывести его из некоторой «методологической тени», исторически сложившейся в отечественной танатопсихологии.

Обоснование метода

Как известно, системный подход является одним из важнейших методологических принципов современной науки и практики, выступая в качестве инструмента построения системных описаний психических явлений, выполняя не только объяснительную и предсказательную функции, но и функцию интеграции информации об объекте [13]. Системное описание, по словам В.А. Ганзена, «...это форма представления информации о системной организации сложного объекта, в которой отражается состав, структура, функции и другие системные характеристики» [13, с. 2]. Системное описание страха смерти может выступить одной из возможных моделей для того, чтобы систематизировать и интегрировать накопленные знания в этой области.

В этой связи примечательным является тот факт, что на сегодняшний день в отечественной психологической литературе практически отсутствуют работы, посвященные не только системному описанию страха смерти, но и системному описанию страха как психологического феномена, несмотря на имеющуюся солидную традицию исследования этого эмоцио-

нального состояния у детей и взрослых (В.А. Афаньев, Т.А. Арефьева, В.И. Гарбузов, А.И. Захаров, Е.П. Ильин, О.А. Карабанова, Б.Д. Карвасарский, М.В. Осорина, А.М. Прихожан, А.О. Прохоров, Ю.В. Щербатых и др.). В этом контексте можно отметить, например, исследование А.Ф. Чернавского (2008), который на основе системного анализа предлагает рассматривать страх на психологическом, психофизиологическом и социально-психологическом уровнях [25]. В то же время примеры системного описания страха можно обнаружить в некоторых философских работах [1; 5], которые дают, на наш взгляд, более полное представление о различных аспектах страха как объекта познания, а потому могут быть применимы в качестве модели системного описания страха смерти в психологии.

Так, на основе историко-философского анализа, Д.Н. Баринов выделяет ряд аспектов, характеризующих философское понимание страха и тревоги, а именно: онтологический (раскрытие духовной природы страха), гносеологический (роль познавательной деятельности в формировании страха), антропологический (страх как показатель развития человека от биологических начал к социальным), аксиологический (отражение в страхе отношения человека к природе, обществу, другим людям и самому себе) и праксеологический (роль страха в регулировании практической деятельности) [5]. Эти аспекты применительно к психологическому пониманию страха смерти могут выглядеть следующим образом.

1. Антропологический аспект может быть представлен во всем многообразии проявлений страха смерти в норме и патологии на протяжении истории человечества и жизни отдельного человека;

2. Гносеологический аспект страха смерти может быть раскрыт через проблему его биологической или социальной детерминации, а также изучение осознаваемых и неосознаваемых компонентов;

3. Аксиологический аспект страха смерти может быть рассмотрен через его направленность и содержательные компоненты, отражающие базовые ценности личности;

4. Практиологический аспект может отражать различные способы совладания со страхом смерти;

5. Онтологический аспект может быть рассмотрен как интегральный, характеризующий значение страха смерти для развития человека и становления его личности.

Построение системного описания страха смерти на основе пяти выделенных аспектов представляется обоснованным, так как все они, восходя к работам И. Канта и Э. Гуссерля, формируют, согласно современной философии, структуру любого философского знания, существуя в неразрывном единстве [22]. Исходя из этого, можно предположить, что выделенные аспекты (онтологический, гносеологический, антропологический, аксиологический и праксеологический) являются достаточными и взаимосвязанными друг с другом, а значит, на современном этапе развития научного знания их целесообразно рассма-

тривать как универсальную модель для системного описания страха смерти.

Познание любого сложного объекта начинается с получения ответов на вопросы о его составе, поэтому **целью** данной статьи является системное описание страха смерти как совокупности составляющих его элементов — антропологического, гносеологического, аксиологического, праксеологического и онтологического, а **задачами** выступает их последовательный психологический анализ.

Предложенная модель позволит проанализировать основные направления танатопсихологических исследований страха смерти с точки зрения пяти основных аспектов, каждый из которых может быть рассмотрен через соответствующие проблемные оси.

1. Антропологический аспект страха смерти

Содержание антропологического аспекта в изучении страха смерти образно может быть представлено в виде двух пересекающихся плоскостей, одна из которых — горизонтальная — представлена осью «филогенез—онтогенез», другая — вертикальная — осью «норма—патология». Представления о норме и патологии хоть и зависят от исторического этапа и социокультурных условий, но, тем не менее, отражают имеющуюся в конкретный исторический момент систему представлений о человеке. Такая двухмерная модель позволит отобразить все многообразие танатического опыта человека, как в широкой исторической ретроспективе, так и в глубине своих проявлений.

Ось **«филогенез—онтогенез»** представлена несколькими направлениями исследований. Первое — собственно антропологическое, изучающее динамику отношения к смерти и, соответственно, особенности танатической тревоги на протяжении истории человечества. Этот исследовательский пласт представлен целым рядом работ, выполненных в рамках отечественной и зарубежной гуманитарной танатологии³. В самом общем виде это направление раскрывает философские, исторические, этнографические, социологические, культурологические и религиозные аспекты смерти и страха перед ней, показывая роль Танатоса в жизни человека и истории человечества, часто выступая в качестве теоретико-методологической базы психологических исследований.

Второе направление охватывает широкий диапазон собственно психологического изучения страха смерти в зависимости от межкультуральных, конфессиональных и национальных особенностей, а также региона проживания. В современной отечественной танатопсихологии это направление представлено некоторыми работами, которые пытаются исследовать социокультурные особенности страха смерти, в том числе в контексте отношения к смерти

[2; 8; 18]. Таким образом, первое и второе направления исследований с разных сторон подходят к вопросам культурно-исторического генеза различий в переживании страха смерти.

Третье направление изучения страха смерти в отечественной психологии рассматривает его особенности на протяжении онтогенеза и представлено не только в работах по педагогической психологии и психологии развития (Захаров А.И., 1998; Исаев Д.А., 1996; Кон И.С., 1989; Прихожан А.М., 2000 и др.), но также в рамках клинической психологии (Гнездилов А.В., 1995, 1996, 1997; Исаев Д.Н., 1996, 2003; Карвасарский Б.Д., 1990; Свядош А.М., 1998; 2000; Орлов Ю.М., 1998; Попогребский А.П., 1997; Холмогорова А.Б., 2003; и др.), психологии криминального, девиантного и аддиктивного поведения (Антонян Ю.М., 1997; Берно-Беллекур И. В., 2003; Вагин Ю.Р., 2004, 2005 и др.; Ениколопов С.Н., 2013 и др.), экстремальной и кризисной психологии (Дикая Л.Г., 1983; Лебедев В.И., 1989; Платонов К.К., 1990; Пономаренко В.А., 1985; Старшенбаум Г.В., 2005; Рыбников В.Ю., 2000; Столяренко А.М., 2002 и др.), психологии стресса (Китаев-Смык Л.В., 1983; 2009; Черепанова Е.М., 1996; Щербатых Ю.В., 1998, 2007), суицидологии (Амбрумова А.Г. и др., 1998; Войцех В.Ф. и др., 2000; Леонтьев Д.А., 2008; Тихоненко В.А., 1992 и др.) и биоэтики (Лях К.Ф., 2007; Тищенко П.Д., 1998, 2011; Юдин Б.Г., 1991, 1998, 2011). Необходимо отметить, что в последнее время в этом направлении появляются новые работы — как диссертационные исследования [2; 14; 15], так и научные публикации [16; 17; 26], что отражает интерес исследователей к изучению различий в переживании страха смерти.

Таким образом, антропологический аспект изучения страха смерти является для психологических исследований теоретико-методологической базой, отражающей существующее многообразие различий в переживании страха смерти в жизни человека и человечества.

2. Гносеологический аспект страха смерти

Несомненно, что объективная реальность смерти для ее субъективного отражения в психике человека представляет собой сложный объект познания, затруднения в осмыслении которого могут порождать страх и тревогу. Смерть в этом контексте выступает одним из самых сложных объектов в силу своей принципиальной непознаваемости, становясь одновременно притягательной для познания и пугающей для познающего. Многозначность понимания в науке страха в целом и страха смерти — в частности отражается, например, в том, что на сегодняшний день в психологии нет единого взгляда на классификацию стра-

³ Арьес Ф., 1992; Бодрийяр Ж., 2000; Бородай Ю.М., 1995; Варавва В.В., 2005; Гуревич А.Я., 1989; Демичев А.В., 1997; Клемен К.Х., 2002; Леви-Брюль Л., 1999; Матяш Т.В., 1997; Мордовцева Т.В., 2004; Шнейдер Л., 2002; Шенкао М.А., 1999, 2002, 2003; Янкелевич В., 1999; и многие другие.

хов, а потому место страха смерти в ней определено с некоторой долей условности. Так, страх смерти у Б.Д. Карвасарского (1980) включен в группу танатофобий; у С.Ю. Мамонтова (2002) и Ю.В. Щербатых (2010) — в группу экзистенциальных страхов; у А.И. Захарова (1988, 2000) и А. Кемпински (1998) этот страх относится к природной группе страхов; В.Е. Цыбульский и С.А. Торлецкий (2003) включают данный страх в группу мистических страхов, Ю.В. Орлов (1998) считает его одним из видов индуцированного страха [цит. по: 3], а Т.В. Абакумова (2000) относит его к онтологическим страхам [1].

Высокая вариативность взглядов существует и в отношении проблемы **детерминации страха смерти**. В целом, концепции, которые, так или иначе, пытаются объяснить причины страха смерти, можно, вслед за Дж. С. Рейнгольдом (J.C. Rheingold), разбить на 3 основные группы. К первой группе причин Дж.С. Рейнгольд отнес источники, не зависящие от жизненного опыта: 1) инстинктивная природа страха смерти, связанная с филогенезом (инстинкт самосохранения, инстинкт смерти, по З. Фрейду, и инстинкт поглощения); 2) коллективное бессознательное, включающее смерть как часть цикла «жизнь—смерть—воскрешение», а также 3) экзистенциальное происхождение страха смерти как осознание возможности собственного небытия (по Тиллиху П., 1952) [20, с. 106—115]. Ко второй группе можно отнести обстоятельства внутриутробного существования и травму рождения, создающие различия в степени чувствительности к тревоге [20]. И, наконец, в третьей группе концепций описываются факторы влияния жизненного опыта на танатическую тревогу, к которым можно отнести, в первую очередь, «ненадежность младенческого существования» [20, с. 129] и качество материнской заботы, а также большой диапазон теорий, раскрывающих роль «последнего детского опыта» в формировании страха смерти [20].

Среди работ отечественных авторов можно отметить известную публикацию А.Б. Холмогоровой (2003), описывающей пять источников страха смерти, характерных для современного человека, которые хоть и являются индивидуальными, но при этом тесно связаны с социальными отношениями и ценностными установками. К таким источникам автор относит: нарциссизм современной культуры, культивирование обсессивно-компульсивных черт личности, экзистенциальный вакуум, социальную изоляцию и разобщенность людей, а также не переработанный и не интегрированный опыт столкновения со смертью [24].

Как видно из приведенного многообразия взглядов на проблему детерминации страха смерти, все они находятся в континууме двух принципиальных позиций, известных еще с конца XIX в.: «страх смерти есть инстинкт» — «страх смерти социален». Таким образом, любой аспект существования человека — от филогенетического до онтогенетического и от биологического до духовного — потенциально является источником танатической тревоги, что опре-

деляет понимание смерти как первичного источника тревоги.

Несмотря на сложность постановки проблемы и высокую вариативность ее решения, исследователи пытаются понять, как страх смерти отражается в психике и поведении и каким образом связаны его **осознаваемые и неосознаваемые компоненты**. Эмпирические исследования в этой области могут помочь конкретизировать ответ на вопрос если не о происхождении страха смерти, то, по крайней мере, об особенностях его репрезентации в психике и роли в развитии личности. В связи с этим Г. Фейфель (Feifel H., 1973) и его коллеги [34] выделили три уровня проблематики смерти: 1) сознательный (оцениваемый по ответу на вопрос: «Бойтесь ли Вы своей смерти?»), 2) фантазийный (определяемый путем оценивания позитивности ответов на вопрос: «Какие мысли или образы приходят Вам в голову, когда Вы думаете о смерти?»); 3) подпороговое сознание смерти (оцениваемое по среднему времени реакции на связанные со смертью слова в тесте словесных ассоциаций и тесте словесно-цветовой интерференции). Именно поэтому наиболее перспективной исследовательской моделью считается изучение разных уровней проявленности страха смерти.

Для изучения осознаваемых компонентов страха смерти в отечественных танатопсихологических исследованиях [11; 26] используются переводные и адаптированные опросники, такие, как: «Шкала страха смерти» Дж. Бойяра (Boyar J.I., 1964) [33], «Шкала тревожности по поводу смерти» Д. Темплера (Templer D.I., 1967) [38], Опросник «Страх личной смерти» (Florian V., Kravetz S., 1983) [35] и др., а также различные варианты авторских анкет.

Можно отметить, что в исследованиях, посвященных неосознаваемым аспектам отношения к смерти, используется концепция перцептивной защиты и бдительности, которая рассматривается в психологии в качестве эмпирического подтверждения идеи З.Фрейда о вытеснении. Предполагается, что у разных людей страх смерти может проявляться либо на осознаваемом, либо на неосознаваемом уровне, при этом уровень неосознаваемого страха смерти тем выше, чем ниже уровень осознаваемого [23].

Среди методов, позволяющих изучить неосознаваемые компоненты страха смерти, в литературе указываются, помимо тахистоскопических проекций и измерений кожно-гальванической реакции, методы гипнотического внушения, а также проективные методы, такие как: ТАТ, тест Роршаха, незаконченные предложения, ассоциативные эксперименты, анализ сновидений, сочинение сказок и историй, рисуночные методы, а также песочная арт-терапия [11; 15; 23; 28, 31]. Также для диагностики неосознаваемого страха отечественными авторами применялись такие экспериментальные методики, как «Проявляющиеся слова», «Падающие слова» и «Прайминг-диагностика», стимульный материал которых предъявлялся испытуемым визуально при помощи компьютера [23]. К методикам, позволяющим «ухватить»

неосознаваемый уровень отношения к смерти (или фантазийный, по Г. Фейфелю), можно отнести следующие: «Метафоры личной смерти» Дж. МакЛеннана (McLennan G., 1994) [37; 11], «Персонификация смерти» Р. Кастенбаума и Р. Эйзенберга (Kastenbaum R., Aisenberg R. 1977) [36], задание «Подберите слово» (J. Arndt, 2002), а также семантический дифференциал «Образ смерти» [27].

Таким образом, отечественные исследователи имеют необходимый диагностический инструментальный для изучения как осознаваемых, так и неосознаваемых компонентов страха смерти. Несомненно, что на этапе становления отечественной танатопсихологии как науки проблема инструментального оснащения исследований представляется актуальной и, как видно из примеров, работа в этом направлении активно ведется.

В целом, можно заключить, что проблема детерминации страха смерти так же, как и сам страх, является многоуровневой и охватывает разные аспекты человеческого существования (от перинатального до терминального), представленные как на сознательном, так и на бессознательном уровне человеческой психики.

3. Аксиологический аспект страха смерти

Страх смерти, несмотря на кажущуюся однородность, является феноменом со сложной организацией и может быть рассмотрен как с точки зрения своей направленности, так и содержательных компонентов.

Говоря о *направленности* страха смерти, в литературе можно отметить отчетливую тенденцию к отделению страха личного исчезновения от других видов озабоченности по поводу смерти. Например, И. Ялом, ссылаясь на исследование, проведенное Дж. Диггори и Д. Ротман (Diggory J.C., Rothman D.Z., 1961), приводит список из семи распространенных страхов, связанных со смертью, отмечая, что только два из них («Всем планам и начинаниям придет конец», «Я не смогу ничего ощущать») относятся к собственно страху смерти, остальные же («Моя смерть причинит горе моим родным и близким», «Процесс умирания может быть мучительным», «Я не смогу заботиться о тех, кто зависит от меня», «Я боюсь того, что будет со мной, если окажется, что есть жизнь после смерти», «Я боюсь, что будет с моим телом после смерти») больше имеют отношение к жизни, чем к смерти [31]. Жак Хорон различает три типа страхов смерти: страх того, что наступит после смерти; страх самого «события» умирания; страх прекращения бытия [цит. по: 31]. Р. Кастенбаум (Kastenbaum R., 1977) отмечает, что первые два из этих страхов — это страхи того, что связано со смертью, но не есть непосредственно сам страх смерти; собственно страхом смерти является третий [36].

В этой связи Т.А. Гаврилова вводит и обосновывает терминологическую адекватность понятия «ау-

томортальная тревожность» (от греч. autos — «сам» и греч. morte — «смерть») для обозначения тревоги и страха человека по поводу собственной смерти [7; 8; 9; 10]. В ее работах предполагается, что другие виды обеспокоенности человека смертью остаются в рамках понятия «страх смерти».

Приведенные подходы показывают, что страх смерти может обладать как внутренней направленностью (страх потери самого себя), так и внешней (страх утраты привычного образа жизни). Исходя из этого, можно заключить, что в самом общем виде направленность страха смерти может быть представлена либо вектором «аутомортальность», либо, по аналогии, вектором «экзомортальность» (от греч. *exo* — «вне, снаружи»), который описывает страхи, связанные с несуществованием (т. е. страхи в отношении различных аспектов смерти, связанных с тревогой личного исчезновения, но напрямую ею не являющихся).

Выделение направленности страха смерти логично связано с представлением о его *содержательных компонентах*, которые, по мнению некоторых авторов (Р. Кастенбаум, Р. Лунетто, Д. Темплер, Ж. Хорон, Г. Фейфель, И. Ялом и др.), характеризуют комплексность этого переживания, отражая в то же время значимые для человека сферы потерь, связанные с умиранием. Например, Л. Гудман (Goodman L.M., 1981) в результате своего эмпирического исследования предлагает следующий список страхов: конечность смерти, неизвестность посмертия, страх несуществования, максимальная потеря, страх боли и одиночества при умирании, а также страх не завершить дела в жизни [цит. по: 28, с. 57–58]. Р. Лунетто (Lonetto R., 1986) с коллегами выделили в страхе смерти 4 фактора: когнитивно-аффективный, озабоченность болью и стрессом, беспокойство по поводу физических деформаций, фактор осознания времени [цит. по: 8].

В качестве теоретической модели, обобщающей взгляды различных авторов, Т.А. Гаврилова выделяет четыре содержательных компонента страха смерти: *витальный* — страх боли, мучений или отсутствия ощущений, а также страх собственной беспомощности («быть обузой»); *интраперсональный* — страх потери себя; *интерперсональный* — страх расставания с близкими и одиночества и *трансперсональный* — страх неизвестности и неопределенности (в том числе — посмертия). По ее словам, трансперсональный и витальный компоненты являются факкультативными, в то время как интраперсональный составляет «суть тревоги смерти» [7, с. 41]. Наши исследования показывают, что этот перечень можно дополнить, включив еще два компонента: *экзистенциальный* — страх предопределенности (страх неизбежности смерти, а также ее возможной неестественности или несвоевременности) и духовный, включающий страх невозможности самоосуществления и самореализации, а также страх духовной неподготовленности и возможности понести наказание за «недостойно прожитую жизнь». Эти два компонента близки к темпорально-срочным характеристикам

восприятия конечности, выделенным Т.А. Гавриловой в структуре аутомортальной тревожности (2010) — абсолютно-аутомортальной тревожности и относительно-аутомортальной тревожности, соответственно [9].

Выделение содержательных компонентов страха смерти имеет не только теоретическую целесообразность, но и эмпирическое подтверждение, в частности, в разработке методик оценки тревоги по поводу смерти. В качестве примера можно привести опросник «Страх личной смерти» (Flogian V., Kravetz S., 1983) [35]. Так, структура опросника предполагает три измерения, которые, в свою очередь, делятся на шкалы: внутриличностное измерение (последствия для личности и тела), межличностное измерение (последствия для семьи и друзей, а также страх потери социальной идентичности) и надличностное измерение (трансцендентные последствия). Как следует из исследования авторов адаптации данной методики [26], выраженность компонентов страха смерти можно рассматривать во взаимосвязи с индивидуальной системой жизненных ценностей человека (например, выраженный страх по шкалам внутриличностного измерения будет в большей степени характерен для людей с гедонистической ориентацией).

Таким образом, содержательно страх смерти может быть представлен в шести основных компонентах, три из которых (витальный, интраперсональный и духовный) имеют отношение к аутомортальной тревожности, связанной с озабоченностью личной кончиной; другие три (интерперсональный, трансперсональный и экзистенциальный) — к экзомортальной тревожности, отражающей неподвластность законов бытия—небытия личной воле человека. При этом содержательные компоненты страха смерти взаимосвязаны со страхом утраты системы жизненных ценностей. Поэтому изучение направленности и содержания страха смерти позволяет понять значимые для личности сферы потерь, связанные со смертью (базовые ценности, разрушаемые смертью).

Говоря о страхе смерти как объекте отечественных танатопсихологических исследований, следует отметить, что он изучается не только во взаимосвязи с ценностно-смысловыми ориентациями [2; 9; 17; 29], но также в контексте целого ряда психологических образований, например, уровня субъективного контроля [21], тревожности [15], аутоагрессивности [17], временной перспективы личности, жизнестойкости, толерантности к неопределенности, депрессии [26] и одиночества [6]. Данное направление исследований, изучающее страх смерти во взаимосвязи с различными психологическими феноменами, позволяет понять его роль в функционировании личности, приводя к идее о том, что страх смерти может быть взаимосвязан не только с утратой базовых ценностей, но и с их обретением (например, может усиливать чувство близости с другими людьми, помогать в принятии ответственности и поиске смысла). Эта идея созвучна взглядам И. Ялома, который писал о том, что «физически смерть разрушает челове-

ка, но идея смерти спасает его» [31, с. 19]. Применительно к ценностному аспекту страха смерти эту идею можно перефразировать в терминах процессов аксиологизации и деаксиологизации следующим образом: вещественность смерти (по И. Ялому) содержит возможность утраты базовых ценностей, а идея смерти — возможность их созидания.

Таким образом, аксиологический аспект изучения страха смерти раскрывается с двух позиций: 1) изучение направленности и содержания страха смерти позволяет понять значимые для личности сферы потерь, связанные со смертью (базовые ценности, разрушаемые смертью); 2) изучение страха смерти во взаимосвязи с различными психологическими феноменами позволяет понять его роль в функционировании личности (базовые ценности, создаваемые идеей смерти).

4. Праксеологический аспект страха смерти

Праксеологический аспект логично связан с предыдущими аспектами, так как осознание конечности личного существования и рефлексия страха смерти неизбежно ставят человека перед проблемами о том, как защититься, справиться, подготовиться. Поэтому праксеологический контекст изучения страха смерти может быть связан с поиском ответов на два основных вопроса: 1) является ли страх смерти неотъемлемой частью психической реальности человека или может быть устранен; 2) если страх смерти устранить, то какие способы могут быть наиболее эффективными.

При ответе на вопрос об *устранимости* страха смерти известны три основных подхода. Первый свидетельствует, что страх смерти естественен для психически здорового человека и выполняет деструктивную функцию (например, Дж. Рейнгольд, Норман О. Браун). Другой доказывает, что страх и тревога смерти являются естественными для человека, лежат в основе видов людских тревог, и, хотя и выполняют деструктивную функцию, не могут быть полностью устранены — разве что снижены посредством специфических механизмов защиты (У. Джеймс, Дж. Зайлцбург). Третий же считает (например, М. Хайдеггер), что страх смерти типичен для человека, и он выполняет конструктивную функцию и, таким образом, его надо не преодолевать, а скорее поддерживать и даже усиливать [7].

Однако поиск ответов на эти вопросы лежит не только в плоскости теоретической, но, в большей степени, практической психологии. Так, некоторые аспекты этой проблемы можно встретить в работах зарубежных авторов, описывающих особенности конфронтации со смертью в различных ситуациях — переживания горя, неизлечимой болезни, умирания (В. Волкан, С. Гроф, Э. Кюблер-Росс, С. Левин, Р. Моуди, К. Осис, Г. Фейфел, Дж. Хэлифакс, И. Ялом. и др.). Отечественные ученые также предлагают свое видение ответа на этот вопрос, приобрета-

ющий особую остроту и практическую значимость в сфере психологической и психотерапевтической помощи (Баскаков В.Ю., 2007; Вагин И.О., 2001; Василюк Ф.Е., 1984, 2007; Гнездилов А.В., 1995, 1996, 1997; Козлов В.В., 2003, 2007; Магомед-Эминов М.Ш., 2006, 2009; Мамонтов С.Ю., 2002; и др.).

Относительно *способов совладания со страхом смерти* в научной литературе, по большей части, представлен аспект защитных стратегий, основанных на отрицании, смещении, вытеснении или рационализации; экспериментальное и эмпирическое наполнение данного исследовательского поля пока явно недостаточно, особенно в отечественной психологии. Среди зарубежных публикаций можно отметить исследование клинического характера (И. Ялом, Р. Firestone), а также теорию управления ужасом (Terror Management theory – TMT) Дж. Гринберга, С. Соломона, Т. Пищински (Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., 1986), которая строится на результатах применения оригинальной экспериментальной методологии. Так, авторы этой теории полагают, что большую часть человеческого поведения можно понять как попытку достичь психологического спокойствия перед лицом осознания своей смертной природы. Люди достигают такого спокойствия через культуру, которая предстает как средство массовой защиты от тревоги смерти. Современные работы в русле этой теории показали, что напоминание о смерти нарушает повседневную деятельность, в результате чего люди склонны больше подвергать свою жизнь риску, высказывать резкие суждения о противоположной точке зрения, предпочитать авторитарных лидеров и др. [26].

Другим подходом (в рамках теории научения) является концепция Р. Кастенбаума, который считает страх смерти результатом научения и рассматривает его в контексте общей стратегии совладания индивида с угрозами разного рода [цит. по: 8]. Исходя из этой концепции, трудности совладания с проблемой смерти проистекают не столько из темы смерти самой по себе, сколько из-за сложностей, возникающих у индивида по ходу его возрастного научения.

Среди отечественных публикаций преобладают, в основном, научно-популярные, предлагающие различными способами, в том числе в духе эпикурейцев, избавиться от страха смерти (Борсук Р., 2006; Иванцова Д.А., 2003; Карандашев В.Н., 2005; Курпатов А.В., 2005; Леви В.Л., 2005; Леженеков М.М., 2005; Щербатых Ю.В., 2010 и др.).

Говоря о концепции совладания со страхом смерти, которая находится в процессе формирования, стоит отметить, что она требует уточнения в силу своей специфики (например, неустранимости угрозы смерти, а потому исключения стратегии проблемно-ориентированного копинга), а также пересмотра содержания и критериев эффективности. В качестве положительных тенденций можно отметить, что в последнее время в отечественной танатопсихологии стали появляться эмпирические работы, выполненные с позиций описания способов совладания со страхом смерти

[2; 4; 19], а также с точки зрения психологических защит [14] и, в частности, вытеснения [23].

Таким образом, праксеологический контекст изучения страха смерти, несмотря на свою актуальность и практическую значимость, остается пока мало изученным с эмпирической точки зрения, имея при этом выраженный уклон в сторону своего практического аспекта.

5. Онтологический аспект страха смерти

Онтологический аспект психологического изучения страха смерти раскрывает его значение для развития и духовного становления человека, а потому этот аспект можно рассматривать как интегрирующий, венчающий собой все описанные выше направления. Действительно, вне зависимости от компонентов страха смерти и источников его происхождения, индивидуальных особенностей и способов совладания, какую роль он играет в судьбе человечества и жизни конкретного человека? Помогает ли он через осознание границ жизни обрести ее смысл, возвыситься над суетным, быть способным к трансценденции и духовному поиску или, напоминая обреченному о неминуемом, лишает его сил, ввергая в мрачную пучину безысходности и тоски?

Ответ на этот вопрос является в большей степени теоретическим конструктом, основанном на философских размышлениях, а также на глубоком осмыслении результатов эмпирических исследований и клинических наблюдений, так как он пытается объяснить роль страха смерти через такие психологические категории, которые трудно поддаются измерению: мировоззрение, нравственность, смыслы, духовность, личностная зрелость, интеграция внутреннего опыта и т.д. В отечественной психологии обращение к онтологическому аспекту страха смерти можно увидеть в таких работах, как: Анцыферова Л.И., 1997; Братусь Б.С., 1994; Веселова Е.К., 2004; Леонтьев Д. А., 2004 и др.

Среди работ зарубежных авторов в качестве примера можно привести теорию управления смыслом П. Вонга (Wong P., 1994) [39], основанную на представлениях об экзистенциальной перспективе и мотивации поиска личной значимости (В. Франкл), эгоинтегрированности (Э. Эриксон), а также связи между принятием смертности и самоактуализацией (А. Маслоу, Р. Мэй, Дж. Бьюдженталь). Согласно этим представлениям, страх смерти проистекает из неудач в поиске смысла жизни, в то время как наличие смысла связано не только с положительным отношением к смерти, но и с психологическим здоровьем [39]. Особенностью позиции П. Вонга является также представление о том, что различные виды отношения к смерти могут сосуществовать друг с другом, т. е. низкий страх смерти не обязательно является свидетельством принятия смерти, так же, как и принятие смерти не исключает страх перед ней [12]. В целом, П. Вонг рассматривает страх смерти как непринятие

своей смертности, поэтому отношение к смерти может косвенно отражать смысложизненные феномены [12]. В этой связи П. Вонг считает, что как отрицательные, так и положительные аспекты отношения к смерти необходимы в поиске смысла жизни [39].

Являясь интегрирующим компонентом в изучении страха смерти, онтологический аспект тесно связан со всеми предыдущими аспектами. Так, антропологический аспект изучения страха смерти во всем его многообразии на протяжении истории человечества и конкретного человека позволяет видеть в смерти возможность стать, по словам Э. Кюблер-Росс, последней стадией роста [цит. по: 28, с. 48]. Гносеологический аспект связан с поиском источника страха смерти как в биологической, так и социальной природе человека, постижением глубины и сложности человеческой психики, поиском способов, благодаря которым страх смерти не только может быть осознан, но и использован (по К. Ясперсу) — для перемещения человека из повседневного плана бытия в экзистенциальный и далее — трансцендентный [32]. Аксиологический аспект изучения страха смерти связан с поиском механизмов, благодаря которым базовые ценности, создаваемые идеей смерти, оказываются весомее ценностей, разрушаемых смертью, что позволяет личности использовать идею смерти в качестве «события грандиозной значимости», как сказал И. Ялом [31, с. 185]. Праксиологический аспект связан с рассмотрением возможности совладать со страхом смерти в процессе психотерапии, личностного роста, духовных практик или жизненной мудрости, создает условия для достижения человеком целостности, в которой, по выражению Э. Эриксона, единственный и неповторимый жизненный цикл принимается как завершение жизни, а смерть теряет свою мучительность [30].

Подвести итоги можно следующим образом: страх, являющийся одним из способов столкновения человека с данностью смерти, способной разрушить базовые жизненные ценности, одновременно содержит в себе возможность более глубокого проникновения в собственную жизнь и открывает ценности

иного рода — ценности, создаваемые идеей смерти, что позволяет человеку принять целостность своего бытия. Эта целостность достигается через осознание страха смерти и его разнообразных проявлений, через усердную внутреннюю работу, позволяющую человеку учиться бытию не только у жизни, но и у смерти. Выбор же своего пути от страха до целостности всегда остается за человеком.

Выводы

1. Предлагаемая модель описания страха смерти, состоящая из пяти аспектов (антропологический, гносеологический, аксиологический, праксеологический и онтологический) достаточно полно охватывает все его составляющие, раскрывая теоретические, эмпирические, практические и прикладные направления научного исследования, что может быть положено в основу системного описания страха смерти в психологии.

2. Содержательный аспект системного описания страха смерти позволяет определить различные стороны изучаемой проблемы, отразив как те идеи, которые чаще выступают в качестве теоретико-методологического основания танатопсихологических исследований, так и те, которые находятся пока на этапе формирования и проверки. Проблемное поле страха смерти как объекта танатопсихологических исследований можно описать следующими проблемными осями: «филогенетический—онтогенетический», «нормальный—патологический», «инстинктивный—социокультурный», «осознаваемый—неосознаваемый», «аутомортальный—экзомортальный», «аксиологизированный—деаксиологизированный», «устрашимый—неотъемлемый» и «разрушающий—интегрирующий».

3. Перспективными направлениями для дальнейших теоретических изысканий в области системного описания страха смерти может стать структурно-функциональный анализ страха смерти как объекта психологического познания, а также уточнение его онтологического аспекта.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 13-06-00574 «Роль осознаваемых и неосознаваемых компонентов страха смерти в переживании кризисного периода средней взрослости»).

Литература

1. *Абакумова Т.В.* Философские аспекты феномена страха: дисс. ... канд. философ. наук. Якутск, 2000. 150 с.
2. *Абдулгалимова С.А.* Психологические особенности преодоления страха смерти у старшеклассников с разными смысложизненными стратегиями: дисс. ... канд. психол. наук. Р. н/Д., 2010. 160 с.
3. *Акопян Л.С.* Новый подход к классификации страхов // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 11 (4). С. 1472—1475.

4. *Баканова А.А.* Стратегии совладания со страхом смерти // Материалы III международной научно-практической конференции «Психология стресса и совладающего поведения» (Кострома, 26—28 сентября 2013 г.). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. Т. 1. С. 165—167.

5. *Баринев Д.Н.* Социальные тревоги как феномен общественной жизни: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... докт. философ. наук. М., 2011. 47 с.

6. *Вихорев С.А., Дмитриева Л.Ю.* Танатическая тревога и субъективное ощущение одиночества // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения —

2008: Психология кризисных и экстремальных ситуаций» (Санкт-Петербург, 21–23 октября 2008 г.). СПб.: СПбГУ, 2008. С. 590–592.

7. *Гаврилова Т.А.* Аутомортальная тревожность как проблема психологии здоровья // *Материалы круглого стола с международным участием «Психология здоровья»* (Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2009 г.). СПб.: Изд-во СПбГИПСР, 2009. С. 39–45.

8. *Гаврилова Т.А.* Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте // *Вопросы психологии*. 2004. № 6. С. 63–71.

9. *Гаврилова Т.А.* Аутомортальная тревожность и развитие личности: постановка проблемы // *Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Инновационный потенциал психологии в развитии человека и XXI века»* (Владивосток, 25–27 июня 2009 г.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 73–77.

10. *Гаврилова Т.А.* Аутомортальная тревожность как субъектный феномен // *Психологический журнал*. 2013. № 34 (2). С. 99–107.

11. *Гаврилова Т.А.* Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога: методы исследования и диагностики // *Прикладная психология*. 2001. № 6. С. 1–8.

12. *Гаврилова Т.А.* Об адаптации опросника «Профиль аттитудов по отношению к смерти — переработанный» (DAR-R), разработанного П.Т.П. Вонгом, Г.Т. Рикером и Дж. Гессер // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2011. Т. 4. № 1. С. 46–57.

13. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.

14. *Коваленко С.В.* Отношение к жизни и смерти подростков, совершивших гомицидные действия: дисс. ... канд. психол. наук. Р.н/Д., 2007. 138 с.

15. *Кормушина Н.Г.* Психолого-педагогическая коррекция экзистенциальных страхов у старших подростков: дисс. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2011. 178 с.

16. *Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В.* Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия // *Культурно-историческая психология*. 2013. № 4. С. 58–64.

17. *Литецкий Н.Н.* Танатическая тревога и смысложизненные ориентации аутоагрессивной личности // *Материалы II международной научной конференции «Психология: проблемы практического применения»* (Чита, 20 июня 2013 г.). Чита: Изд-во «Молодой ученый», 2013. С. 55–63.

18. *Михайлова А.В., Нафанаилова М.С.* Значение восприятия смерти в этнокультуральном аспекте // *Сибирская психология сегодня: сб. науч. трудов. Вып. 2*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 295–300.

19. *Попова С.А.* Стратегии совладания с аутомортальной тревожностью в аспекте их популярности и эффективности (на материале исследования студентов педвуза) // *Материалы III международной научно-практической конференции «Психология стресса и совладающего поведения»* (Кострома, 26–28 сентября 2013 г.). Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013. Т. 1. С. 115–167.

20. *Рейнгольд Дж.С.* Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. М.: ПЕР СЭ, 2004. 384 с.

21. *Соколовская О.К., Соколова А.А.* Страх смерти у современной молодежи // *Материалы международной научно-практической конференции «Личность в экстре-*

мальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности» (Владивосток, 15–16 апреля 2011 года). Владивосток: Мор. гос. ун-т имени адм. Г.И. Невельского, 2011. С. 197–202.

22. *Стрельник О.Н.* *Философия: краткий курс лекций*. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 240 с.

23. *Филиппова М.Г., Чернов Р.В., Мирошников С.А.* Вытеснение угрожающей информации: изучение возможности измерения неосознаваемого страха // *Вестник СПбГУ*. 2010. № 12 (2). С. 143–158.

24. *Холмогорова А.Б.* Страх смерти: культуральные источники и способы психологической работы // *Консультативная психология и психотерапия*. 2003. № 2. С. 120–131.

25. *Чернавский А.Ф.* Системное исследование страха: дисс. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2008. 207 с.

26. *Чистопольская К.А., Епиколопов С.Н., Бадалян А.В., Саркисов С.А.* Адаптация методик исследования отношений к смерти у людей в остром постсуициде и в относительном психологическом благополучии // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2012. № 2. С. 35–42.

27. *Шварева Е.В.* Диагностические возможности исследования современного образа смерти // *Материалы международной научно-практической конференции «Психология XXI века»* (Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2012 года). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 101–103.

28. *Шутова Л.В.* Смысложизненные и ценностные ориентации в отношении к жизни и смерти у лиц юношеского возраста: дисс. ... канд. психол. наук. Таганрог, 2005. 160 с.

29. *Шутова Л.В.* Страх смерти и смысложизненные ориентации в юношеском возрасте // *Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Психология и педагогика»*. 2005. № 5. С. 146–151.

30. *Эриксон Э.Г.* *Детство и общество*: пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Речь, 2000. 416 с.

31. *Ялом И.* *Экзистенциальная психотерапия* / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: Класс, 1999. 576 с.

32. *Ясперс К.* *Смысл и назначение истории*: пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

33. *Boyar J.I.* The construction and validation of scale for the measurement of the fear of death // *Dissertation Abstracts*. 1964. V. 25. P. 20–21.

34. *Feifel H., Branscomb A.* Who's afraid of death? // *Journal of Abnormal Psychology*. 1973. V. 81 (3). P. 282–288.

35. *Florian V., Kravetz S.* Fear of personal death: attribution, structure, and relation to religious belief // *Journal of personality and social psychology*. 1983. V. 44. P. 600–607.

36. *Kastenbaum R., Aisenberg R.* *The psychology of death*. N.Y.: Springer. 1977. 328 p.

37. *McLennan G.* The revised death fantasy scale: a measure of reaction to anticipatory contemplation of personal death // *The Australian Counseling Psychology*. 1994. V. 2. P. 36–44.

38. *Templer D.I.* The construction and validation of a Death Anxiety Scale // *Journal of General Psychology*. 1970. V. 82. P. 165–177.

39. *Wong P.T., Reker G.T., Gesser G.* Death-Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // *Death Anxiety Handbook: Research, Instrumentation, and Application* / R.A. Neimeyer (Ed.). N.Y.: Taylor and Francis. 1994. P. 121–148.

Fear of Death: A Systemic Description

A.A. Bakanova*

Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia,
ba2006@mail.ru

The paper presents a systemic description of the fear of death incorporating the following five basic aspects of its study in psychology: anthropologic, gnoseological, axiological, praxeological and ontological. Content analysis of each aspect is built upon theoretical research. Thus, the anthropological aspect is reviewed through the prism of various studies on the differences in experiencing the fear of dying throughout the history of mankind and throughout an individual's life. The gnoseological aspect is revealed through the issues of biological and social determination of the fear of death realized in explorations of its conscious and subconscious components explored in psychology. The axiological aspect is considered through its orientation (internal and external) and content components reflecting the basic values of an individual that are either destroyed or created by the idea of death. The praxeological aspect represents ways of coping with the fear of death, including various defence mechanisms. The ontological aspect is regarded as the integral one depicting the role of the fear of death in human development and its contributions to the formation of personality.

Keywords: fear of death, tanatopsychological research, systems descriptions in psychology.

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project №13-06-00574 "The role of lucid and non-lucid components of fear of death in the experience of the period of middle adulthood").

References

1. Abakumova T.V. Filosofskie aspekty fenomena strakha. Diss. kand. filosof. nauk. [Philosophical aspects of the phenomenon of fear. Cand. Sci. (Philosophy) diss.]. Yakutsk, 2000. 150 p.
2. Abdulgalimova S.A. Psikhologicheskie osobennosti preodoleniya strakha smerti u starsheklassnikov s raznymi smyslzhiznennymi strategiyami. Diss. kand. psikholog. nauk. [Psychological peculiarities of overcoming the fear of death for high school students with different life strategies. Cand. Sci. (Psychology) diss.]. Rostov-on-Don. 2010. 160 p.
3. Akopyan L.S. Novyi podkhod k klassifikatsii strakhov. [A new approach to classification of fears]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific center]*, 2009, no. 11 (4), pp. 1472–1475.
4. Bakanova A.A. Strategii sovladaniya so strakhom smerti [Strategies for coping with fear of death]. Materialy Tretyei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya" (Kostroma, 26–28.09.2013) [Proceedings of the Third International Conference "Psychology of stress and coping behavior"]. Kostroma: Publ. KSU, 2013, Vol. 1, pp. 165–167.
5. Barinov D.N. Sotsial'nye trevogi kak fenomen obshchestvennoi zhizni: sotsial'no-filosofskii analiz. Avtoref. diss. dokt. filosof. nauk. [Social anxiety as a phenomenon of social life: social-philosophical analysis. Dr. Sci. (Philosophy) Thesis]. Moscow, 2011. 47 p.
6. Vikhorev S.A., Dmitrieva L.Yu. Tanaticheskaya trevoga i sub"ektivnoe oshchushchenie odinochestva [The anxiety of death and subjective feeling of loneliness]. Materialy nauchno-prakticheskoi konfrentsii "Anan'evskie chteniya – 2008: Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii" (Sankt-Peterburg, 21–23.10. 2008). [Proceedings of the Scientific and Practical Conference "Anan'ev's reading – 2008. Psychology of crisis and extreme situations"]. St. Petersburg: Publ. SPbU, 2008, pp. 590–592.
7. Gavrilova T.A. Automortal'naya trevozhnost' kak problema psikhologii zdorov'ya. [The anxiety of death as the issue of health psychology]. Materialy kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem "Psikhologiya zdorov'ya" (Sankt-Peterburg, 14–15.12.2009) [Proceedings of the Conference "Psychology of Health"]. St. Petersburg: Publ. SPbSIPSW, 2009, pp. 39–45.
8. Gavrilova T.A. Strakh smerti v podrostkovom i yunosheskom vozraste [The fear of death in adolescence and young adulthood]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2004, no. 6, pp. 63–71.
9. Gavrilova T.A. Automortal'naya trevozhnost' i razvitie lichnosti: postanovka problemy [The anxiety of death and personal development: the problem]. Materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Innovatsionnyi potentsial psikhologii v razvitii cheloveka i XXI veka" (Vladivostok, 25–27.06.2009) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Innovative potential of psychology in human development and XXI century"]. Vladivostok: Publ. VSUES, 2010, p. 73–77.
10. Gavrilova T.A. Automortal'naya trevozhnost' kak sub"ektivnyi fenomen [The anxiety of death as a phenomenon of the subject]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2013, no. 34 (2), pp. 99–107.

For citation:

Bakanova A.A. Fear of Death: A Systemic Description. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 13–23. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Bakanova Anastasia Aleksandrovna, PhD in Psychology, associate professor at the Department of Clinical Psychology and Psychological Assistance, Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia. ba2006@mail.ru

11. Gavrilova T.A. Ekzistentsial'nyi strakh smerti i tanaticheskaya trevoga: metody issledovaniya i diagnostiki [Existential fear of death and the anxiety of death: methods of research and diagnostics]. *Prikladnaya psikhologiya* [Applied psychology], 2001, no. 6, pp. 1–8.

12. Gavrilova T.A. Ob adaptatsii oprosnika "Profil' attityudov po otnosheniyu k smerti – pererabotannyi" (DAP-R), razrabotannogo P.T.P. Vongom, G.T. Rikerom i Dzh. Gesser [The adaptation of the questionnaire "Death Attitude Profile – Revised" (DAP-R), developed by P.T.P. Wong, G.T. Reker and G. Gesser]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2011. Vol. 4. no. 1, pp. 46–57.

13. Ganzen V.A. Sistemnye opisaniya v psikhologii [System descriptions in psychology]. Leningrad: Publ. LSU, 1984, 176 p.

14. Kovalenko S.V. Otnoshenie k zhizni i smerti podrostkov, sovershivshikh gomitsidnye deistviya. Diss. kand. psikhol. nauk [Attitude toward life and death of teenagers, made homicide. Cand. Sci. (Psychology) diss.]. Rostov-on-Don, 2007, 138 p.

15. Kormushina N.G. Psikhologo-pedagogicheskaya korektsiya ekzistentsial'nykh strakhov u starshikh podrostkov. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological-pedagogical correction existential fears in teenagers. Cand. Sci. (Psychology) diss.]. Chelyabinsk, 2011, 178 p.

16. Kulagina I.Yu., Senkevich L.V. Otnoshenie k smerti: vozrastnye, regional'nye i gendernye razlichiya [Attitude toward death: age, regional and gender differences]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2013, no. 4, pp. 58–64. (In Russ., abstr. in Engl.)

17. Lipetskii N.N. Tanaticheskaya trevoga i smyslozhiznennyye orientatsii autoagressivnoi lichnosti [The anxiety of death and life orientation autoaggressive personality]. Materialy Vtoroi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Psikhologiya: problemy prakticheskogo primeneniya" (Chita, 20.06.2013) [Proceedings of the Second International Scientific Conference "Psychology: problems of practical application"]. Chita: Publ. "Molodoi uchenyi", 2013, pp. 55–63.

18. Mikhailova A.V., Nafanailova M.S. Znachenie vospriyatiya smerti v etnokul'tural'nom aspekte [The value perception of death in ethnocultural aspect]. *Sibirskaya psikhologiya segodnya: sbornik nauchnykh trudov*. Vup. 2. [Siberian psychology today], 2004, pp. 295–300.

19. Popova S.A. Strategii sovladaniya s automortal'noi trevozhnost'yu v aspekte ikh populyarnosti i effektivnosti (na materiale issledovaniya studentov pedvuza) [Strategies for coping with anxiety death in the aspect of their popularity and effectiveness]. Materialy Tretyei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya" (Kostroma, 26–28.09.2013) [Proceedings of the Third International Conference "Psychology of stress and coping behavior"]. Kostroma: Publ. KSU, 2013. Vol. 1, pp. 115–167.

20. Reingol'd Dzh. S. Mat', trevoga i smert'. Kompleks tragicheskoi smerti [The mother, anxiety, and death. The catastrophic death complex]. Moscow: Publ. PER SE, 2004, 384 p.

21. Sokolovskaya O.K., Sokolova A.A. Strakh smerti u sovremennoi molodezhi [The fear of death among today's young people]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti" (Vladivostok, 15–16.04.2011) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The person in extreme conditions and situations of crisis"]. Vladivostok: Publ. MSU named after adm. G.I. Nevelskoy, 2011, pp. 197–202.

22. Strel'nik O.N. Filosofiya: kratkii kurs lektsii [Philosophy: a brief course of lectures]. Moscow: Publ. Yurait; ID Yurait, 2011. 240 p.

23. Filippova M.G., Chernov R.V., Miroshnikov S.A. Vytesnenie ugrozhayushchei informatsii: izuchenie vozmozhnosti izmereniya neosoznavaemogo strakha [Eviction threatens information: study of the possibility of measuring the unconscious fear]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint Petersburg University], 2010, no. 12 (2), pp. 143–158.

24. Kholmogorova A.B. Strakh smerti: kul'tural'nye istochniki i sposoby psikhologicheskoi raboty [Fear of death: cultural sources and ways of psychological work]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2003, no. 2, pp. 120–131. (In Russ., abstr. in Engl.)

25. Chernavskii A.F. Sistemnoe issledovanie strakha. Diss. kand. psikhol. nauk. [System research of fear. Cand. Sci. (Psychology) diss.]. Ekaterinburg, 2008. 207 p.

26. Chistopol'skaya K.A., Enikolopov S.N., Badalyan A.V., Sarkisov S.A. Adaptatsiya metodik issledovaniya otnoshenii k smerti u lyudei v ostrom postsuitside i v otnositel'nom psikhologicheskom blagopoluchii [Adaptation of the attitude to death and fear of at death assessment techniques for the healthy individuals and those in acute post-suicidal condition in a russian sample]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiiatriya* [Social and clinical psychiatry], 2012, no. 2, pp. 35–42.

27. Shvareva E.V. Diagnosticheskie vozmozhnosti issledovaniya sovremennogo obraza smerti [Diagnostic possibilities of research of a modern image of death]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Psikhologiya XXI veka" (Sankt-Peterburg, 26–28.04.2012) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The psychology of the XXI century"]. St. Petersburg: Publ. SPbU, 2012. pp. 101–103.

28. Shutova L.V. Smyslozhiznennyye i tsennostnyye orientatsii v otnoshenii k zhizni i smerti u lits yunosheskogo vozrasta. Diss. kand. psikhol. nauk. [Life meaning and value orientation within attitude to life and death in persons of youthful age. Cand. Sci. (Psychology) diss.]. Taganrog, 2005, 160 p.

29. Shutova L.V. Strakh smerti i smyslozhiznennyye orientatsii v yunosheskom vozraste [Fear of death and life orientations at youthful age]. *Izvestiya TRTU* [Bulletin of SFU. Thematic release "Psychology and pedagogics"], 2005, no. 5, pp. 146–151.

30. Erikson E.G. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. Sankt-Petersburg: Publ. Rech', 2000, 416 p. (In Russ.)

31. Yalom I. Ekzistentsial'naya psikhoterapiya [Existential Psychotherapy]. Moscow: "Klass", 1999, 576 p. (In Russ.)

32. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of history]. Moscow: Publ. "Respublika", 1994, 527 p.

33. Boyar J.I. The construction and validation of scale for the measurement of the fear of death. *Dissertation Abstracts*, 1964. Vol. 25, pp. 20–21.

34. Feifel H., Branscomb A. Who's afraid of death? *Journal of Abnormal Psychology*, 1973. Vol. 81, no 3, pp. 282–288.

35. Florian V., Kravetz S. Fear of personal death: attribution, structure, and relation to religious belief. *Journal of personality and social psychology*, 1983. Vol. 44, pp. 600–607.

36. Kastenbaum R., Aisenberg R. The psychology of death. N.Y.: Springer. 1977. 328 p.

37. McLennan G. The revised death fantasy scale: a measure of reaction to anticipatory contemplation of personal death. *The Australian Counseling Psychology*, 1994. Vol. 2, pp. 36–44.

38. Tempter D.I. The construction and validation of a Death Anxiety Scale. *Journal of General Psychology*, 1970. Vol. 82, pp. 165–177.

39. Wong P.T., Reker G.T., Gesser G. Death-Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In Neimeyer R.A. (ed.) *Death Anxiety Handbook: Research, Instrumentation, and Application*. N.Y.: Taylor and Francis, 1994, pp. 121–148.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ
THE PROBLEM OF DEVELOPMENT

Развитие в контексте генезиса и отсылок к источнику. Перечитывая Л.С. Выготского

Д.М. Спектор*

Институт художественного образования Российской Академии Образования, Москва, Россия,
daspektor@mail.ru

То, что развитие личности включает развитие интеллектуальных и иных способностей, представляется аксиомой. Но если говорить о развитии эмоциональном, то понимание его необходимости не подкрепляется теоретически, поскольку речь идет ни о предмете эмоций, ни об их специфических формах (в частности, не принято в такой связи рассматривать «развитие эмоциональных способностей»). Таким образом, «эмоциональное развитие» лишается онтологической поддержки и, вместе с тем, критериев, инструментария и пр. Критика распространенных теоретических представлений, в частности, положений психоанализа и принципов теории культурно-исторической школы, а также авторские реконструкции филогенеза, позволяют уточнить содержание «эмоциональной сферы». «История детства» пересмотрена с точки зрения фундаментальных метаморфоз, включивших детство как разовый переход-инициацию; прообраз «детства», как период одушевления; сформированное (в век Просвещения) полноценное «детство» с приматом игры и интеллектуального созревания. Впервые рассмотрены внутренние метаморфозы мотиваций и условия их инициации в этом ракурсе. Противопоставление природы культуре, освятившее историю педагогической рефлексии, осмыслено в свете «двух природ»: обращенной к беспрецедентному, обусловленной согласованными спонтанными реакциями, и основанной знанием и алгоритмическими реакциями, параллельно развиваемыми и лишь в своем контакте обретающими эффективность. Их соотношение (Л.С. Выготским мыслимое как отношение мысли и аффекта) спроецировано в плоскость фундаментальных аппроксимаций мировосприятия.

Ключевые слова: трансцендентальность, трансцендентность, эмоциональная сфера, интеллект, природа и культура, инстинкт, спонтанность.

Вступление

Представления о современном образовании сложились под воздействием ряда идей, среди которых главенствует идея развития, наследующая традиции, ее представляющей как *путь восхождения*, опорным понятием которого выступает *перерождение*, *отрицание страха смерти*, приобщающее к *«высшему началу»*. Исторически подобные традиции (и им соответствующие практики) наследуют древнейшему ри-

туалу инициации, в ходе которого умирало начало «земное», что обеспечивало *перерождение* «дважды рожденного».

Углубленная рефлексия не выступает сугубой прерогативой традиционных учений. Вместе с тем, критерий *перерождения* вполне выпукло обозначает свой предмет: это семя высшего (духовного), погруженное в брненное тело, но несущее *пред-назначение*. Его можно (и должно) пробудить, после чего оно становится способным к росту при условии должно-

Для цитаты:

Спектор Д.М. Развитие в контексте генезиса и отсылок к источнику. Перечитывая Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 24–33.

* Спектор Давид Михайлович, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник, лаборатория изобразительного искусства, Институт художественного образования Российской академии образования, Москва, Россия. *daspektor@mail.ru*

го культивирования — причем последнее обращено к сознанию проснувшегося; наиболее древние практики (инициаций) нацелены на разовое пробуждение (духа). Раздел и сепарация *духа и тела* и составляют содержание культовых практик. Развитие цивилизации, включившее длительный процесс секуляризации, имеет срединным пунктом «одушевление», межее пространство между неистовством (трансцендентного) духа и рутинной повседневности. «Одушевление», в отношении рефлексии выступившее слабей тенью одухотворения, включает видимые черты рождающегося *индивидуализма и имманентной заботы*, сочетаемые с трансцендентным водительство. Покаяние и отпущение грехов привносят в обмирщение дополнительные штрихи, означая пути проникновения суверенности в повседневность, между тем инквизиция все более погружается в практики *дознания*, послужившие матрицей современного знания («Процедура дознания... получила особое развитие с реорганизацией Церкви и ростом числа княжеств в XII—XIII столетиях... Фактически дознание было начальным, но основополагающим элементом формирования эмпирических наук... юридически-политической матрицей экспериментального знания...» [11, с. 330—331]).

В констатациях «эпох», набивших оскомину со времен Конта или Спенсера, раскрываются обстоятельства известные и все же *практически не осознанные*. В них принято выделять ростки рационального (в том числе его внешнего выражения и опоры в лице институтов законности), и игнорировать существо оставляемого в прошлом, силы горнего, «*иллюзорной*», но неплохо справляющейся с делами, и суверенности *сакральной*, постепенно распространяющейся на повседневность. Вместе с тем, очевидно, что история человечества включает несколько различных эпох, смена которых во многом и характеризует его развитие: «первобытность», в которой жизнь поделена на несопоставимые фрагменты пафоса «одухотворения» (инициируемых ритуалом), и повседневность с доминированием рефлексорных реакций; проникновение «духа» в повседневность; последовательное (с Нового времени) утверждение рационального начала (обусловленное и сопровождаемое тотальным перестроением доминирующих мотивов и институций суверенного контроля).

Отстраняя предрассудок, относящий «развитие» к монополю прерогативе становящегося разума (и в фило-, и в онтогенезе), «прочее» же (ритуалы, магию, мифы, культы, религии) отмечающий клеймом «побочных эффектов», следует констатировать вполне очевидное обстоятельство: в истории наличествуют этапы качественно различных маркеров (оснований) человечности (дух, душа, разум), сменяющие друг друга в качестве субститутов суверенности; констатацию этого обстоятельства можно считать трюизмом, но именно сведение подобных эпох к стадиям становления интеллекта (сменившегося ранее монополю становление духа) не позволяет проникнуть к пониманию фактической стороны

развития, не говоря уже о его осмыслении, поскольку третирует его основание — дух — вместо его понимания подставляя глухое отвержение (скепсис; характерно, что духу при этом приписываются вовсе не свойственные ему — познавательные — притязания, с необыкновенным остроумием развенчиваемые).

Один из исходных путей западной цивилизации ознаменован окончательным *разделением светского и духовного образования*. Рефлексии, отсылающие к некоей естественности постепенного накопления знаний и дисциплинарным практикам, минуют внутреннюю обусловленность преобразований. К ней следует причислить по крайней мере два ключевых пункта: отмеченное Хейзинга умирание боевого духа, его последовательное вытеснение новым духом логистики и дисциплин и прорастание в ткани мирной жизни незримых нитей (одушевляющих) инициатив, вскормленных упомянутыми опытами средневековья («В конце XV появляются ландскнехты с огромными барабанами... (они) знаменуют разительный переход от эпохи рыцарства к милитаристскому духу нашего времени: это один из элементов *процесса механизации войн*» [12, с. 108]). Более значимы глобальные преобразования суверенности, покрытые тенью научно-технического прогресса: переход к Новому времени ознаменован не прокламируемой, но чрезвычайно существенной «сменой веков» идеологии. В тени наступающей рациональности и скрыт переход от господствующей идеологии бессмертия с ею унаследованным аристократизмом к идеологии смерти, сублимирующей мотивы ужаса, наживы и похоти.

В центре новой идеологии стоят знания и предметно выраженные умения (подразумевается знание процессуальное, опытно-предметное, верифицируемое). Смещение акцентов к практике (материальному плану) прикрыто отсутствием за ним осмысленной идеологии. Его следствия (дискредитация духа и одушевление, мараматическое сведение личного плана жизни к наличным ее аспектам) не прокламируют своей связности и общей направленности; вместе с тем научность как дух эпохи берется направлять редакции, подводящие под «человека» все более наличные (биологические) обоснования. Психоаналитическое учение не может в такой связи не рассматриваться в качестве симптома, указывающего на новые ориентиры «научности», подчиняющие человека «реальности».

Новое время, в лице Декарта констатирующее дуализм человеческого бытия, фактически освящено новой идеологией рабства, камуфлируемой монополием тела в его обособленности и «реальной» атомарности. Поскольку же все новое суть хорошо позабытое старое, в этой матрице бытия угадываются стержневые мотивы контролируемого изнутри подчинения, подлинно прорастающие на почве (намеренно культивируемой) обособленности и («естественных») потребностей, как альтернатив прежним (духовным) водительствам.

Ключи к современности заключены уже в архаичном рабстве, обогатившемся двумя новациями: пря-

мое принуждение дополнено и во многом заменено мягкой силой символической власти, обернувшей кнут в шелковые пелена; «пряник» же вследствие прогресса обеспечивает сытое существование большинства (вдобавок убежденного в единственной реальности хлеба насущного).

«Человек», выпестованный веками суверенных усилий, сформировавших из свободных общинников атомы нового общества, в свете якобы независимо от них развивающейся науки с начертанными на ее скрижалях заветами знания и опыта, предстает аналогом всякого иного предмета, манипуляции с которым призваны выявить и установить его свойства, из которых в процессе осмысления извлечена сущность (закон), скрытая наносами явлений. Это кредо погружает на первый взгляд независимую аналитику в аксиомы, среди которых следует акцентировать понимающийся союз научности с естественностью, вне зависимости от нюансов *преобразующий человека в животное*, ведомое *естественными потребностями* (инстинктами), необычно удовлетворяемыми (сознательно, сиречь целесообразно и в *предвидении последствий*).

Дело усугубляется еще и тем, что «развитие» (онтогенез) выступает сферой преимущественно психолого-педагогической рефлексии, если и способной дать достаточно детальный анализ наличных форм, методологически никак не готовой соотнести его с существенными движениями *идеологической власти* и порядком ею утверждаемых (и камуфлируемых под природные) «законов».

Вместе с тем, педагогические теории (следующие общему духу научности) не отвергли соблазна выстраивания универсальных стратификаций, основанных на гипотезе наличия *универсальной логики онтогенеза*. Распространение получили в такой связи представления об онтогенезе как столкновении и взаимодействии «культуры и природы», со времен С.И. Гессена усматривавшие задачи развития в «превращении природного человека в культурного».

Архаичные концепции рекапитуляции (Э. Геккель, С. Холл) утверждали, что развитие ребенка воспроизводит генезис рода человеческого (внутриутробное его развитие повторяет эволюцию всего живого). Утверждение было неоднократно опровергнуто в своем буквализме и регулярно возрождалось в «расширительном» смысле. Отгалкиваясь от буквальной редукции к наследственным факторам (Г. Бейлин, Дж. Брунер, И. Вулвилл, Л.А. Гезелл, М. Лорандо и пр.), теории далее находят все большее число факторов «культуры», развитие предопределяющих. В бихевиоризме развитие растворяется в материальных аксессуарах «среды» (Н. Миллер, Б. Скиннер, Дж. Уотсон, К. Халл). Упомянутые теории удовлетворялись эмпиризмом исходных определений; в их поле зрения попадала, с одной стороны, «природа» в форме организмов, предназначенных к росту, с другой — культура, приспособленная к *коррекции природной грубости*, трансляции обретенных в истории знаний, умений и навыков. Культура при-

звана природу облагораживать, основываясь не на предрассудках (в том числе религиозных), но на разуме. Культуру и представляла *нормативно-дисциплинарная* функция, призванная *изменить* обремененное пороками лени естество во имя «идей прогресса» (что означало, в частности, подчинение эмоций — аффектов — сознанию и интеллекту как навыкам *внутренней дисциплины*, разумеется, весьма тесно связанной с общими дисциплинарными практиками и нуждами нарождающейся промышленности).

Позитивистская матрица, таким образом, выступая методологической предпосылкой изучения процессов развития, фактически предопределяет итоги, редактируя их в направлении натуралистических аналогий; выход за подобные рамки требует от исследователя специальных усилий, разделяющих «факты», предопределенные аксиоматикой «научной парадигмы», и за ними скрытую реальность.

1. Натуралистические и культурные измерения развития

Связь природы и культуры представлена и в психоаналитической теории (З. Фрейд, К. Юнг и пр.), *усилившей* их дихотомию, обосновавшей природу (либидо) связью с могучим инстинктом, подавляемым и вытесняемым инстанцией Сверх-Я, культуру олицетворяющей. Поскольку в системе биологического априоризма культура констатируется, но не поясняется (если не принимать за ее обоснование анекдот, согласно которому братья убивают отца и в такой связи обзаводятся совестью), ей можно приписывать функции произвольно, в частности, видя в ней источник и воплощение викторианской морали. Следует заметить, что природа в образе сублимации довлеет над поведением в форме мотивационного регулятора.

Но обоснование природной, в отсутствие культурного обоснования, матрицы развития заключает семена мистики, давшие побег в учении о «самости» К.Г. Юнга [14]. Старый анекдот Фрейда в этой связи весьма характерен: натурные корни бытия уходят в глубины истории и запечатлены в строении представителей данного вида вплоть до генотипа. Безупорность культуры в свете доминирующей матрицы биологизма обуславливает ее трактовку в качестве «сбоя программы», ее объяснения через роковой прецедент, странным образом усвоенный (предками, не обладающими прежде ее зачатками) и сохраненный. Психоанализ выпестован просвещенческой матрицей, выступая ее новым кумулятивным обоснованием, в «естественных позывах» усматривающим монополярный источник инициатив, и в культуре видящим исключительно охранительные функции. Мистика безупорной культуры естественным образом переносится на сознание, утрачивающее в такой связи ранее делегированные ему (Кантом) функции спонтанности и сводимое к контролю и ограничению (нормированию) естественных порывов.

Л.С. Выготский же убежден, что высшие психические функции возникают вследствие усвоения и присвоения приемов коллективных действий в процессе *сотрудничества с другими* людьми.

Культурно-историческая теория Выготского выделяет в процессе развития линии созревания и культурного становления как овладения инструментарием управления поведением, мыслью и чувствами: «В развитии поведения ребенка следует, т.о., различать две основные линии. Одна — это линия естественного развития поведения, тесно связанная с процессами обще-органического роста и созревания ребенка. Другая — линия культурного совершенствования психологических функций, выработки новых способов мышления, овладения культурными средствами поведения» [5, с. 5]. Л.С. Выготский полагал, что история культуры суть «снятая» история развития знаковых систем — регуляторов поведения (к числу важнейших относя речь и язык). Последователи Выготского (Л.И. Божович, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин) развили и углубили представление о связи общей активности ребенка и эмоциональной окраски его поведения с развитием.

Широко известны труды Д.Б. Эльконина, рассматривающего операции с вещами и эмоционально-окрашенные отношения, прежде всего с «близкими взрослыми», в качестве взаимосвязанных условий развития [13, с. 130 и далее]. Первичный смысл предметного действия в его интерпретации заключен в *обращении к другому*, ожидании эмоциональной поддержки, опосредуемых орудиями и знаками, при помощи которых обращение осуществимо. Разрыв с генотипическим монизмом, таким образом, углубляет и значимость *социальных факторов взросления*. Но, при всем новаторстве, «натура» сохраняется в «процессах обще-органического роста», отделенных от «линии культурного совершенствования психологических функций, выработки новых способов мышления, овладения культурными средствами поведения» в виде лакуны, оставляющей возможность произвольного заполнения (в том числе природой в ее психоаналитической трактовке). Констатируя, «что культурное развитие заключается именно в овладении ... вспомогательными средствами поведения... какими являются язык, письмо, система счисления и др.», Л.С. Выготский отделяет техническое сопровождение развития от его «содержания», какое и представлено мотивами. Вне и помимо такого «содержания» развитие невозможно; но «природа эмоций» сохраняет дух отвергнутой рефлексологии, встраиваясь в развитие в форме системы стимулов-поощрений, выступающих оборотной стороной социальной коммуникации. Вне этой откровенно подсобной функции эмоции не обретают самостоятельности, что придает им облик элементов дрессуры, адаптированных к социальному контексту [3].

Под воздействием подобных идей возникает представление об общей логике онтогенеза, или возрастной периодизации. Поскольку «развитие» вклю-

чает деятельность двух типов, связанную с общением (прежде всего с окружающими взрослыми) прямо (мотивационно-потребностную) и некое ее инструментальное сопровождение (операционно-технические возможности ребенка), само развитие приобретает циклично-импульсивный характер. Его стабильные фазы (в которых доминирует интеллектуально-познавательная деятельность и «инструментальное освоение») сменяются кризисами возраста, в которых выдвигается на первый план поведение аффективное (связанное с неудовлетворенностью мотивов). Этот «колебательный контур» представляется следствием эмпирических наблюдений, но при внимательном взглядывании раскрывает умозрительные априори, в нем скрытые: поскольку «аффект» изначально сопровождает (мотивирует) общение, в его объяснение не могут прорваться иные мотивы, помимо помех развития такого общения. «За» развитием ребенка (логикой онтогенеза), таким образом, высвечивается основа и подлинная его почва: развитие общения (социализация) и развитие личности по его следам. В конечном счете, над этим процессом довлеют формы (общения), выступающие предметом психологического наблюдения (между тем его стержень в лице ведущего мотива изменений не претерпевает: это стремление к взрослому, сопровождаемое поощрениями (признанием) и на пути обрастающее побочным инструментарием культурных приемов и навыков).

Эмоции, безусловно, *сопровождают* значимые поступки и инициативы; но вместе с тем эмоции и воплощают глубинные мотивы поведения, окрашивая его «изнутри» ценностными ориентациями. Эту, вторую, сторону эмоционального не удается вобрать в теорию вопреки интуициям ее основателя.

В такой связи проясняются черты, связующие культурно-историческую школу с психоанализом: прорасчлененные из различных оснований (природы и культуры), они в конечном счете не могут соединиться в теоретическом поле. Вследствие и эмпирические наблюдения ведут к предустановленному результату: скрытой рефлексологии, природе, лежащей в основании, начале начал, и «надстроечной» культуре, являющейся (в построениях Фрейда более явно, у Выготского, вопреки многим констатациям, оставшимся декларативными), из ниоткуда, из странного прецедента (убийства) или интеллекта как аккумулированного историей опыта (совместной) реализации (природных) мотивов.

Оттого местом сличения данных учений и вместе с тем их критики выступает вопрос *о движителе развития и его источнике*.

Психоанализ, например, отвечает на вопрос об источнике развития, на первый взгляд, совершенно недвусмысленно: развитие обусловлено присущим человеку *естественным стремлением к удовольствию*, наиболее универсальной формой выражения которого служит Эрос, с которым культура (также в каждом человеке представленная инстанцией Сверх-Я) оперирует, сублимирует, перенаправляет по кана-

лам культурного удовлетворения. Не было бы этого мощного движителя — не было бы деятельности, от самых примитивных ее форм до рафинированно-культурных. Этот тезис звучит настолько убедительно и психологически достоверно, что представляется незыблемым постулатом, догмой, вобравшей неисчислимое море прочных, научноустановленных фактов. Но при несколько более пристальном всматривании подобное «объяснение» предстает завуалированным трюкачеством *qui pro quo*.

В самом деле, «энергия движения» черпается из естественного и очевидного источника. Но фокус в том, что к развитию, собственно, этот источник отношения не имеет, объединяя в естественности всех представителей фауны. Объяснение развития должно было заключаться в экспликации механизма действия *запруды*, преобразующей напор желания в культуру, *противоестественного препятствия*, не опертого на инстинкт, не просто запретительного, но трансформационного, *похоть необузданного желания могущего преобразовать в нечто принципиально иное*. Если на месте такого *x* представители психоанализа подставляют «Сверх-Я», требуется, *не впадая в искус мистицизма*, объяснить, как подобный *x* возник в глубинах истории, во времена *безраздельного господства инстинктов*.

Когда и если они направляются по такому пути, то неизбежно падают в яму (из которой и принуждены выбираться при помощи анекдотов); но монополю во главе истории стоящая животная потребность неспособна на перерождение; иной же почтенные психоаналитики не обнаруживают.

Но и культурно-исторический подход *не решает этой проблемы*. Общность бытия и использование орудий, по К. Марксу, служили исключительно *средством* удовлетворения базальной потребности выживания (преодолению нужды).

Такие потребности, в соответствии с его теорией, *целиком естественны*. Тут на месте половой потребности поставлен голод — впрочем, при несравненно иных усилиях экспликации механизма его трансформации в культуру. С первых шагов и это учение направляется по тому же порочному пути скрытого биологизаторства, в целях «научной достоверности» опирая человека на животную потребность с тем, чтобы при помощи ухищрений делегировать ему изоощренные средства такой потребности удовлетворения (непосредственно-общественную природу человека и орудийный характер ее реализации).

В этом Выготский целиком на стороне Маркса и сосредоточен на *культурных орудиях* управления поведением, *внутренней опосредованности как основы культуры*.

Но ни одно животное не «развивает» свои естественные потребности до того порога, за которыми начинается их (культурное) перерождение. И использование орудий, и интеллект, и стадность ему в этом *не способствуют* — поскольку орудия и инструменты и изменяются *вслед за потребностью*, не удовлетворяемой более традиционными средства-

ми. Именно она и развивается прежде всего с тем, чтобы спустя тысячелетия после своего возникновения породить речь и сознание, и в опоре на такого рода инструменты развивать последнее, в том числе в применении к орудиям и техническим средствам (выращивая на почве культуры технологии и техники институты управления и прочие элементы цивилизации).

Вместе с тем и человек (в реальной, а не умоглядной истории) начинается не с мыслительных манипуляций (каковые и спустя многие тысячелетия рождают на свет достаточно бессмысленные с точки зрения прагматизма мифы, начинаясь с еще менее прагматических кровавых ритуалов и магических обрядов), но с уже упомянутого культивирования экстатического состояния, переживания, вносящего в его существование новое присутствие (духа). И такое состояние естественно — но не в том отношении, в котором естественны половой, пищевой инстинкты или еще более довлеющий инстинкт самосохранения — скорее, оно в естественности своей им *противоположно*, поскольку инициирует самоотверженность, обращая особь (исключительно на время проведения ритуала и ограниченный срок после него немедленно начинающегося «остывания») в общественное существо (кроме того, подобный инстинкт не оперт на арсенал рефлексов, о чем подробнее ниже).

Далее мы будем исходить из того, что именно подобное состояние воплощает «человечность» (выступает ее исторически исходной клеточкой), в интересующем же нас отношении представляет то «третье», что в недрах природы представляет будущую культуру; здесь важно акцентировать то, что строители проходят мимо этого краеугольного камня *природного основания культуры* [10, с. 50—59]).

Между природой и культурой продолжает зиять роковой пробел. Ни Фрейд, ни Маркс не очерчивают названного третьего, что и обуславливает все слабости вырастающих на подобной почве теорий. Ни Фрейд, ни Маркс не могут указать на *основание человеческой мотивации*, в своем становлении преобразующее и самое себя, и средства своего выражения (формально, в схожем направлении движется и мысль Б.Ф. Поршнева, отталкивающегося от логической необходимости «третьего», или естественного основания культуры, и утверждающего его в интердикции; не вдаваясь в подробный анализ его взглядов, заметим, что переработка и аналитика значительного массива фактов антропологии, сочетаемая с экскурсами в область психофизиологии, соседствовала у него с игнорированием ряда этнографических и в общем лежащих на виду данных [6]).

Именно это основание осталось в тени упомянутых (как наиболее весомых) теорий (речь не идет о взглядах (от Спинозы к Шелеру), делегирующих человеку некую гипотетическую способность к совершенствованию, научению и пр.; речь о достоверной картине антропогенеза, в рамках которой первые шаги культуры *не отделены от инстинктов и ситуаций, их регулярно инициирующих*).

Подведем черту под сказанным. Принципиально верные акцентуации роли общения в развитии ребенка, выдвигание на первый план эмоциональной сферы, через которую ребенок «руководит» взрослыми как своими дистанцированными органами — не преломляются в общую теорию, оставляя «развитие» на откуп подретушированной рефлексологии. Противопоставление культуры и природы оставляет между ними нейтральную полосу «аффектов» (эмоций), гипотетически наследующих «природе» и вместе с тем выступающих ее проводниками в мир культуры.

2. Знание и эмоциональные настройки

Дальнейшее продвижение опирается на тот потенциал, который культурно-исторической школой очерчен достаточно отчетливо и для раскрытия которого не достало одного шага, связавшего природные истоки культуры, представленные эмоциями, с их *культурным предназначением*. Аналитика подобных истоков и начинается Выготским с очерчивания *назначения* эмоций, которое он вслед за Рибо и Вундтом усматривает в *синтезе образов* (косвенно опираясь на Канта). Прежде всего (и именно в противовес Канту), Выготский (следуя за Рибо) вычленяет в процессе восприятия *два способа синтеза* — ассоциативный (по сходству и смежности) и эмоциональный: «...впечатления или образы, имеющие общий эмоциональный знак, т. е. производящие на нас сходное эмоциональное воздействие, имеют тенденцию объединяться между собою, несмотря на то, что никакой связи ни по сходству, ни по смежности между этими образами не существует налицо» (со ссылкой на Рибо) [4, с. 13–14]. Симптоматично то, что данные формы жизненно-наивной абсорбции реальности рефлексией во внимание не принимаются. Здесь, кажется, распаивается бескрайнее поле, ждущее еще своего Аристотеля. Но очертить эту *параллельную линию восприятия* оказывается непросто. Трудности связаны с тем недоумением, которое не в силах соединить «сходное эмоциональное воздействие» с объективным денотатом; если такая связь и утверждается, она необъяснима.

Выготский не спешит с окончательным выбором, не удовлетворяясь ни одной из версий, и продолжает феноменологию в сфере творческого воображения. «Все формы творческого воображения, — говорит он (т.е. Рибо), — заключают в себе аффективные элементы». «Всякое господствующее чувство (или эмоция) должно сосредоточиться в идею или в образ, который бы дал ему плоть, систему, без чего оно остается в расплывчатом состоянии... Таким образом, мы видим, что эти два термина — господствующая мысль и господствующая эмоция — почти равноценны друг другу потому, что и тот и другой заключают в себе два неотделимых элемента и указывают лишь на преобладание того или другого» [4, с. 15]. Но это уточнение едва ли облегчает задачу, поскольку равноценность чувств и мыслей обостря-

ет вопрос о природе их различия и причинах столь странного дублирования восприятия (забегая несколько вперед, заметим, что навязчивое и на первый взгляд целиком очерченное эмпирическим наблюдением дублирование все же обусловлено установкой, априори закрепляющей за каждой способностью предметно очерченную (адаптивную) функцию; подобная установка не способна и на мгновение допустить возможность вне-предметного назначения эмоций; она столь суетливо спешит привязать их к «реальности», что скорее готова допустить родственность сознания и рефлекса (в обусловленности реакции предметом), чем в эмоции усмотреть до-предметное конвенциональное условие настройки; тайна подобной косности заключена в априоризме сознательного действия и априорной его бессмысленности (не-эффективности) вне схематизма плана и предметной аппроксимации). Вопрос об упомянутом существе эмоционального воздействия, способном объединить внешне не связанные элементы реальности, остается тем самым открытым.

Для его разрешения следует уточнить, как и под воздействием чего возникает это «господствующее чувство»? Если его истоки естественны, подобное чувство суть *инстинкт*, априори располагающий *предметом удовлетворения*. Голодное животное «знает», чего хочет, как знает это животное, испытывающее воздействие полового инстинкта. Ничего смутного их потребности не заключают. Но если его основания заключены в культуре, истоки «расплывчатости» рассматриваемого не могут попросту дублировать «реакцию». Они фиксируют иное ее основание, если и опираемое на эмоции и воображение, то в неких специфических целях, каковые и следует установить (именно их инаковость обуславливает иные по отношению к сознательному восприятию приемы и орудия идентификации реальности).

Во всяком случае, «господствующая эмоция» первична, отражает владеющий субъектом мотив и переходит в «господствующую мысль» как свое *предметное выражение*. Но если данное выражение (представление) выступает прерогативой сознания, то что, собственно, выступает предметом эмоции (если не ограничивать ее содержание не раз упомянутой «смутностью»)? Если сознание трансформирует «смутный позыв» в предметную форму, то «эмоция» как чистая интенциональность исполняет некую предварительную работу, без осуществления которой сознание не имело бы для представления материала (и не могло бы опереться на схематику синтеза, если допустить, что трансцендентализм последней не универсален, но в ситуации обретает спонтанную определенность); но что это за работа?

Выготский особенно обращает внимание на то, как «воображение становится действительностью». Но прежде действительностью (воображения) вынуждены становиться сами эмоции. Не выступает ли само воображение *предметным представлением эмоций*, в свой черед выступающих внутренними предметами, или опорными пунктами кристаллизаций

«синтетичного представления» [4, с. 17]? В этом пункте Л.С. Выготский (следуя Рибо) нащупывает сокровенный пункт эмоциональной тайны — за порогом внешней предметности. «Но что представляет собой до-предметная форма эмоций? Потребности и желания сами по себе ничего создать не могут. Они являются только стимулами и движущими пружинами. Для изобретения необходима, кроме того, личность еще и другого условия, а именно: самопроизвольного воскрешения образов. Самопроизвольным воскрешением я называю такое, какое происходит внезапно, без явных вызывающих его причин. Причины эти фактически существуют, но их действие облекается в скрытую форму мышления по аналогии, аффективного настроения, бессознательной мозговой работы» (со ссылкой на Рибо) [4, с. 24].

Иными словами, «потребности и желания» по прежнему принимаются за монополярные «стимулы и внутренние пружины». Человечность действия столь же традиционно обусловлена их интеллектуализацией, при помощи добавления «потребности изобретения» как надстройки, не изменяющей существа (цели) потребности, но делающей ее более эффективной (культурной). Спонтанность «самопроизвольного воскрешения образов» сохраняет значение сердцевинной эмоциональной деятельности; но при всей «внезапности» причины ее вполне рациональны (не совсем понятно, что подобная внезапность объясняет и отчего самопроизвольность и внезапность связываются с объяснением «изобретения»).

Однако подразумеваемые «фактически существующие причины» не названы — вдобавок размышление Выготского, оттолкнувшись от факта самостоятельности эмоций, сбивается на наезженный тракт «мышлений по аналогии» и в итоге закрывается в привычной среде «бессознательной мозговой работы».

Таким образом, сохраняется антагонизм прокламируемой самостоятельности эмоций, их видимо главенствующей роли во внутренней жизни и ее мотивациях, более того, не менее очевидное первенство эмоций в формировании образов внешнего мира — иными словами, в основаниях представления «реальности», и невозможности связать их с «объективным», от восприятия независимым существом. Коллизия не обретает разрешения ни у Рибо, ни у Выготского, не имея возможности опереться на философский фундамент. Общий экскурс в механизмы воображения и их связь с эмоциями заканчивается триумфом связи творчества с социальными условиями и средой.

Но если интеллектуализм удовлетворяется предметно-объективным знанием, связывая эмоции с адаптацией к *органическим позывам*, то гуманизм не может не попытаться усмотреть в их развитии и, следовательно, в самом существе, того признака, который, обеспечивая пластичность человеческого восприятия, вместе с тем утверждает мотивы, не исходящие из естественных нужд. Эмоции не могут стряхнуть инерцию интеллектуализма, связавшего генез

механизмов адаптации с эволюцией *алгоритмов* (действия, восприятия, осознания) [1, с. 22]).

Проблема, следовательно, коренится в неверности исходных допущений, исходящих из объективно-предметного знания и манипуляций с наличными предметами как тех абсолютных, которые *безусловно подчиняют человеческое существование*. В свете подобной парадигмы и интеллект, и эмоции решают одну — общую — задачу, «отражая» объективный мир и к нему адаптируясь. Очевидно, интеллект с этой задачей справляется гораздо лучше. В таких обстоятельствах эмоциям не остается ничего иного, кроме как *дублировать работу интеллекта*, наследуя инстинкту в его определенности (сочетаемой со смутностью). Но стоит изменить исходные условия, допустив, что реальность включает, помимо опознаваемого, *ситуации беспрецедентные, не располагающие алгоритмами реагирования* (но в отношении адаптационных механизмов чрезвычайно значимые), как для эмоций и интеллекта находятся самостоятельные сферы применения.

3. Эмоции — настройки на спонтанно-согласованное действие

Разрешить таким образом означенное недоразумение способно лишь указание на *собственную задачу эмоций*, что, в свой черед, понуждает выйти за пределы эмпирических констатаций и обратиться к *существу* эмоционального отношения. Исторически исходным его пунктом выступает упомянутая ранее инициация экстатического состояния, характеризующего отрицанием привычных алгоритмов действия. Это состояние (*нафос*, одухотворение, священное безумие), предстает с точки зрения эволюционно-биологической явлением оборонительного инстинкта, на время проведения ритуала подчиняющего прочие [8].

Этот и подобные ему (игровой, поисково-ориентировочный) инстинкты плохо изучены, и препятствует этому уже знакомая позитивистская парадигма. Рефлекс как ее исходный пункт и кредо служит исходным пунктом понимания — но в этом случае ищут не там, где потеряно, но под светом фонаря. Но монополия «отбора эффективного» в сочетании с его «закреплением» игнорирует миллионы лет *спонтанной активности*, к совокупности рефлексов и их связям (как условным рефлексам) не имеющей отношения, вместе с тем отнесенной к пропедевтике, по мере становления фенотипа утрачивающей смысл и значение.

Сложность ее понимания связана и с тем, что в мире *до-человеческом* ее роль *чрезвычайно ограничена*. Но человека отличает от иных живых существ, прежде всего опора, на такие реакции [9, с. 75–79]. Востребованные ситуацией постоянных столкновений локальных сообществ, спонтанные реакции обрели адаптационную значимость в связи с: а) спецификой предмета, на который они были направлены — иной общности, также действующей спонтанно (под воздействием аффекта), и б) с обретением воз-

возможности *согласования* собственной *спонтанной реакции*.

Секрет их эффективности заключен, таким образом, не в «логике следования предмету» (преимущественно отсутствующей), но в *общей настроенности* на предстоящее содействие, обретающей опоры в культе (вместе с тем именно в недрах подобного отношения (переживания) вызревают семена «эмоционального восприятия», не на абрис предмета (стимул) автоматически реагирующего, но формирующего образ как поле игры (спонтанных) сил, обретающих во внешнем облике предметное свое (эстетическое) выражение).

В основание вещественного отношения к миру положена *определенность и постоянство* того, что вследствие подведения подобных рамок и очерчивается в качестве «вещи». Это прежде всего бездушный предмет, материальный денотат, равный самому себе, предсказуемый и в силу того подводимый под категорию знания ($A = A$; усложняясь, оно подставляет под предмет процессы и функции). Эмоциональное же восприятие ухватывает в видимом за ним расположенную сердцевину (харизму лидера), причем подобное улавливание вторично, первично в данном случае (трансцендентальное) настраивание на общность переживания (в отношении рассуждений Выготского эта гипотетическая харизматика выступает искомым стержнем «эмоционального воздействия», ядром вменяемой реальности *характерной схемы мотивационно-эстетического синтеза*, вполне откровенно проявляемой в древнем анимализме и анимизме).

Нисхождение архаичного «духа», оборачивается, таким образом, стороной содержания, в котором преобладают мотивы апофатического отвержения общности, само-исступленность, отдающая адепта (трансцендентному) родовому началу, и формы, представленной необходимостью, предварающей представление согласованности — прежде всего, мотивов, в их гармонической связи преобразуемых в доступные для внешнего разделения образы.

Подобная со-настроенность на предстоящее и выступает ядром, из которого в течение тысячелетий формируются (специализированные) мотивационные (в том числе мотивационно-игровые) комплексы, синтезирующие волю (содержание) и ее мелодически-аранжирующие компоненты (формы), в специфические эмоции.

Возвращаясь из глубин истории, заметим, что даже к феноменологическому очерчиванию эмоций следует приступать, отталкиваясь от критики параллелизма и схемы «отражения» как его идеологического базиса (просачивающейся в самые современные реконструкции, скованные критериями адекватности); но свободное действие невозможно вне права на ошибку и обретает опоры прежде всего в себе (во вдохновении трансцендентного экстаза и красоте возникающего образа), а уже потом в действии (черпающем силы из того же трансцендентного источника); в такой связи информационная теория эмоций, акцентирующая их связь с мотивом и вероятностью

его осуществления, в конечном счете, все же проходит мимо столь тонкой специфики эмоционального, растворяя его в промежутке между мотивом и его рефлексивным сопровождением: «...информационная теория эмоций оказывается не столько объяснительным принципом, сколько методом исследования высших форм деятельности мозга, а регистрация эмоциональных реакций — технологией этого методического подхода» [7, с. 140–141]).

Обращаясь же к идеям культурно-исторической школы, следует, прежде всего, вернуться к исходному тезису Л.С. Выготского: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую сторону. Так же точно, кто оторвал мышление от аффекта, тот заранее сделал невозможным изучение обратного влияния мышления на аффективную, волевую сторону психической жизни, ибо детерминистское рассмотрение психической жизни исключает, как приписывание мышлению магической силы определить поведение человека одной своей собственной системой, так и превращение мысли в ненужный придаток поведения, в его бесильную и бесполезную тень» [2, с. 21–22].

Но если «Действительное движение процесса развития детского мышления совершается не от индивидуального к социализированному, а от социального к индивидуальному — таков основной итог как теоретического, так и экспериментального исследования интересующей нас проблемы» [2, с. 58], этот итог с точки зрения поставленной задачи нельзя признать удовлетворительным.

И дело даже не в формальной критике односторонности движение «изнутри — наружу» или «извне — внутрь»; достаточно понятно, что их невозможно изъять из общего контекста развития, что последнее обусловлено гигантским комплексом встречающих ребенка культурных форм, которые он не может освоить, если не совершает движения им навстречу, не развивает собственную мотивацию, вместе с тем ощущая потребность во все новых и новых формах ее удовлетворения, представляемых культурой.

Дело в том, что упомянутый «отрыв мышления от аффекта», каковые могут быть совмещены в поле внимания аналитика без заметных усилий, не преодолен изнутри, в сфере теории; дело в том, что «мотивация», не обретя теоретического выражения, сохранила отпечаток метафизической константы, маркирующей «путь влечения ребенка к внешнему миру», и прежде всего к «окружающим взрослым», в качестве неизбывного любопытства, обусловленного «природой человека» (в той редакции, которую придает ей психоанализ, культурно-историческая школа или иной) и вместе с тем подверженного воздействию социального окружения, среды и пр.

И если в такой связи рассматривать отношение значения и смысла, то при безусловной ценности аналитики развития отдельных значений, связываемой с развитием смыслового строения в целом, со ступенями, предшествующими более генетически ранним смысловым структурам, представленным значениями в форме конфигураций упорядочивания, Выготскому не удалось реконструировать внутреннее ядро «осмысленности» в его синтетической целостности и динамике становления. Различение мотива и смысла действия было продолжено А.Н. Леонтьевым, выделившим побуждающую, направляющую и смыслообразующую функции мотива. Решение поставленной Выготским задачи, таким образом, сохраняет свою актуальность.

Мы попытались внести в него свою лепту, которую в форме краткого резюме можно сформулировать следующим образом.

Онтогенез встроен в логику филогенеза точно так же, как и иные феномены культуры. Преодоление триумфа данного утверждения заключается в пересмотре «истории детства» с точки зрения отчасти фундаментальных метаморфоз, во главу угла ставящих (разовую) инициацию (духа); растягиваемое на период пра-детства одушевление (как преимущественное водительство духа, размыкающего тесную оболочку предельного экстагического переживания и обретающего форму «души» в многообразии эмоционально-мотивационных комплексов); сформированное (в век Просвещения) полноценное «детство» с приматом игры и интеллектуального созревания. Внутренние метаморфозы мотиваций и условий их инициации в этом ракурсе практически не исследованы.

Традиционное противопоставление природы культуре, освятившее историю педагогической рефлексии, следует переосмыслить в свете дихотомии «третьего пути», намеченной в статье, или «двух природ», параллельно развиваемых и лишь в своем

контакте обретающих наполненность. Их соотношение (подразумеваемое Выготским за отношением мысли и аффекта) следует спроецировать в плоскость фундаментальных аппроксимаций миро-окружности (внешней и внутренней) по линиям интеллекта, в (пусть чрезвычайно изощренной форме) nasledующего тем (рефлекторным и условно-рефлекторным) реакциям, которые основаны знанием и опознанием наступающего, и эмоций, вобравших тысячелетний опыт реакций по преимуществу спонтанных и в рамках культуры обретших второе дыхание ранее упомянутой согласованности (симфонической гармонизации чувств).

С такой точки зрения неизбежна и реформация сложившихся стратификаций. В них, помимо развития средств, следует усмотреть и становление мотивов; но за подобным становлением следует прежде утвердить их ядерную структуру, прежде встающую во главу угла синтетического согласования естественным образом, в единстве общинного культа (и его одухотворяющих прообразах — праотца, тотема и пр.) воплощенную; пройдя афористично обрисованный путь эволюции, такая структура: а) трансформировалась в плюралистическую россыпь сублимационных коридоров, утверждающих симулякры личности в ужасе, либидо, стремлении к накопительству и б) лишенная тем самым общезначимого фундамента, возникает (самопроизвольно) в качестве неожиданно открываемого «внутреннего» (духа) в различные моменты онтогенеза и на различных основаниях.

Последнее обстоятельство представляется наиболее деликатным моментом понимания «развития», требующим пропедевтического осмысления личности в ее представляющем ядре спонтанности и системы (культурных) средств инициации такового.

Представляется, что подобная аналитика только предстоит педагогике.

Литература

1. Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Водена. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 153 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
3. Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. (Акад. пед. наук СССР) / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 189—318.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк: кн. для учителя. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
5. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 4. С. 5—18.
6. Поршнев Б.Ф. О началах человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алтейя, 2007. 720 с.
7. Симзов П.В. Эмоциональный мозг. М., Наука, 1981. 216 с.

8. Спектор Д.М. Власть времени. М.: Социальный проект, 2009. 560 с.
9. Спектор Д.М. Практицизм культуры и идеология знания (к культурной идеологии образования) // *Alma mater* (Вестник Высшей школы). — 2014. № 8. С. 74—79.
10. Спектор Д.М. «Третий путь: между инстинктом и осознанием» // *Культура и искусство*. 2015. № 1. С. 50—59. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.1.13538.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.
12. Хейзинга Й. Осень средневековья: пер. с нидерланд. Вступ. ст. и общ. ред. В.И. Уколовой. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. 416с.
13. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В. П. Зинченко. М.: «Педагогика», 1989. 560 с.
14. Юнг К.Г. Эон: Исследование о символической самости. М.: Академический проект, 2009. 340 с.

Development in the Context of Genesis and References to Origin. Rereading L.S. Vygotsky

D.M. Spector*

Institute of Art Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
daspektor@mail.ru

It seems axiomatic that personality development involves the development of intellectual and other abilities. However, if we speak about emotional development, its necessity cannot be supported theoretically since no object of emotions is involved or any of their specific forms (for instance, it is not common to consider "the development of emotional abilities"). Thus, "emotional development" is deprived of any ontological support as well as of criteria, tools etc. Critique of widespread theoretical concepts, in particular, those of psychoanalysis and cultural-historical theory, and reconstruction of phylogenesis enabled the author to propose a more precise definition of the content of "emotional sphere". "The history of childhood" is reviewed through the perspective of fundamental metamorphoses including childhood as a one-off rite of passage; the prototype of childhood as a period of animation; the modern notion of childhood (formed during the Enlightenment era) with its supremacy of play and intellectual development. For the first time the paper explores the inner metamorphoses of motivations and conditions required for their initiation. The core opposition between nature and culture that underpins the history of pedagogical thought is interpreted in the light of "two natures": one referring to the unprecedented, determined by coherent spontaneous reactions, and the other based on knowledge and algorithmic reactions, the two developing simultaneously and becoming effective only through their interconnection. The relationship of these two natures (conceptualized by L.S. Vygotsky as the relationship between thought and affect) is projected into the area of fundamental approximations of world perception.

Keywords: transcendentality, transcendence, emotional sphere, intellect, nature and culture, instinct, spontaneity.

References

1. Boas F. Um pervobytnogo cheloveka. [Mind of the primitive person] Moscow-Leningrad, Gos. Publ., 1926.
2. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: V 6-ti t. T. 2. Problemy obshchei psikhologii [Problems of the general psychology]. Davydov V.V. (ed.). Moscow: Pedagogika, 1982. 504 p.
3. Vygotskii L.S. Uchenie ob emotsiyakh [The doctrine about emotions]. In Yaroshevskii M.G. (ed.) *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected works in 6 Vol.]. Moscow. 1984. Vol. 6. 400 p.
4. Vygotskii L.S. Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste: Psikhol. ocherk: Kn. dlya uchitelya [Imagination and creativity at children's age]. Moscow: Prosveshchenie, 1991. 93 p.
5. Vygotskii L.S. Problema kul'turnogo razvitiya rebenka (1928) [Problem of cultural development of the child (1928)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* [Gerald of Moscow University. *Serya 14. Psychology*], 1991, no. 4, pp. 5–18.
6. Porshnev B.F. O nachalakh chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [About the beginnings of human history (a paleopsikhologiya problem)]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2007. 720 p.
7. Simonov P.V. Emotsional'nyi mozg [Emotional brain]. Moscow: Nauka, 1981. 216 p.
8. Spektor D.M. Vlast' vremeni [Time power]. Moscow: Sotsial'nyi proekt, 2009. 560 p.
9. Spektor D. M. Praktitsizm kul'tury i ideologiya znaniya (k kul'turnoi ideologii obrazovaniya) [Practicalness of culture and ideology of knowledge (to cultural ideology of education)]. *Zhurnal Alma mater [Vestnik Vysshei shkoly]*, 2014, no. 8, pp. 74–79.
10. Spektor D.M. "Tretii put': mezhdru instinktom i osoznaniem" [Third way: between an instinct and understanding]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and arts], 2015, no. 1, pp. 50–59.
11. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat' [To supervise and punish]. Moscow: "Ad Marginem", 1999. 480 p.
12. Kheizinga I. Osen' srednevekov'ya [Fall of the Middle Ages]. Ukolova V.I. (ed.). Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress" – "Kul'tura", 1995. 416 p.
13. El'konin D. B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Chosen psychological works]. Davydov V.V., Zinchenko V.P. (eds.). Moscow, 1989. 560 p.
14. Yung K.G. Eon. Issledovanie o simvolike samosti [Eon. Research about egoism symbolics]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2009. 340 p.

For citation:

Spector D.M. Development in the Context of Genesis and References to Origin. Rereading L.S. Vygotsky. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 24–33. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Spector David Mikhailovich*, PhD in Architecture, senior research fellow at the Laboratory of Fine Arts, Institute of Art Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. daspektor@mail.ru

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EMPIRICAL RESEARCH

Особенности саморегуляции личности в субкультуре футбольных фанатов

А.Ю. Узикова*

ГБОУ ВПО «Международный государственный университет природы, общества и человека "Дубна"»,
Москва, Россия,
alterabsence@gmail.com

Ю.И. Фролов**

ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова; ГБОУ ВПО «Международный университет природы,
общества и человека "Дубна"», Москва, Россия,
frolov.ui@gmail.com

В статье изложены некоторые результаты исследования особенностей вхождения во взрослость в специфическом социальном контексте околоспортивной субкультуры. Данный период предложено рассматривать с точки зрения развития механизмов самодетерминации. Предположение о том, что сравнение особенностей смысловой регуляции и образа жизни у фанатов и не-фанатов позволит выявить варианты развития, было проверено на выборке в 148 испытуемых (18–30 лет), среди них 73 фаната и 75 не-фанатов. Выявленные с помощью методики семантического дифференциала (В.П. Серкин) особенности образа жизни указали на различия в образе жизни фанатов по характеристикам активности, счастья и пр. Сравнение значений самодетерминации, смысловой регуляции, толерантности к неопределенности не обнаружило различий между фанатами и не-фанатами. Однако вариативно-паттерновый анализ (Д. Магнуссон) позволил выявить четыре типа саморегуляции, соотнести их с независимыми исследованиями самодетерминации при переходе во взрослость и сделать вывод о перспективности изучения процессов развития в контексте субкультуры как идентификаторе личностных смыслов.

Ключевые слова: период кризиса вхождения во взрослость, футбольные фанаты, саморегуляция, самодетерминация.

Период вхождения во взрослость по праву получил статус своеобразной «точки бифуркации» психического и личностного развития в психологических теориях самой разной направленности. Культурно-историческая концепция признает за периодом вхождения во взрослость кризисный этап, когда

основные усилия личности по самоопределению и построению собственного мировоззрения приводят к качественным изменениям сознания. В работах Л.С. Выготского подчеркивается значение критических (т.е. переходных) моментов в развитии [7]. Представление о кризисе как собственно акте разви-

Для цитаты:

Узикова А.Ю., Фролов Ю.И. Особенности саморегуляции личности в субкультуре футбольных фанатов // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 34–43.

* Узикова Анна Юрьевна, ассистент, кафедра психологии, аспирант, ГБОУ ВПО «Международный государственный университет природы, общества и человека "Дубна"», Москва, Россия. *alterabsence@gmail.com*

** Фролов Юрий Иванович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, кафедра психологии, ГБОУ ВПО «Международный университет природы, общества и человека "Дубна"», Москва, Россия. *frolov.ui@gmail.com*

тия передается в категории субъектности, «переходе между реальностью и идеей, понятыми как натуральная спонтанность и культурная оформленность» [25, с. 25]. Проявляющаяся в объективированном переходе, сдвиге от натуральной к культурной форме, субъектность выражается в собственной активности личности по самопостроению и является «не фактом, а актом» [8], определенным режимом жизни.

Выраженные в слове, основном средстве «овладения собственным поведением» [7], представления о себе, о своей жизнедеятельности суть достояния культурного развития и средства для саморегуляции и управления собственной жизнью.

Э. Эриксон отмечал, что в период юности и ранней взрослости как критическом для становления Эго-идентичности этапе развития для личности взрослеющего существует своеобразная поддержка в виде молодежных субкультур [27]. Будучи «достоянием» «психосоциального моратория», они дают молодому человеку возможность попробовать «крайности субъективных переживаний, альтернативы идеологических направлений и более реалистические обязанности» [18, с. 214].

К построению функциональной теории личности

В деятельностной традиции при экстраполяции положений Л.С. Выготского личность рассматривается как способ организации, инструмент, психологическое орудие присвоения человеческой сущности [5, 1988]. Причем человек понимается как существо производящее, строящее эти орудия и инструменты своего развития, направленные на овладение собственным поведением с помощью высших психических функций (ВПФ), т. е. существо саморазвивающееся, строящее самого себя.

Следующим шагом было понимание ВПФ, этих развитых внутренних психологических орудий, «не только как средств решения возникающих перед индивидом задач, но и как особого рода «психологических органов» (А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко, Б.С. Братусь), в функции которых входит относительно самостоятельное продуцирование самих задач, обеспечение и закрепление определенных, достаточно единообразных способов их решения, взаимодействие с другими подобными «психологическими органами» [5, с. 68] по аналогии с «функциональными органами» (А.А. Ухтомский).

Б.С. Братусь сделал следующий шаг — обратил внимание на взаимосвязь этих двух понятий: «психологическое орудие» и «психологический орган». «С генетической точки зрения орудие есть то, что может стать органом, есть орган в потенциале. Орган же в свою очередь — зрелое орудие, орудие, переставшее быть только средством, способом реализации

чужой воли, но приобретшее собственную волю (а порой и своеволие), собственную активность» [5, с. 69]. Эта активность имеет два основополагающих направления, одно из которых состоит в познании внешнего мира, производстве предметов, преобразовании своего бытия, другое — связано с порождением смысла своего бытия в мире, т.е. «миром вещей» и «миром идей» (Д.Б. Эльконин, Б.С. Братусь и др.).

Однако в своих поздних работах Д.Б. Эльконин указывал на то, что в этом подходе не хватает собственной активности ребенка, не ухватывается момент постановки самим ребенком *задач на саморазвитие*. В качестве примера он приводит случай мальчика трех лет из Полтавы, который, осваивая двигательную функцию, учился прыгать на одной ноге и прыгал все дальше и дальше, хотя рекордов от него никто не требовал (на тренировку новой психомоторной функции указывал также А. Валлон в книге «Психическое развитие ребенка») [6]. Новая функция уже открыта им (построена).

Целью дальнейшего изложения является описание некоторых результатов изучения кризиса вхождения во взрослость в связи с особенностями самодетерминации в специфическом социальном контексте. Под специфическим социальным контекстом мы имеем в виду субкультуру футбольных фанатов. Самодетерминация понимается как способность к саморегуляции высшего уровня развития и активность личности в отношении ее собственных психологических процессов. Достижение самодетерминации выступает показателем личностной зрелости.

Известны исследования саморегуляции современных молодых людей, в том числе фанатов различных музыкальных направлений [например: 2], которые будет интересно соотнести с результатами нашего исследования футбольных фанатов.

Мы выдвинули **гипотезу** о том, что в условиях специфического социального контекста околофутбольной субкультуры в период кризиса вхождения во взрослость имеют место два варианта взросления¹ в зависимости от особенностей саморегуляции молодого человека.

Один вариант взросления отражает нарушение смысловой регуляции (субъективное отчуждение в основных сферах жизни), низкий уровень развития самодетерминации, толерантности к неопределенности и стремление в околофутбольной субкультуре компенсировать трудности социализации. Ориентация на нормы и правила субкультуры при упрощении восприятия и отрицании существующих трудностей позволяет молодому человеку внести некоторую ясность и однозначность в свою жизнь, что отодвигает преодоление кризиса вхождения во взрослость. Околофутбол в этом случае служит уходом от проблем взросления.

Другой вариант взросления выражается в ориентации фаната на саморазвитие через принятие активной субъектной позиции в отношении собственной

¹ По аналогии с выделенными П. Конценом типами исконного и индуцированного фанатизма [11].

жизнедеятельности и развития. Смысловая регуляция активности, высокий уровень развития самодетерминации и толерантность к неопределенности обеспечивают успешное преодоление кризиса и служат решению задач развития, в том числе поставленных субкультурой, которые выступают своеобразной тренировкой субъектной активности взрослого.

Данные типы взросления входят в нормативный диапазон развития и отражают мотивы вхождения молодого человека в околоспортивную субкультуру.

В частности, мы предположили, что существуют значимые различия в характеристиках образа жизни фаната и не-фаната, которые демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия фанатов. Данная гипотеза основана на качественном анализе околоспортивной субкультуры, где особым образом и в особых коллективных практиках молодыми людьми проживается свобода, дружеское общение, самопознание и выстраивание себя², осуществляются усилия по овладению собственной активностью и жизнью и проба себя как участника группового субъекта.

Метод исследования

Характеристики выборки. В ходе онлайн-опроса были сформированы и обработаны протоколы 148 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. По основанию самоидентификации подвыборку фанатов составили 73 молодых человека, не-фанатов — 75. Средний стаж фанатства — 9,4 лет, минимальный стаж — 1 год, максимальный — 22 года. Выборки были уравнены по уровню образования и статусу трудовой занятости.

Методики исследования. Для выявления индивидуальных особенностей смысловой регуляции использовались следующие методики.

Опросник субъективного отчуждения ОСОТЧ С. Мадди (в адаптации Е.Н. Осина, 2007) — направлен на измерение выраженности формы отчуждения (бессилие, вегетативность, нигилизм и авантюризм³) по отношению к сферам жизни (работа, общество, межличностные отношения, семья и собственный внутренний мир).

² Как отмечает О.А. Карабанова, дружба и дружеские отношения выступают в подростковом возрасте как контекст для опробования и исследования подростком своих возможностей и качеств и самопознания [10].

³ Имеется в виду компульсивный поиск жизненности в виде вовлеченности в опасные, экстремальные виды деятельности. Согласно С. Мадди, является наименее серьезной формой смыслоутраты, поскольку связан с активностью, поиском новых ощущений [17]. В нашем исследовании стоит учитывать специфику околоспорта, предполагающую риски (путешествия, ставки на матчи, запланированные силовые противостояния и спонтанные массовые беспорядки), поэтому высокие показатели по данной шкале должны интерпретироваться с поправкой на принадлежность к околоспорту и с учетом показателей самодетерминации и отчуждения в определенных сферах жизни. Авантюризм может служить дополнительной к показателям толерантности к неопределенности и самодетерминации мерой активности.

⁴ Представляется, что субкультура предполагает определенное когнитивное упрощение восприятия окружающего (например, «свой — чужие») и ориентацию на групповые нормы и ценности, что с высокой вероятностью влечет за собой деформации саморегуляции в сторону опоры на внешние стандарты. Околоспорт как одна из многочисленных субкультур современности единодушно характеризуется исследователями как агрессивная, ксенофобская, враждебная по отношению к любым «чужим». Данные характеристики обосновываются социологами (А.Н. Тарасов, А. Илле, Л.Е. Козлов) изначальным противостоянием между клубами, при котором чужая команда и ее фанаты автоматически воспринимаются как чуждые и более или менее враждебные силы [9; 21; 22]. Однако специфика околоспорта состоит и в высокой ценности силы, активности и инициативности не только групповой, но и индивидуального субъекта, его лидерских качеств и нестандартного мышления, способности взять ответственность как за себя, так и за соратника (ценность взаимовыручки).

Тест самодетерминации Е.Н. Осина (модификация шкалы самодетерминации К. Шелдона, 2010) — представлен в трех шкалах: аутентичности, автономии и самовыражения. Аутентичность отражает подлинность, степень субъективного ощущения человеком соответствия самому себе. Автономия отражает степень уверенности человека в том, что у него в жизни есть возможность выбора и что он сам совершает этот выбор, определяя ход собственной жизни. Самовыражение измеряет, в какой мере человек переживает собственную жизнь как соответствующую его желаниям, потребностям и ценностям.

Шкала общей толерантности к неопределенности ШОТН (шкала толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луховицкой, 1998) — интерпретировалась как внутренняя опора для свободного проявления активности. Шкала указывает на отношение к сложным ситуациям, степень осознания неоднозначности и непредсказуемости мира. Отрицательные значения по шкале говорят о том, что испытуемый чувствует дискомфорт в ситуациях неизвестности, подходит к ним часто путем искусственного упрощения сложной реальности, закрывая глаза на реально существующие трудноразрешимые проблемы, склонен к стереотипам [13]. Положительные значения говорят о том, что опрошенный признает и принимает сложность реальности и учитывает ее в своих действиях, подходит к проблемам творчески, а не шаблонно. Данный критерий немаловажен в анализе развития личности в специфических условиях субкультуры⁴.

Методика «Образ жизни» (В.П. Серкин, 2007) — применялась для определения особенностей образа жизни испытуемых и в качестве меры субъективного благополучия; состоит из 42 биполярных шкал семантического дифференциала для оценки объекта «Мой образ жизни».

Результаты и обсуждение

Прямое сравнение средних по *t*-тесту для независимых выборок не выявило значимых различий между фанатами и не-фанатами ни по одной из на-

званных шкал ОСОТЧ, теста самодетерминации и ШОТН, кроме шкалы аутентичности, по которой различия были обнаружены на уровне статистической тенденции.

Отметим, что средние значения шкалы автономии для выборки нашего исследования оказались значительно выше средних по выборке независимого исследования [14], а самовыражение — наоборот (табл. 1), что может указывать и на проявления кризиса вхождения во взрослость, и на общее психологическое неблагополучие, когда испытуемые ощущают, что жизнь проживается не так, как им хотелось бы и дистанцируются от собственных чувств и поступков.

Сравнение средних (*t*-тест для независимых выборок) фанатов и не-фанатов обнаружило статистически значимые различия по методике «Образ жизни» (табл. 2).

Различия, во-первых, указали на более высокий уровень субъективного благополучия у футбольных фанатов, во-вторых, дали основания предположить, что отсутствие различий по шкалам ОСОТЧ, самодетерминации и ШОТН связано с внутренней неоднородностью сравниваемых групп. Получив картину, схожую с результатами исследования особенностей саморегуляции у членов фанатских объединений Арустамова, Осина, Леонтьева [2], мы также предположили, что в подвыборках имеют место более тонкие различия. С целью проверки данного предположения вслед за вышеупомянутой работой и схожими

исследованиями вариативности индивидуальных путей развития при переходе во взрослость [12] мы использовали стратегию выделения индивидуальных паттернов.

Вариативно-паттерновый подход, предложенный Д. Магнуссоном, заключается в выделении констелляций центральных переменных по уровню их выраженности. Это позволяет объединять индивидов на основе сходства индивидуальных сочетаний (паттернов) уровней выраженности данных переменных, т. е. относить к тому или иному типу в зависимости от целей исследования [12]. По различиям, в нашем случае выраженным в определенных паттернах развития саморегуляции (по сути, речь идет о типах взросления), можно судить о месте околоспортивной субкультуры в развитии в период вхождения во взрослость.

С объединенной выборкой респондентов в количестве 70 человек был проведен иерархический кластерный анализ по методу Уорда (Ward's method) и квадрата Евклидовой метрики. В качестве наиболее доступной интерпретации была выбрана модель из четырех кластеров. Различия между кластерами проверялись с помощью дисперсионного анализа и оказались значимыми по большинству шкал (табл. 3).

Содержательная интерпретация кластеров основывалась на отличии средних значений по указанным шкалам каждого кластера от средних по выборке. Учитывались различия тех переменных, средние значения которых отличались от среднего значения

Таблица 1

Сравнение средних по выборке фанатов, не-фанатов и молодых людей независимого исследования

Шкала	Независимая выборка (N = 135)		Объединенная выборка (N = 148)		Не-фанаты (N = 75)		Фанаты (N = 73)	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Авантюризм	37,01	16,7	40,15	13,51	39,04	13,33	41,28	13,7
Аутентичность	16,26	2,98	16,58	3,25	16,07	3,5	17,12	2,9
Автономия	10,52	2,84	13,56	3,62	13,67	3,91	13,45	3,32
Самовыражение	18,37	3,67	9,13	1,87	9,06	2,04	9,22	1,69
Толерантность к неопределенности	14,59	15,89	12,95	15,12	13,76	15,72	12,1	14,57

Условные обозначения: M — среднее; SD — стандартное отклонение.

Таблица 2

Различия в характеристиках образа жизни фанатов и не-фанатов

Шкала	Фанаты		Не-фанаты	
	M	SD	M	SD
Смелый—Трусливый	5,78**	1,07	4,63	1,19
Счастливый—Несчастный	5,75**	1,14	4,90	1,15
Достойный—Недостойный	2,00**	1,16	2,83	1,08
Опасный—Безопасный	4,13**	1,77	5,27	1,39
Динамичный—Статичный	5,84**	0,88	4,90	1,67
Активный—Пассивный	1,88**	1,10	2,77	1,63
Насыщенный—Ненасыщенный	2,25**	1,16	3,07	1,51
Уверенный—Неуверенный	5,59*	1,27	4,83	1,44
Комфортный—Некомфортный	5,66*	0,97	5,17	0,87
Подвижный—Неподвижный	5,81*	1,18	5,17	1,37
Положительный—Отрицательный	1,97*	0,82	2,43	1,01

Условные обозначения: «*» — при $p < 0,05$; «**» — при $p < 0,01$; M — среднее; SD — стандартное отклонение.

Средние значения стандартизированных баллов по кластерам и значимость различий между кластерами

Шкала	Показатели средних значений по кластерам				F
	Кластер 1, N = 14	Кластер 2, N = 17	Кластер 3, N = 21	Кластер 4, N = 18	
Общее отчуждение	33,6	28,8	44,1	21,6	34,95 **
Отчуждение от работы	49,3	31,1	41,5	26,4	14,58 **
Отчуждение от общества	50,6	26,4	50,3	23,9	21,06 **
Отчуждение от людей	19,9	27,9	42,6	33,8	10,02 **
Отчуждение от семьи	17,5	33,5	45,5	11,3	40,48 **
Отчуждение от себя	31,2	25,1	40,6	12,2	23,71 **
Вегетативность	34,1	23,4	39,1	19,5	19,63 **
Бессилие	30,8	20,4	44,0	18,9	28,31 **
Нигилизм	36,9	26,5	45,4	22,4	24,24 **
Авантюризм	33,7	50,5	48,1	26,1	27,56 **
Аутентичность	17,4	16,9	17	16,9	0,09
Автономия	13,8	12,6	12,4	15,2	2,26 *
Самовыражение	9,1	9,9	9	8,4	1,75
Толерантность к неопределенности	13,4	15,5	9,4	15,4	0,64

Условные обозначение: «*» — при $p < 0,1$; «**» — при $p < 0,01$,

переменной по объединенной выборке более чем на 0,5 стандартного отклонения. В итоге были выделены следующие кластеры⁵.

Кластер 1. Зависимые. Респонденты, вошедшие в данный кластер, демонстрируют высокие показатели отчуждения от работы и общества преимущественно в форме вегетативности — отсутствия ценности и неспособности поверить в важность проявления активности в данных сферах жизнедеятельности. Вместе с тем им свойственна глубокая смысловая включенность в межличностную сферу и отношения в семье, где они в большей степени расположены быть активными. Значимость реальных социальных связей, составляющих для этих испытуемых «зону психологического комфорта», вкупе с низкими показателями по шкале авантюризма (формы отчуждения, отличающейся проявлением высокой активности на грани с риском) и относительно низким уровнем толерантности к неопределенности (избегание сложных ситуаций неопределенности и риска) свидетельствует о конформности и проявлении активности в соответствии с внешними социальными ориентирами. Это группа социально-ориентированных молодых людей, зависимых от внешнего окружения. Распределение в кластере зависимых фанатов и зависимых не-фанатов практически одинаково. Можно предположить, что для зависимых фанатов ценность представляет взаимоподдержка и возможность быть включенными в широкие социальные связи, надежное плечо товарища рядом и человека, с которым можно общаться по поводу общего интереса — футбола, темы бесконечной.

Кластер 2. Импульсивные. Наиболее выраженным отличием группы импульсивных от всех остальных групп оказались более высокие значения этих

испытуемых по шкалам авантюризма и самовыражения. В сочетании со слабой выраженностью бессилия и нигилизма сравнительно низкие показатели отчуждения по отношению к обществу указывают на относительно успешную социализацию этих молодых людей. Высокие показатели по шкале толерантности к неопределенности позволяют говорить о том, что эти люди не избегают неоднозначных ситуаций и скорее принимают свои чувства и действия, нежели дистанцируются от них, что несколько противоречит показанному ими уровню отчуждения от собственного внутреннего мира. Уровень отчуждения от себя, хотя и попадает в диапазон нормы по выборке, но значительно превышает показатели кластера 4 (автономного), что в целом наводит на мысль о некоторых нюансах, вероятно, связанных с образом Я. В целом, это социализированные молодые люди, открыто, часто в экстремальной форме, выражающие себя. Околофутбол для них представляет ценность как пространство, где можно отвлечься от регламентированной повседневности и получить заряд острых ощущений⁶, используя при этом специфические культурные (принятые в субкультуре) средства самовыражения. В своей активности эти люди разделяют принятые в околофутболе ценности мужественности и силы, доминирования (власти) и противостояния. Кластер можно было бы назвать типично фанатским. Принятым для кластера 2 наименованием «импульсивный» мы подчеркиваем свойственное его представителям стремление к переживанию большей витальности за счет увеличения эмоциональной насыщенности жизни с акцентом на активности.

Кластер 3. Деадаптивные. Респонденты, среди которых с равной частотой встречаются фанаты и

⁵ Ввиду сходства результатов нашего исследования с картиной данных в исследованиях Е.Р. Калитеевской, Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина [12] мы решили не «умножать понятия» и придерживаться уже выработанной авторами терминологии.

⁶ Истоки этого стремления к риску могут быть разные (генетические предпосылки агрессивности, ее физиологическая составляющая) и не входят в сферу изучаемых в нашем исследовании вопросов.

не-фанаты, вошедшие в этот большой кластер, демонстрируют признаки дезадаптации в виде всех форм отчуждения, с акцентом на нигилизме и бессилии в отношении основных сфер жизни. Нигилизм отражает неготовность принять собственный смысл и направленность активности личности на утверждение антисмысла, отсутствия какого-либо смысла. Бессилие говорит об утрате человеком веры в свою способность влиять на жизненные ситуации при сохранении ощущения их важности [17]. Низкая толерантность к неопределенности указывает на то, что неизвестность для этих людей стрессогенна. Эти испытуемые, склонные отрицать реально существующие и требующие разрешения проблемы или обесценивать значимость каких бы то ни было попыток их разрешения, демонстрируют явное психологическое неблагополучие.

Кластер 4. Автономные. Респонденты, вошедшие в данный кластер, демонстрируют высокий уровень смысловой регуляции (отсутствие отчуждения) во всех сферах жизни, за исключением межличностной, показатели отчуждения в которой соответствуют диапазону нормы по выборке. Высокие показатели по шкале автономии и толерантности к неопределенности указывают на развитую саморегуляцию и инициативность, самостоятельность в принятии решений, ощущение свободы выбора и реализацию этой свободы в жизнедеятельности. Что интересно, несмотря на равную представленность в этом кластере как фанатов, так и не-фанатов (50/50), по уровню самовыражения данный кластер уступает всем другим и значительно отличается от кластера 2 — подлинных «авантюристов». Таким образом, автономные фанаты — это фанаты-индивидуалисты, которые в большей степени, чем фанаты из других кластеров, направлены на саморазвитие и реализацию себя в разных сферах жизни (их девиз можно передать известной в молодежной среде фразой: «Меньше слов — больше дела»). Несмотря на то, что уровень автономии по кластеру 4 входит в диапазон среднего уровня в соответствии со стандартными значениями по данной методике, эти респонденты в сравнении с другими кластерами более уверены в том, что способны управлять ходом своей жизни.

Кластеры 2 и 4 отражают благополучие, в кластерах 1 и 3 наблюдаются нарушения саморегуляции.

Полученные результаты говорят о разных вариантах переживания кризиса вхождения во взрослость в зависимости от типа саморегуляции и разных мотивов включения в околофутбольную субкультуру. Фанаты находят для себя недостающие в других сферах жизни возможности самопроявления. Для зависимых фанатов околофутбол — это прежде всего общение, надежное плечо товарища и вечная тема для разговора, и возможность тренировать свою смелость; для ри-

сующих фанатов — источник острых ощущений и самовыражения; для дезадаптивных — способ социализации в специфической референтной группе⁷; для автономных — возможность расширить кругозор, развиваться в определенных направлениях (например, в спорте) и просто разнообразно проводить досуг (например, путешествовать).

Околофутбол с определенными уточнениями выступает фактором развития психологических средств, которые бы способствовали успешному (некризисному) вхождению во взрослость. Для молодых людей с признаками дезадаптации околофутбол компенсирует нарушения саморегуляции. Кризис вхождения во взрослость переживается ими во всей полноте и, более того, существует вероятность, что, выступая пространством «психосоциального моратория», т.е. удлинения времени взросления (личностного, психологического, социальной зрелости), околофутбольная субкультура так и останется для фанатов зависимого и дезадаптивного типов пространством решения внутренних конфликтов детско-родительских отношений. Таких людей можно встретить на стадионе, они будут отличаться яркой атрибутикой, зрелым возрастом и с большой вероятностью асоциальным поведением или, наоборот, пассивностью⁸.

Исследования саморегуляции и личностного потенциала при переходе во взрослость, относящиеся к началу 90-х гг., продемонстрировали, что развитие самодетерминации выступало системообразующим фактором дифференциации выборок на типы, различающиеся своими траекториями личностного развития [12]. В современных исследованиях на первый план выдвинулись характеристики общего благополучия/неблагополучия, адаптации/дезадаптации, которые оказались системообразующими и смазали остальные типологические различия, обусловленные, в частности, механизмами самодетерминации [12, с. 638]. Похожая картина наблюдается и в исследовании саморегуляции членов фанатских объединений [2], и в нашем исследовании (с оговоркой, что в нем изначально ставились иные задачи и использовались другие методы для другой выборки респондентов).

Паттерны развития саморегуляции, нашедшие подтверждение и уточнение уже в нескольких исследованиях, указывают на независимость от неблагоприятной внешней среды только автономного паттерна, который демонстрирует, по сути, сформированную внутреннюю позицию взрослого с внутренним центром регуляции.

Активность, за возможностью проявления которой молодые люди приходят в околофутбол, связана с субъективным благополучием последних и подчеркивает их активную субъектную позицию. Полученные данные по уровню развития субъектности

⁷ Как отмечал Э. Эриксон, лучше идентифицироваться хотя бы с негативным персонажем, нежели вовсе не иметь какой-либо идентификации и не обрести своего Я [24].

⁸ Представляется, что в категории фанатов, которую принято называть «кузьмичами», преобладает зависимый тип (подробные типы фанатов описаны в исследовании Э.Р. Салахетдинова [19]). Типичный образ «кузьмича»: на стадионе на боковых трибунах — в компании друзей в фанатской атрибутике, дома — на диване перед телевизором.

как характеристики активности личности подтверждаются результатами нашего магистерского исследования и указывают на активность и инициативность как отличительную черту футбольных фанатов. Но если в указанном исследовании речь шла о наличии связи между осмысленностью жизни, высоким уровнем развития субъектности и включенностью в околофутбольную субкультуру (самоидентификацией как футбольного фаната), настоящее исследование указывает на необходимость уточнить содержательно и переосмыслить обнаруженную связь с точки зрения выделенных паттернов развития саморегуляции.

Полученные результаты позволяют утверждать лишь то, что околофутбол в разнообразии его проявлений соответствует запросу на развитие тех молодых людей, которые выбирают его как сферу увлечения (одну из) или образ жизни⁹. Мы уточняем, что околофутбол как явление многогранное и многоуровневое соответствует и другим запросам на развитие. Он отвечает потребностям разных паттернов развития саморегуляции, выступая не только «полем свободного движения» [14] для автономных и «зоной комфорта» для зависимых фанатов, но и (относительно) культурной формой выражения агрессивности для импульсивных и компенсацией неуспешной социализации для дезадаптивных молодых людей¹⁰. Формулировка данного вывода выражена в обыденно-психологическом «кто ищет, тот найдет», в котором проявляется и значимость внутренней активности личности.

Независимо от специфики субкультуры, в ней, с определенными оговорками, можно признать один

из многочисленных факторов развития. Во-первых, существует более широкий и мощный социальный контекст многоканального влияния, определяющий особенности субкультуры¹¹, во-вторых, наличие собственной внутренней активности личности, ее субъектная позиция в отношении выборов траектории движения в этом социальном контексте.

Выводы

Таким образом, гипотеза о том, что в условиях субкультуры проявляются два варианта взросления в зависимости от особенностей саморегуляции, подтвердилась частично. Были обнаружены четыре типа саморегуляции и выделен тип, «характерный» для футбольных фанатов, какими они представляются в обществе — импульсивные и социальные. В целом, выявленные типы саморегуляции представляются «универсальными», отражающими особенности развития при переходе во взрослость независимо от специфики социального контекста. Рассмотрение их через призму субкультуры позволяет выявить характерные черты каждого типа, где более глубокий и детальный анализ может позволить взглянуть на социальные переживания, в которых соединяются внешние и личностные ценности, и тем самым приоткрыть роль околофутбольной субкультуры как уникального явления современности в индивидуальном развитии. В свою очередь, «социальные переживания, связанные с поиском своего места в жизни, целей и ценностей самореализации» [16], оказывают обратное влияние на формирование субкультуры.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
2. Арустамов А.А., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Особенности саморегуляции у членов фанатских объединений // Психология общения. XXI век: 10 лет развития. Материалы Международной конференции (8–10 октября 2009 года): в 2 т. Т. 1. Обнинск: ИГСОЦИН, 2009. С. 124–128.
3. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985 / Отв. ред. И.Т. Фролов. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
4. Бибихин В.В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.
5. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
6. Валлон А. Психическое развитие ребенка. [Электронный ресурс] // М.: Просвещение, 1967. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2351> (дата обращения: 15.08.2014).

7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1984. 342 с.

8. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

9. Илле А.М. Футбольный фанатизм в России: фан-движение и субкультура футбольных фанатов // Молодежное движение и субкультура Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 154–173.

10. Карабанова О.А. Социальная ситуация развития: структура, динамика, принципы коррекции: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2002.

11. Концен П. Фанатизм. Психологический анализ этого ужасного явления: пер. с нем. М.: Изд-во Гуманитарный центр, 2011. 388 с.

⁹ Ответы на вопрос «Быть футбольным фанатом — это, скорее образ жизни или одна из сфер увлечений?» среди фанатов распределились равномерно и значимых различий в зависимости от паттернов развития не обнаружили.

¹⁰ Представляется, что там, где имеет место наставничество подрастающего поколения со стороны опытных бойцов, околофутбол несет функцию социализации и сглаживания деформаций развития, буфера между детством и миром взрослых [21], где подтверждается «накопленная» зрелость старших.

¹¹ Субкультура всегда предстает как часть доминирующей культуры и как относительно автономная от нее социальная единица. При этом, чем меньше ценности мейнстрима совпадают с личностными (групповыми), тем в большей степени данная субкультура противостоит мейнстриму, тем она агрессивнее [16].

12. *Леонтьев Д.А., Калитеевская Е.Р., Осин Е.Н.* Личностный потенциал при переходе от детства к взрослости и становление самодетерминации // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 611–641.

13. *Луковицкая Е.Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 173 с.

14. *Мамардашвили М.К.* Если осмелиться быть...: интервью // Наше наследие. 1988. № 3. С. 22–27.

15. *Мартынова М.А., Богомаз С.А.* Самодетерминация в структуре личностного потенциала современной российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 164–168.

16. *Марцинковская Т.Д.* Субкультура в транзитивном обществе // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 57–68.

17. *Осин Е.Н.* Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 217 с.

18. *Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности / Пер. с нем. Г.И. Лойдиной; под ред. Т.А. Гудковой. М.: Мир, 1994. 319 с.

19. *Салахетдинов Э.Р.* Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 27 с.

20. *Серкин В.П.* Методы психосемантики: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2004. 208 с.

21. *Тарасов А.Н.* Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм // Русский национализм

между властью и оппозицией: сб. ст. / Под ред. В. Прибыловского. М.: Панорама, 2010. С. 18–50.

22. *Улыбина Е.В.* Неизменность как характеристика идентичности футбольных фанатов [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 23. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.08.2014).

23. *Фуко М.* История сексуальности-III: Забота о себе / Под общ. ред. А.Б. Мокроусова. Москва: Рефл-Бук, 1998. С. 67–69

24. *Щитцова Т.В.* Событие в философии Бахтина. Мн.: И.П. Логвинов, 2002. — 300 с.

25. *Эльконин Б.Д.* Психология развития [Электронный ресурс]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 144 с. // Электронная библиотека МГППУ. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/EPr-001/EPr-001.htm> (дата обращения: 10.08.2013).

26. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды [Электронный ресурс] // М.: Педагогика, 1989. 560 с. // Электронная библиотека МГППУ. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/eit/EIT-001-.htm> (дата обращения: 10.08.2013).

27. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 325 с.

28. *Osin E., Boniwell I.* Self-determination and well-being. Poster presented at the Self-Determination Conference. [Electronic resource] Ghent, Belgium, 2010. Available at: <http://www.selfdeterminationtheory.org/SDT/conference/2010/SDTConf2010Program.pdf> (Accessed 18.11.2013).

Features of Self-Regulation in the Context of Subculture of Football Fans

A.Yu. Uzikova*

Dubna International University for Nature, Society and Man, Moscow, Russia,
alterabsence@gmail.com

Yu.I. Frolov**

Lomonosov Moscow State University; Dubna International University for Nature, Society and Man, Moscow, Russia,
frolov.ui@gmail.com

The paper presents some outcomes of a research on features of transition to adulthood in a specific context of the subculture of football fans. This period is analyzed from the perspective of development of self-determination mechanisms. The hypothesis was advanced that comparing features of meaning regulation and ways of life in fans and non-fans may help reveal the patterns of development. This was tested on a sample of 148 subjects aged 18–30 years, among which were 73 fans and 75 non-fans. The specifics of the subjects' ways of life explored with V.P. Serkin's technique of semantic differential suggest that there are considerable differences between the fans and non-fans in the rates of activity, happiness and some other characteristics. At the same time, the rates of self-determination, meaning regulation and tolerance to uncertainty proved to be insignificant in terms of group differences. However, the conducted pattern analysis (D. Magnusson) helped to reveal four types of self-regulation and to correlate them with independent research on self-determination during the transition to adulthood. The paper concludes that studying developmental processes in subcultural contexts as identifiers of personally significant meanings can be very promising.

Keywords: transition to adulthood, football fans, self-regulation, self-determination.

References

1. Argail M. Psikhologiya schast'ya [The psychology of happiness]. 2-e izd. Saint-Peterburg: Piter, 2003. 271 p.
2. Arustamov A.A., Leont'ev D.A., Osin E.N. Osobennosti samoregulyatsii u chlenov fanatskikh ob"edinenii [Features of self-members fan associations]. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii: "Psikhologiya obshcheniya XXI vek: 10 let razvitiya" (g. Obninsk, 8–10 oktyabrya 2009 goda). V 2-kh t. [Proceedings of the International Conference in 2 vol.: "Psychology of communication XXI century: 10 years of development"]. Obninsk: Publ. IGSOTsIN, 2009. Vol. 1, pp. 124–128.
3. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [By the philosophy of the act]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985*. [Philosophy and sociology of science and technology]. Moscow, 1986, pp. 80–160.
4. Bibikhin V.V. Slovo i sobytie [Word and the event]. Moscow: publ. Editorial URSS, 2001. 280 p.
5. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Abnormalities of personality]. Moscow: Mysl', 1988. 301 p.
6. Vallon A. Psikhicheskoe razvitie rebenka [Elektronnyi resurs] [Mental development of the child]. Moscow: Prosveshchenie, 1967. Available at: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2351> (Accessed: 15.08.2014).
7. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [Works]: V 6 t. Vol. 3. Moscow: Pedagogika, 1984. 342 p.
8. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problema ob"ektivnogo metoda v psikhologii [The problem of an objective method in psychology]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 1977, no. 7, pp. 109–125.
9. Ille A.M. Futbol'nyi fanatizm v Rossii: fan-dvizhenie i subkul'tura futbol'nykh fanatov [Football fanaticism in Russia: the fan movement and subculture of football fans]. *Molodezhnye dvizhenie i subkul'tury Sankt-Peterburga (sotsiologicheskii i antropologicheskii analiz)* [Youth movement and subculture of St. Petersburg (sociological and anthropological analysis)]. Saint-Peterburg: Norma, 1999, pp. 154–173.
10. Karabanova O.A. Sotsial'naya situatsiya razvitiya: struktura, dinamika, printsipy korrektsii. Avtoref. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Social situation of development: structure, dynamics, principles of correction. Author's abstract. Doctoral dissertation in psychology]. Moscow: Mysl', 1988. 301 p.

For citation:

Uzikova A.Yu., Frolov Yu.I. Features of Self-Regulation in the Context of Subculture of Football Fans. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 34–43. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Uzikova Anna Yurievna, PhD student, assistant lecturer at the Department of Psychology, Dubna International University for Nature, Society and Man, Moscow, Russia. alterabsence@gmail.com

** Frolov Yuri Ivanovich, PhD in Psychology, associate professor at the Department of Developmental Psychology, Lomonosov Moscow State University; associate professor at the Department of Psychology, Dubna International University for Nature, Society and Man, Moscow, Russia. frolov.ui@gmail.com

dynamics, principles of correction. Dr. Sci. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 2002. 379 p.

11. Kontsen P. Fanatizm. Psikhoanaliz etogo uzhasnogo yavleniya [Fanaticism. Psychoanalysis of this terrible phenomenon]. Khar'kov: Publ. Gumanitarnyi tsentr, 2011. 388 p.

12. Leont'ev D.A., Kaliteevskaya E.R., Osin E.N. Lichnostnyi potentsial pri perekhode ot detstva k vzroslosti i stanovlenie samodeterminatsii. [Personal potential in the transition from childhood to adulthood and becoming self-determination]. In Leont'ev D.A. (ed.) *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl, 2011, pp. 611–641.

13. Lukovitskaya E.G. Sotsial'no-psikhologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti. Dis. kand. psikhol. nauk. [Social and psychological importance of tolerance for uncertainty: Ph. D. (Psychology) diss.]. Saint-Peterburg, 1998. 173 p.

14. Mamardashvili M.K. Esli osmelit'sya byt'...: Interv'yuu. [If you dare to be ...: Interviews]. *Nashe nasledie* [Our Heritage], 1988, no. 3, pp. 22–27.

15. Martynova M.A., Bogomaz S.A. Samodeterminatsiya v strukture lichnostnogo potentsiala sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Self-determination in the structure of the personal potential of modern Russian youth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University], 2012, no. 357, pp. 164–168.

16. Martsinkovskaya T.D. Subkul'tura v tranzitivnom [Subculture in the transition society]. *Voprosy psikhologii* [Questions psychology], 2013, pp. 57–68.

17. Osin E.N. Smysloutrata kak perezhivanie otchuzhdeniya: struktura i diagnostika. Dis. kand. psikhol. nauk. [Loss of sense as an experience of alienation: the structure and diagnostics. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2007. 217 p.

18. Remshmidt Kh. Podrozkovi i yunosheskii vozrast: Problemy stanovleniya lichnosti [Adolescence and early adulthood: Problems of personal]. Gudkova T.A. (ed.). Moscow: Mir, 1994. 319 p.

19. Salakhedinov E.R. Lichnostnye kharakteristiki futbol'nykh fanatov v molodezhnoi okolosportivnoi subkul'ture:

avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. [Personal characteristics of football fans in the youth surrounding sport subculture: Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2008. 27 p.

20. Serkin V.P. Metody psikhosemantiki [Methods psychosemantics]: Ucheb. Posobie. Moscow: Aspekt Press, 2004. 208 p.

21. Tarasov A.N. Subkul'tura futbol'nykh fanatov v Rossii i pravyy radikalizm [Subculture of football fans in Russia and the right-wing radicalism]. In Pribylovskii V. (ed.) *Russkii natsionalizm mezhdur vlast'yu i oppozitsiei* [Russian nationalism between the government and opposition]. Moscow: Panorama, 2010, pp. 18–50.

22. Ulybina E.V. Neizmennost' kak kharakteristika identichnosti futbol'nykh fanatov [Elektronnyi resurs] [Immutability of the characteristic of identity football fans]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2012. Vol. 5, no. 23, pp. 6. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 15.08.2014).

23. Fuko M. Istoriya seksual'nosti-III: Zabota o sebe [History of sexuality-III. Taking care of yourself]. Mokrousov A.B. (ed.) Moscow: Refl-Buk, 1998, pp. 67–69. (In Russ.).

24. Shchittsova T.V. Sobytie v filosofii Bakhtina [Event in Bakhtin's philosophy]. Minsk: I.P. Logvinov, 2002. 300 p.

25. El'konin B.D. Psikhologiya razvitiya [Elektronnyi resurs] [Developmental Psychology]. Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2001. 144 p. [URL: <http://psychlib.ru/mgppu/Epr-001/EPr-001.htm>] (Accessed: 10.08.2013)

26. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Elektronnyi resurs] [Selected Psychological Works]. Moscow: "Pedagogika", 1989. 560 p. [URL: <http://psychlib.ru/mgppu/eit/EIT-001-.HTM>] (Accessed: 10.08.2013)

27. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Youth and Crisis]. Tolstykh A.V. (ed.). 2-e izd. Moscow: Flinta: MPSI, Progress, 2006. 325 p. (In Russ.).

28. Osin E., Boniwell I. Self-determination and well-being. Poster presented at the Self-Determination Conference. Ghent, Belgium, 2010. [Elektronnyi resurs] <http://www.self-determinationtheory.org/SDT/conference/2010/SDTConf2010Program.pdf>. (Accessed: 18.11.2013).

Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли

Е.И. Захарова*

ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
E-I-Z@yandex.ru

В данной статье автор обращается к анализу отношения к материнству современных женщин репродуктивного возраста. В фокусе рассмотрения оказываются феномены, свидетельствующие о неблагоприятных социальных тенденциях частичного или полного устранения женщин от реализации материнской роли. Обследование группы 40 матерей младенцев позволяет автору зафиксировать существенные различия в характере осуществления материнства. Выявлена группа женщин, максимально устранившихся от самостоятельного ухода за ребенком. Анализ причин, лежащих в основе этого стремления, позволяет говорить о том, что эти причины — не столько в сфере социальных условий жизни женщин, сколько в личностной сфере. Продолжая общую логику исследования, автор обращается к группе женщин, осознанно отказывающихся от материнства (childfree). В исследовании приняли участие 43 женщины репродуктивного возраста. И в данном случае результаты исследования причин этого отказа свидетельствуют об особой ценностной направленности личности респонденток. Обобщая результаты исследований, автор высказывает суждение о том, что формирование особенностей личности, приводящих к негативному отношению к материнству, может быть обусловлено целым рядом специфических характеристик современного социокультурного пространства.

Ключевые слова: материнство, отношение к материнской роли, мотивационно-потребностная сфера, ценностная направленность.

Обращение к данной теме продиктовано некоторыми актуальными неблагоприятными явлениями. В последнее время все более распространенным становится полный или частичный отказ женщин репродуктивного возраста от реализации материнской роли. Явно прослеживается тенденция сдвига сроков рождения первого ребенка к более зрелому возрасту, родительство все чаще становится «поздним» в связи с признанием приоритетов карьерного развития или устойчивой гедонистической направленностью личности (надо успеть получить удовольствие от жизни, прежде чем начать заниматься воспитанием ребенка). Рождение первого ребенка после 35 лет стало достаточно распространенным явлением в нашей жизни. Статистические данные о рождаемости в России свидетельствуют о появлении в конце 1990-х гг. подобной тенденции и в нашей стране (С.В. Захаров, 2005). В 1990 г. коэффициент рождаемости для женщин 30–34-летнего

возраста составлял 48,2, а для женщин 35–39 лет — 19,4. В 2009 г. он поднимается до значений 63,3; 23,8 — соответственно (Российский статистический ежегодник, 2010, с. 109). Кроме того, обращает на себя внимание и то, что все чаще состоявшиеся родители стремятся как можно скорее дистанцироваться от ребенка, передают свои функции в руки помощников, возрождается, уже забытая было традиция приглашения няни для ребенка.

С целью поиска ответа на вопрос о причинах такого отношения мы обратились к анализу особенностей осуществления ухода за младенцем и особенностей ценностной направленности молодых матерей. В исследовании приняли участие 40 матерей младенцев (возраст детей участниц исследования варьировал от 6 до 27 месяцев).

Средством анализа особенностей осуществления материнской роли стала анкета, содержащая вопросы относительно того:

Для цитаты:

Захарова Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 44–49.

* Захарова Елена Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра возрастной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-I-Z@yandex.ru

- какую долю заботы о ребенке женщина выполняет самостоятельно, а какую перепоручает помощникам;
- какие функции стремится выполнять самостоятельно;
- на что она тратит выделенное с помощью помощников время;
- какие трудности испытывает в ходе реализации своего материнства.

Заполнение анкеты поддерживалось беседой, с помощью которой психолог мог оценить эмоциональное отношение женщин к своей материнской роли, выявить возможные его причины.

Результаты опроса показали, что степень включенности в уход за ребенком варьирует в диапазоне от 15 до 90%. При минимальной включенности (15%) женщина практически полностью делегирует материнские обязанности своим близким или няне. Другие женщины практически полностью реализуют их самостоятельно. Определив область средних значений степени включенности матери, мы разделили женщин на три группы. Распределение получилось близким к нормальному. Группа женщин, «избегающих» материнских обязанностей составила 22,5% выборки, женщины со средней степенью включенности встречаются в 55% случаев. Лишь 22,5% участниц исследования продемонстрировали стремление самостоятельно осуществлять весь объем материнских функций, не испытывая негативных переживаний в связи с фрустрацией остальных своих потребностей. Материнство доставляло женщинам удовольствие, а указанные ими трудности касались недостатка времени на бытовые, хозяйственные дела. Яркой их противоположностью стала группа женщин, которые в лучшем случае лишь треть материнских обязанностей реализуют самостоятельно. Существенная доля обязанностей делегирована ими другим людям. Причем причина такого распределения кроется не в объективной необходимости (женщины состоят в браке, располагают достаточным временем), а во внутренней предрасположенности. Женщин тяготит эмоциональная вовлеченность в жизнь ребенка, зависимость от его интересов и потребностей. Ребенок отвлекает их от собственных интересов, занятия с ним являются утомительными. Желание отдохнуть, заняться собой обуславливает необходимость привлечения помощника, а то небольшое время, которое они проводят с ребенком, они считают необходимым тратить на его познавательное развитие. Таким образом, в исследовании был зафиксирован феномен избегания женщинами своих материнских обязанностей, что позволило выделить две группы матерей – в соответствии с их стремлением самостоятельно осуществлять материнские функции или максимально уклониться от личного в них участия, выбрав путь опосредованного участия в жизни ребенка.

В поиске причин сложившейся ситуации мы обратились к исследованию отношения женщин к родительским функциям. Характер отношения мате-

рей к отдельным составляющим родительской позиции определялся с помощью опросника «Степень принятия родительской позиции» [3]. Женщины, избегающие самостоятельной реализации материнских обязанностей, продемонстрировали значительно более низкий уровень принятия родительской позиции (степень выраженности позитивного отношения к ее элементам) (рис. 1).

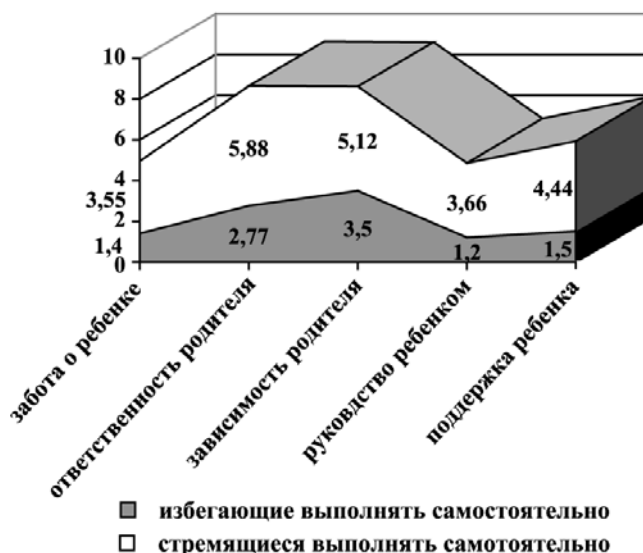

Рис. 1. Степень выраженности позитивного отношения матерей младенцев к составляющим родительской позиции

Зафиксировав сниженный фон позитивного отношения к элементам родительской позиции, мы сделали *предположение* о том, что указанные различия обусловлены особенностями мотивационно-потребностной сферы женщин. Понимая родительство как специфическую деятельность, побуждаемую целым рядом мотивов, которые существуют не изолированно, а встроены в иерархическую структуру мотивационной сферы, мы полагаем, что отношение к материнской роли, как и характер ее реализации зависит от того, насколько приоритетную позицию занимают мотивы, связанные с заботой о ребенке.

Для проверки гипотезы было необходимо проанализировать мотивационные предпочтения матерей. Им было предложено ступенчатое ранжирование 18 суждений, составленных в форме «Я хочу...», «Я стремлюсь», включающие стремления в различных сферах жизни. Среди предложенных мотивов, кроме собственно материнских, были названы мотивы «супружеского счастья», «дружеского общения», «отношения с близкими», «удовлетворения профессиональных интересов» и т.д. Были зафиксированы существенные различия в значимости для женщин таких мотивов, как стремление к близости с ребенком, супружеское счастье, самореализация в деятельности, достижение поставленной цели. Женщины, избегающие самостоятельного осуществления материнских функций, желая счастья своему ребенку, гораздо меньше стремятся к близости с ним (мотив достижения близости в отношениях с ребенком

лидирует в 22% случаев против 44% в группе женщин стремящихся к самостоятельной реализации материнства). Мотив супружеского счастья также реже, чем во второй группе занимает высокие позиции в иерархии мотивов (77,8% случаев против 100%). Следовательно, не только материнство, но и супружество, семья в целом, занимают меньшее место в системе их потребностей. Их устремления лежат вне семейного контекста. В то же время, женщины этой группы в качестве приоритетных называют мотив самореализации в деятельности и достижение поставленных целей (66,6% и 22,2% — соответственно). Избегание материнских обязанностей свидетельствует о том, что они не видят такой возможности в рамках ухода за ребенком. Материнство выступает скорее препятствием для их самореализации, поэтому и становится фрустрирующим фактором.

Результаты исследования позволяют нам сделать **вывод** о том, что избегание материнской роли, сопровождающееся негативным к ней отношением, происходит на фоне таких специфических особенностей мотивационной сферы матерей младенцев, как:

- оторванность мотива «достижения счастья ребенка» от мотива «близости с ребенком»;
- высокие, приближающиеся к вершинным, значения мотивов «самореализации в профессиональной деятельности».

Крайним вариантом избегания материнской роли является осознанный отказ от нее. Согласно последней мировой статистике, от 3 до 6% женщин сознательно отказываются от материнства. Говоря о сознательном отказе от материнства, имеют в виду здоровых замужних женщин. Данные Национального центра статистики здравоохранения США свидетельствуют, что доля американских женщин детородного возраста, которые определяют себя как «добровольно бездетных» (childfree), быстро растет: 2,4% — в 1982 году, 4,3 % — в 1990 году, 6,6 % — в 1995 году (Sociological Inquiry, 2005). По статистике федерального Института национальных исследований в ФРГ, 1/3 взрослого населения Германии остается бездетной, причем все больше молодых немцев не хотят иметь детей. Если в 1992 г. к их числу относились 10% женщин и 12% мужчин, то в 2005 г. — уже почти 15% и 26% — соответственно. Не обошло это явление и нашу страну. В 2004 г. в России заявило о себе виртуальное сообщество чайлдфри, объединившее в своих рядах почти 500 человек. Их возраст 20—35 лет, 80% имеют высшее образование, у 75% есть постоянный партнер и 50% живут с ним вместе; на четырех таких женщин приходится один ЧФ-мужчина [7].

С целью выявления условий возникновения указанного явления нами было осуществлено обследование группы женщин, заявляющих свою позицию как сознательно бездетных. В основу исследования легло **предположение** о том, что столь специфическое отношение к материнству может быть обусловлено переживанием собственного опыта взросления в родительской семье. Наличие травмирующих дет-

ских переживаний, как известно, играет большую роль в жизни взрослого человека.

На первом этапе исследования был проведен анализ свободных высказываний 65 женщин чайлдфри на форуме. Было предложено обосновать свое решение прожить жизнь без детей. 43 женщины из образованной выборки выразили согласие участвовать в развернутом психологическом обследовании. Возраст женщин в исследуемой выборке варьировал от 18 до 53 лет. При таком широком возрастном диапазоне возникла необходимость выделения двух возрастных групп (18—25, 25—53). 56% сознательно бездетных женщин — замужние, 32% имели постоянные отношения с партнером. 56% женщин имели высшее образование, 44% — среднее.

С помощью опросника, составленного на основе данных, полученных в ходе анализа свободных высказываний женщин, нам удалось определить частоту встречаемости причин, определяющих решение об отказе от материнства. Наибольший вклад в решение о сознательной бездетности внесло желание получать удовольствие от жизни, не испытывая необходимости жертвовать временем и свободой ради другого человека (эта причина указывается чаще всего). Нежелание попасть в зависимое положение усиливается представлением о необратимости перемен. Чуть менее распространенной, но все же достаточно весомой причиной оказались страх и отвращение к физическим условиям беременности, опыту родов и послеродовому периоду. В отношении частоты встречаемости указанных причин зафиксированы возрастные различия. В группе молодых женщин (18—25 лет) статистически значимо чаще (критерий U Манна—Уитни, $p = 0,049$) отказ от материнства обусловлен нежеланием утратить привлекательность, испортить фигуру. В группе взрослых женщин значимо чаще встречается восприятие мира как угрожающего благополучию ребенка, что позволяет им обосновать отказ заботой о нем (критерий U Манна—Уитни, $p = 0,065$).

Предполагаемая гипотеза о наличии страха повторения травмирующего детского опыта не нашла своего подтверждения. Вывод об отсутствии серьезных травмирующих переживаний детства был сделан в ходе анализа результатов проективной методики «Неоконченные предложения». В соответствии с целями исследования был составлен список предложений, касающихся различных векторов семейных отношений. В результате проведенного исследования было установлено, что на фоне высокой степени амбивалентности отношения к детям, в исследуемой выборке преобладает позитивное отношение, как к родителям, так и к опыту собственного детства. Мы практически не встретились с высказываниями, которые свидетельствовали бы о негативном, травмирующем переживании детства, связанного с фигурой отца или матери. В целом, можно сделать заключение о позитивном восприятии женщинами своего детства. Они хорошо чувствовали себя в родительской семье, были окружены заботой родителей, были

лишены травмирующих переживаний, которые могли бы спровоцировать нежелание повторять родительский опыт и дарить любовь своему ребенку.

Не найдя ответ о причинах отвергающего отношения к материнской роли в детских переживаниях женщин, мы обратились к анализу их ценностной сферы. Средством диагностики стал прием свободного ранжирования жизненных ценностей «Ценностный круг», где женщинам предлагалось разделить окружность на сектора в соответствии с имеющимися у них жизненными ценностями. Количество ценностей не задавалось; кроме того, женщина была свободна в определении значимости той или иной ценности. Величиной сектора она могла количественно выразить то, какое место занимает данная ценность в ее ценностной сфере. С помощью указанного приема были зафиксированы специфические особенности, отличающие исследуемую выборку. В первую очередь, необходимо отметить высокий уровень самооценки женщин. Значимость ценности «Я» оказалась одной из самых высоких (14% от общей доли жизненных ценностей), сравнимых лишь с ценностью партнера (22%) и работы (19%). Необходимо отметить, что выделение «Я» в отдельную жизненную ценность практически никогда не встречается среди матерей или женщин, планирующих появление детей в своей жизни.

Второй особенностью является то, что женщины чайлдфри обнаруживают высокую ценность близкого, эмоционального общения. Они высоко ценят общение с партнером, друзьями, собственными родителями и даже домашними питомцами. То, что общение с ребенком не входит в сферу их ценностей, может свидетельствовать об отвержении тех отношений, в которых они выступали бы не как потребитель эмоционального тепла и заботы, а как его источник. Вероятно, дарить любовь и эмоциональную поддержку эти женщины не готовы. Основной вклад в их эмоциональное благополучие вносит, с одной стороны, дружеское общение и общение с сексуаль-

ным партнером, с другой стороны — сфера развлечений, путешествий, образования в области личных увлечений. Эта сфера занимает совокупную долю в 17% от всех жизненных ценностей.

Анализируя причины отказа женщин от материнства можно, сделать **вывод** о том, что чайлдфри отличается *особая ценностная структура, в которой преобладает гедонистическая направленность*, что приводит к формированию негативного отношения к материнству, воспринимаемому в качестве угрозы собственному благополучию, эмоциональному комфорту.

Обобщая результаты двух исследований, можно сделать заключение о том, что принципиальный отказ, или желание свести к минимуму материнскую функцию связаны с низкой ее значимостью. Высокая самооценка, высокое значение ценностей самореализации в профессиональной деятельности и личностном общении, гедонистическая направленность составляют серьезную конкуренцию ценности материнства, которое ориентировано на обеспечение благополучия другого человека (ребенка), подтверждение ценности его интересов и потребностей.

Обсуждая полученные результаты, хочется обратить внимание на то, что столь неблагоприятная тенденция может возникать как результат общественных изменений. Опираясь на представление об экологических системах У. Бронфенбренера, можно предположить, что причины изменения отношения к материнству можно выделять на разных уровнях [5] (рис. 2).

На мезоуровне (уровень семейной системы) можно констатировать усиление гуманистической традиции в системе воспитания ребенка [4]. В заботе о ребенке семья стремится к все более полному удовлетворению его потребностей, что может приводить к формированию у него инфантилизма, к недостаточной его самостоятельности. Важным, на наш взгляд, является утверждение Д.Б. Винникота о необходимости оставлять место для собственной активности ребенка, т. е. быть «достаточно хорошей

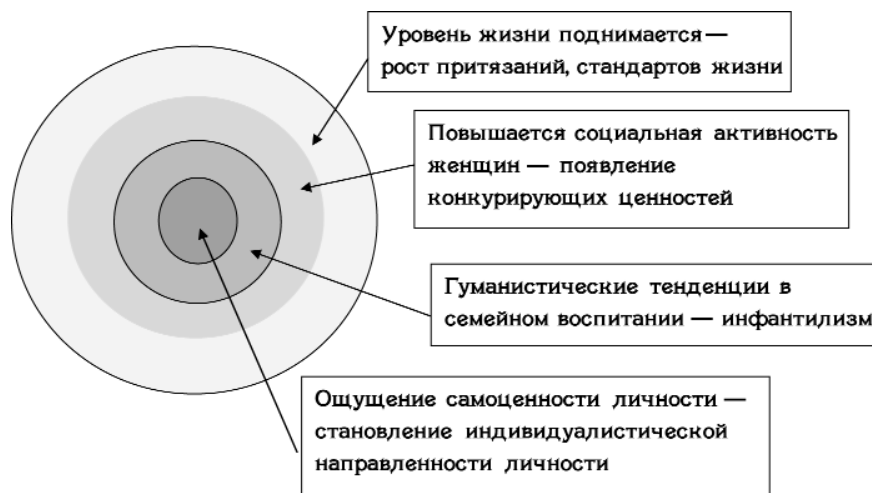

Рис. 2. Характер социальных тенденций, создающих риски для становления позитивного отношении женщины к материнству

матерью» [1]. Ценностное отношение взрослого приводит к тому, что ребенок все более явно ощущает собственную самооценку. Если это позитивное явление не подкрепляется воспитанием ценностного отношения к другим людям, возникает высокая вероятность формирования эгоистической, индивидуалистической направленности личности. Как мы видели, женщины, отказывающиеся от материнства, росли в счастливой семейной обстановке, что не мешало им выстроить ценностные приоритеты в свою пользу, а не в пользу ребенка.

На уровне экосистемы происходит влияние социальной активности матери. Будучи включенной в профессиональную и общественную жизнь, она расширяет круг своих интересов, что создает вероятность возникновения ценностного конфликта.

И, наконец, на макроуровне на формирование отношения к материнству не может не сказаться возростание требований к уровню жизни. Уходят времена, когда семья была готова довольствоваться малым. Для молодого поколения стесненные жилищные условия, ограничение возможности организации досуга, необходимость ведения домашнего хозяйства становятся факторами, сдерживающими их стремление к родительству.

Итак, рассматривая условия становления отношения женщин к материнству как сфере деятельности, в которой возможно удовлетворение ее стремления к самореализации, можно сказать, что мы имеем дело со сложным социальным явлением, при котором реабилитация ценности материнства требует комплексных мер.

Литература

1. Винникот Д.В. Маленькие дети и их матери / Пер. с англ. М.Н. Падалко. М.: Класс, 1998. 80 с.
2. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 39–40.
3. Захарова Е.И., Строгалова А.И. Особенности принятия родительской позиции // Психологическая диагностика. 2005. № 4. С. 58–70.
4. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2004. 320 с.

5. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
6. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. 2010. М.: Росстат, 2010. 813 с.
7. Русанова Н.Е. Новые тенденции рождаемости в России // Народонаселение. 2008. № 3. С. 152–161.
8. Engwall K. Childfreeness, parenthood and adulthood [Electronic resource] // Scandinavian Journal of Disability Research. 2013. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15017419.2013.781955> (date of access: 03.05.2013).
9. Salmela-Aro K. Personal goals and well-being during critical life transitions: The 4 Cs-channeling, choice, co-agency and compensation // Advances in Life Course Research. 2009. Vol. 14. P. 67–79.

Negative Attitude towards Motherhood in Modern Women: Settings and Conditions

E.I. Zakharova*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
E-I-Z@yandex.ru

The author addresses the issue of attitudes towards motherhood in modern women of reproductive age. The paper focuses on the phenomena that give evidence of unfavorable social tendencies referring to partial or complete withdrawal of women from fulfilling the social role of mother. A study that involved 40 mothers of infants enabled the author to outline significant differences in the subjects' performances of their roles as mothers. For instance, some of the women tended to minimize their participation in caring for the child. The analysis of the reasons for such behavior suggests that they are rooted not so much in the social conditions of the women's lives, but rather in the personalities of the latter. In accordance with the general idea of the research, the author proceeds with a group of childfree women who made a conscious decision not to have children. The study involved 43 women of reproductive age. This time the exploration of reasons behind such refusal revealed a specific value orientation of the respondents. The author concludes that the development of certain features of personality contributing to an individual's negative attitude towards motherhood may be determined by a number of characteristics typical of the modern sociocultural space.

Keywords: motherhood, attitude to motherhood, sphere of motivation and needs, value orientation.

References

1. Vinnikot D.V. Malen'kie deti i ikh materi [Young children and their mothers]. Padalko M.N. (ed.). Moscow: Klass, 1998. 80 p.
2. Zakharov S.V. Perspektivy rozhdaemosti v Rossii: vtoroi demograficheskii perekhod [Prospects for fertility in Russia: The second demographic transition]. *Otechestvennye zapiski [Fatherland's notes]*, 2005, no. 3, pp. 39–40.
3. Zakharova E.I., Strogalina A.I. Osobennosti prinyatiya roditel'skoi pozitsii [Especially the adoption of the position of the parent]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological diagnostics]*, 2005, no.4, pp. 58–70.
4. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya [Family psychology and basics of family counseling]. Moscow: Gardariki, 2004. 320 p.
5. Kraig G., Bokum D. Psikhologiya razvitiya [Developmental Psychology] 9-izd, ed. St. Petersburg: Piter, 2005. 940 p.
6. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. Statisticheskii sbornik [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Rostat, 2010. 813 p.
7. Rusanova N.E. Novye tendentsii rozhdaemosti v Rossii [New trends in fertility in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*, 2008, no. 3, pp. 152–161.
8. Engwall K. Childfreeness, parenthood and adulthood [Electronic resource]. *Scandinavian Journal of Disability Research*, 2013. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15017419.2013.781955> (date of access: 03.05.2013).
9. Salmela-Aro K. Personal goals and well-being during critical life transitions: The 4 Cs-channeling, choice, co-agency and compensation. *Advances in Life Course Research*, 2009. Vol. 14, pp. 67–79.

For citation:

Zakharova E.I. Negative Attitude towards Motherhood in Modern Women: Settings and Conditions. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 44–49. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Zakharova Elena Igorevna, PhD in Psychology, associate professor at the Department of Developmental Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-I-Z@yandex.ru

Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях

И.Ю. Кулагина*

ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
dissovetmgppu@mail.ru

Л.В. Сенкевич**

ГБОУ ВПО МГППУ; Государственная классическая академия имени Маймонида, Москва, Россия,
lvsenkevich@mail.ru

В статье представлены данные об общем уровне и выраженности компонентов реабилитационного потенциала личности при таких хронических заболеваниях, как расстройства желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, ВИЧ-инфекция. Отмечены взаимосвязи реабилитационного потенциала и других личностных ресурсов, способствующих успешной реабилитации и реадaptации больных — экзистенциальной исполненности, оптимизма, активности, жизнестойкости. Описаны особенности реабилитационного потенциала, в частности, внутренней картины болезни как его компонента, и ряда личностных диспозиций при заболеваниях разного генеза. Показано, что наибольшими личностными ресурсами обладают молодежь и лица среднего возраста с заболеваниями желудочно-кишечного тракта, наименьшими личностными ресурсами — их ВИЧ-инфицированные ровесники. Прослежена связь снижения личностного потенциала при ВИЧ-инфекции с наличием химической зависимости. Приводится авторская методика, позволяющая определить общий показатель реабилитационного потенциала и показатели его компонентов — мотивационного, эмоционального, самооценочного, коммуникативного, а также внутренней картины болезни.

Ключевые слова: личностные ресурсы, заболевание, реабилитационный потенциал личности, внутренняя картина болезни, экзистенциальная исполненность, активность, оптимизм, жизнестойкость.

В настоящее время значительную опасность представляют не только быстро распространяющиеся и приводящие к скорострительной смерти болезни, но и заболевания хронические, влияющие на качество жизни и социальный статус человека. Создается особая социальная ситуация хронического соматического заболевания, включающая социальный стереотип заболевания («миф болезни» по А.Ш. Тхостову [13]), принятие/непринятие социальной роли больного, эмоциональную оценку заболевания, контекст ситуации — события, появляющиеся в жизни человека и нарушающие адаптацию (социальный стресс), время возникновения (возрастной этап) и длительность за-

болевания [12]. Способность человека адекватно переживать и преодолевать социальную ситуацию заболевания как критическую ситуацию, разрушающую жизненный замысел, во многом зависит от имеющегося у него реабилитационного потенциала.

Личностные ресурсы и реабилитационный потенциал

При тяжелом хроническом заболевании, даже если оно не приводит к инвалидности, изменяются качество и стиль жизни человека. Больной человек вы-

Для цитаты:

Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В. Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 50–60.

* Кулагина Ирина Юрьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, профессор, кафедра возрастной психологии, факультет психологии образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия. *dissovetmgppu@mail.ru*

** Сенкевич Людмила Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, докторант, кафедра возрастной психологии, факультет психологии образования, ГБОУ ВПО МГППУ; профессор, кафедра клинической и специальной психологии, факультет социальной медицины, Государственная классическая академия имени Маймонида, Москва, Россия. *lvsenkevich@mail.ru*

нужден пройти через этапы реабилитации (восстановительного лечения) и реадaptации, в том числе социальной, направленной на восстановление приспособленности к условиям профессиональной деятельности и быта. Эффективность реабилитации и реадaptации зависит от общей позиции личности, использования имеющихся личностных ресурсов. Система личностных ресурсов, необходимых для преодоления критической ситуации тяжелого соматического заболевания, определяет реабилитационный потенциал личности.

Реабилитационный потенциал складывается из реабилитационных возможностей организма, личности и микросоциума, т. е. той социальной системы, в которую непосредственно включен больной человек. Учет реабилитационного потенциала, понимаемого так широко, необходим при медико-социальной экспертизе. Определение уровня психологического реабилитационного потенциала позволяет сформировать прогноз на дальнейшую жизнь человека с ограниченными возможностями здоровья. Помимо прогностической ценности оно имеет ценность для самого больного, давая ему возможность осознать свои личностные ресурсы, с опорой на которые осуществляется компенсация и наиболее полная реадaptация.

К составляющим или компонентам реабилитационного потенциала (психологического или личностного) относят особенности психических процессов (восприятия, памяти, внимания, мышления); специфику внутренней картины болезни (представлений больного о сущности и степени тяжести заболевания, возможностях реабилитации и реадaptации); личностные особенности (темперамент, черты характера, специфика эмоциональной, мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер). Наиболее четко структура реабилитационного потенциала описана Ж.В. Порохиной (2004) и О.Н. Гудиловой (2012).

Ж.В. Порохина выделяет девять компонентов психологического реабилитационного потенциала: тип отношения к болезни, уровень нервно-психического состояния, уровень самооценки, уровень притязаний, уровни реактивной и личностной тревожности, локус контроля, состояние взаимоотношений с социальным окружением и удовлетворенность профессиональной деятельностью. Соответственно, психологический реабилитационный потенциал человека определяется как система преморбидно сформированных индивидуально-психологических характеристик личности (мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивных), выступающих в качестве основного ресурса в случае изменения социальной ситуации развития в результате заболевания, инвалидизирующего человека, и способствующих его реадaptации к новым условиям жизни [11].

Рассматривая личностный реабилитационный потенциал как более узкое понятие, по сравнению с психологическим реабилитационным потенциалом, О.Н. Гудилова определяет его как систему личностных характеристик, позволяющих индивиду активно

и эффективно участвовать в процессе комплексной реабилитации, а также адаптироваться к изменяющимся условиям среды. Составляющими личностного реабилитационного потенциала являются тип отношения к болезни, локус контроля, уровень самооценки, мотивация достижения, осмысленность жизни, жизнестойкость, временная перспектива [2].

Одним из компонентов личностного реабилитационного потенциала, упоминаемым во всех работах, становится отношение к болезни — «внутренняя картина болезни».

Реабилитационный потенциал понимается нами как та часть личностных ресурсов, которая непосредственно способствует реабилитации и реадaptации в ситуации хронической болезни, и включает мотивационный, эмоциональный, самооценочный и коммуникативный компоненты, а также внутреннюю картину болезни.

Реабилитационный потенциал и внутренняя картина болезни

Внутренней картиной болезни Р.А. Лурия называет «все то, что испытывает и переживает больной, всю массу его ощущений, не только местных болезненных, но его общее самочувствие, самонаблюдение, его представления о своей болезни, о ее причинах, — все то, что связано для больного с приходом его к врачу, весь тот огромный внутренний мир больного, который состоит из весьма сложных сочетаний восприятия и ощущения, эмоций, аффектов, конфликтов, психических переживаний и травм» [9, с. 51]. Таким образом, различаются внешняя картина болезни, определяемая с помощью объективных методов медицинской диагностики, и внутренняя картина болезни как ее субъективная сторона.

В настоящее время при описании структуры внутренней картины болезни выделяется ряд уровней:

- сензитивный уровень — уровень элементарных чувств, локализации болезненных и других неприятных ощущений;
- эмоциональный уровень — уровень субъективного эмоционального отношения к симптомам, заболеванию в целом и его последствиям;
- интеллектуальный уровень — уровень формирующийся благодаря процессам умственной переработки представлений и знаний больного о заболевании;
- мотивационный уровень — уровень изменения привычных поведенческих паттернов и образа жизни, обусловленного болезнью [10].

В.В. Николаева подчеркивает особую значимость мотивационного уровня (компонента) внутренней картины болезни. С ее точки зрения, именно он определяет актуализацию деятельности больного по возвращению и сохранению здоровья. В связи с этим различают разные стратегии противодействия хроническому соматическому заболеванию — активную и пассивную.

Понятие «внутренняя картина болезни», введенное Р.А. Лурией, получило широкое распространение в восточной Европе [17; 18]. В западной Европе и США обычно используются понятия «восприятие болезни» и «представления о болезни». Применяется Опросник восприятия болезни IPQ [16, 20], основанный на модели восприятия болезни или модели саморегуляции Г. Левенталя (Leventhal's model). В восприятии болезни выделяются представления о ее симптомах, причинах возникновения, длительности протекания, физических и социальных последствиях, возможностях контроля и лечения. При этом в модели не представлены влияния на эти представления социального окружения больного — значимых других и групп [15]. Исследования, проведенные с опорой на модель Г. Левенталя, с помощью Опросника IPQ, показали зависимость восприятия болезни от специфики ряда хронических заболеваний [19].

Мы рассматриваем внутреннюю картину болезни как компонент реабилитационного потенциала личности, делая акцент на когнитивном (представления о болезни, ее причинах, протекании и последствиях) и эмоциональном (отношение к болезни и образу жизни больного человека) аспектах.

Организация исследования

Исследование проведено с целью выявления различий во внутренней картине болезни и реабилитационном потенциале в целом при хронических соматических и инфекционных заболеваниях разного генеза.

В исследовании были поставлены следующие задачи:

- определить уровни реабилитационного потенциала личности и характер внутренней картины болезни у пациентов с желудочно-кишечными, сердечно-сосудистыми, онкологическими заболеваниями и у ВИЧ-инфицированных наркозависимых;
- сопоставить уровни реабилитационного потенциала и основных составляющих личностных ресурсов — жизнестойкости, экзистенциальной исполненности, активности и оптимизма.

Исследование проведено на базе Городской клинической больницы № 40, Городской клинической больницы № 63, Наркологической клинической больницы № 17, Психиатрической клинической больницы № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения г. Москвы.

Выборки исследования составили испытуемые молодого и зрелого возрастов (22–43 года):

- в выборку № 1 вошли 37 испытуемых с различными заболеваниями желудочно-кишечного тракта (ЖКТ): язвенной болезнью желудка, язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки, гастритами, гастродуоденитами, гастроэнтероколитами, колитами, панкреатитами; 7 мужчин и 30 женщин, в возрасте от 22 до 37 лет;

- выборку № 2 составили 33 испытуемых с заболеваниями сердечно-сосудистой системы (ССС), такими как: ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда, идиопатическая желудочковая экстрасистолия; 9 мужчин и 24 женщины, в возрасте от 22 до 38 лет;

- в выборку № 3 вошли 33 испытуемых с онкологическими заболеваниями, 10 мужчин и 23 женщины, в возрасте от 30 до 43 лет;

- выборку № 4 составили 25 ВИЧ-инфицированных больных наркоманиями, 7 мужчин и 18 женщин, в возрасте от 25 до 35 лет. Необходимо отметить, что испытуемые, стационарированные в острые отделения ПКБ № 4 им. П.Б. Ганнушкина на фоне наркотических психозов, характеризовались отсутствием эндогенной симптоматики, в момент обследования были выведены из психоза средствами соответствующей фармакотерапии и находились в ясном сознании.

Методика исследования

Для решения поставленных задач использовался комплекс методик: методика «Реабилитационный потенциал личности» И.Ю. Кулагиной, Л.В. Сенкевич; Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [6]; Шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглер в адаптации С.В. Кривцовой [4]; Шкала оптимизма и активности И. Шуллер, А. Комуниани в адаптации Н.Е. Водопьяновой и М.В. Штейна [1].

Методика «Реабилитационный потенциал личности» разработана И.Ю. Кулагиной и Л.В. Сенкевич в 2011 г. и апробирована в 2012–2013 гг. При создании методики использованы и модифицированы отдельные открытые вопросы анкеты Ж.В. Порохиной [11] и структурированного интервью Ю.Е. Кургановой [5]. Методика представляет собой опросник, предназначенный для лиц, имеющих хронические заболевания, старше 16 лет. Опросник включает 28 закрытых вопросов с тремя вариантами ответов и может применяться как в групповой форме, так и индивидуально.

В соответствии с инструкцией испытуемый выбирает один из трех ответов к каждому вопросу.

1. Часто ли Вы думаете о своей болезни?

- А. Постоянно.
- Б. Часто.
- В. Редко.

2. Зависит ли Ваше настроение от болезни?

- А. Да.
- Б. Нет.
- В. Трудно сказать.

3. Как Вы относитесь к житейским проблемам в последнее время?

- А. Иногда включаюсь в их решение.
- Б. Стараюсь от них отгородиться.
- В. Они мне по-прежнему интересны.

4. Нужно ли рассказывать близким и друзьям о проблемах со своим здоровьем?

- А. Да, они обязательно поддержат.
- Б. Да, но немногим — мало кто меня поймет.
- В. Нет, на понимание и сопереживание никто не способен.

5. Изменились ли Ваши интересы за время болезни?

- А. Да, меня теперь мало что интересует.
- Б. Да, мои интересы расширились.
- В. Нет, у меня остались прежние интересы.

6. Как Вы думаете, жизнь здорового человека отличается от жизни больного?

- А. Да, конечно.
- Б. Не всегда.
- В. Практически нет.

7. Часто ли Вы радуетесь?

- А. Да, я нахожу много поводов для радости.
- Б. Меня трудно чем-то порадовать.
- В. Иногда у меня бывает очень хорошее настроение.

8. Легко ли Вас расстроить?

- А. Да, мне приходится часто расстраиваться.
- Б. Я огорчаюсь по серьезным поводам.
- В. Меня трудно вывести из равновесия.

9. Мешает ли Ваша болезнь жить так, как Вам хочется?

- А. Да, мешает.
- Б. Доставляет некоторые неудобства.
- В. Я живу, не ориентируясь на болезнь.

10. Есть ли у Вас близкие люди, с которыми Вас связывают глубокие отношения?

- А. Да, есть любимый человек (или друг).
- Б. У меня есть приятели.
- В. Постоянных глубоких отношений ни у кого не бывает.

11. Как Вы оцениваете свой интеллектуальный потенциал?

- А. Как относительно низкий.
- Б. Как средний.
- В. Как достаточно высокий.

12. Любите ли Вы свою работу (учебу)?

- А. Да, люблю.
- Б. Я не работаю (не учусь).
- В. Работаю (учусь), но без особого интереса.

13. Есть ли у Вас сейчас увлечения (хобби)?

- А. Да.
- Б. Трудно сказать.
- В. Нет.

14. Кто виноват в том, что Вы больны?

- А. Никто — так сложилось.

- Б. Я сам.
- В. Те, кто меня окружал.

15. Способны ли Вы контролировать свои эмоции и поведение?

- А. Да, всегда.
- Б. Не во всех ситуациях.
- В. В последнее время контроль полностью нарушен.

16. Изменились ли Ваши отношения в семье?

- А. Нет, не изменились.
- Б. Да, обо мне теперь больше заботятся.
- В. Да, исчезло взаимопонимание.

17. Как Вы решаете возникающие у Вас проблемы?

- А. Мне не по плечу решение всех проблем.
- Б. Справляюсь с ними самостоятельно, никого не беспокоя.
- В. Решаю их вместе с родными или друзьями.

18. Бывают ли у Вас болезненные состояния?

- А. Да, бывают.
- Б. Иногда бывают, но по разным причинам.
- В. Я их постоянно испытываю.

19. Изменились ли Ваши представления о себе за время болезни?

- А. Да, и я стал себя больше уважать.
- Б. Да, и я стал себя больше жалеть.
- В. Нет, практически ничего не изменилось.

20. Насколько важно для Вас сохранить здоровье?

- А. Для меня это сейчас — единственно важное в жизни.
- Б. Это одно из наиболее значимых моих стремлений.
- В. Такое желание у меня возникает от случая к случаю.

21. Считаете ли Вы себя счастливым человеком?

- А. Да, я счастливый человек, несмотря на все мои проблемы.
- Б. Да, хотя с некоторыми оговорками.
- В. Нет.

22. Верите ли Вы в эффективность лечения Вашей болезни?

- А. Да, конечно.
- Б. Нет.
- В. Современная медицина может многое, но далеко не все.

23. Изменилось ли Ваше настроение за время болезни?

- А. Я стал более раздражительным.
- Б. Я стал более уравновешенным.
- В. Не знаю.

24. Как Вы справляетесь со своей болезнью?

- А. Я упорно борюсь с болезнью и возникающими из-за нее трудностями.

- Б. Я перед ней капитулирую.
 В. Я стараюсь сохранить баланс сил.

25. Может ли эта болезнь вызвать скорую смерть?

- А. Да, больные люди долго не живут.
 Б. Течение болезни бывает разным.
 В. При правильном образе жизни и лечении можно жить долго.

26. Как Вы относитесь к себе?

- А. Как к тяжело больному человеку.
 Б. Как к сильному человеку, способному преодолевать трудности.
 В. Как к человеку, который живет так, как хочет.

27. Изменились ли Ваши взаимоотношения с окружающими людьми за время болезни?

- А. Изменились в лучшую сторону.
 Б. Остались такими же, как прежде.
 В. Изменились в худшую сторону.

28. Отличается ли Ваша жизнь от жизни Ваших ровесников?

- А. Нет, моя жизнь так же полноценна, как у других.
 Б. Да, болезнь снижает качество жизни.
 В. У каждого из нас свои проблемы.

Как показано в табл. 1, опросник включает пять шкал, соответствующих пяти компонентам реабилитационного потенциала – мотивационному, эмоциональному, самооценочному и коммуникативному, а также внутренней картине болезни.

Мотивационный компонент отражает широту интересов и степень активности больного, включающегося в решение бытовых, профессиональных (учебных) проблем и задач, связанных с сохранением (восстановлением) здоровья.

Эмоциональный компонент представляет общий эмоциональный фон жизни больного (позитив-

ный-негативный), его динамику в связи с заболеванием и возможности регуляции эмоциональных реакций.

В *самооценочный компонент* входят представления о своих наиболее значимых качествах и отношении к себе как к больному человеку.

Коммуникативный компонент раскрывает специфику значимых социальных связей и динамику межличностных отношений во время болезни.

Внутренняя картина болезни является особым компонентом реабилитационного потенциала. Она учитывается при определении реабилитационного потенциала в целом и анализируется как самостоятельный показатель.

При первичной обработке полученных с помощью опросника данных, прежде всего, подсчитываются баллы. Каждый выбранный испытуемым ответ оценивается от 0 до 2 баллов. Отсутствие балла («нулевой» балл) свидетельствует о недостаточности личностных ресурсов в определенной сфере, необходимых для эффективного противостояния хроническому заболеванию. 2 балла отражают наличие личностных ресурсов в этой сфере, способствующих успешной реабилитации и реадaptации.

Подсчитываются сырые баллы по каждой из пяти шкал. Баллы, полученные конкретным испытуемым или группой испытуемых (имеющих хроническое заболевание одной и той же этиологии) по всем шкалам, суммируются и переводятся в проценты. Например, если получен среднегрупповой показатель 35,81 балла, максимально возможное количество баллов – 56 баллов – принимается за 100%, 35,81 балла обозначается как X%; $X = 35,81 \times 100 : 56 = 63,95\%$. Таким образом устанавливается *общий уровень реабилитационного потенциала*.

Отдельно рассматривается внутренняя картина болезни. Сумма баллов по соответствующей шкале также переводится в проценты.

Таблица 1

Компоненты и общий показатель реабилитационного потенциала личности

Компоненты реабилитационного потенциала	Баллы	№№ ответов	Максимально возможное число баллов по шкале
Внутренняя картина болезни	2	1в, 2б, 4а, 6в, 9в, 14в, 18б, 22а, 25в, 28а	20
	1	1б, 2в, 4б, 6б, 9б, 14а, 18а, 22в, 25б, 28в	
	0	1а, 2а, 4в, 6а, 9а, 14б, 18в, 22б, 25а, 28б	
Мотивационный компонент	2	3в, 5б, 12а, 13а, 20б, 24а	12
	1	3а, 5в, 12в, 13б, 20а, 24в	
	0	3б, 5а, 12б, 13в, 20в, 24б	
Эмоциональный компонент	2	7а, 8в, 15а, 23б	8
	1	7в, 8б, 15б, 23в	
	0	7б, 8а, 15в, 23а	
Самооценочный компонент (Я-концепция)	2	11в, 19а, 21а, 26б	8
	1	11б, 19в, 21б, 26в	
	0	11а, 19б, 21в, 26а	
Коммуникативный компонент (межличностные отношения)	2	10а, 16б, 17в, 27а	8
	1	10б, 16а, 17б, 27б	
	0	10в, 16в, 17а, 27в	
Общий уровень реабилитационного потенциала	Сумма баллов по всем шкалам		56

Внутреннюю картину болезни можно считать оптимистичной при высоком уровне показателя данной шкалы (что становится одним из важнейших личностных ресурсов больного человека). Если показатель имеет низкий уровень, внутренняя картина болезни считается пессимистичной и не является необходимым личностным ресурсом.

Результаты и обсуждение

При изучении реабилитационного потенциала и других личностных ресурсов, необходимых для успешной реабилитации и реадaptации в юности, молодости и зрелости при наличии серьезного хронического заболевания, установлены различия между больными с заболеваниями желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы, с онкологическими заболеваниями и с ВИЧ-инфекцией. Остановимся, прежде всего, на показателях реабилитационного потенциала.

Реабилитационный потенциал

Среди больных с хроническими заболеваниями разного генеза наибольшим реабилитационным потенциалом обладают молодежь и лица среднего возраста с заболеваниями желудочно-кишечного тракта (рис. 1).

Выраженность их реабилитационного потенциала обусловлена, главным образом, наиболее оптимистичной внутренней картиной болезни и ярко выраженным мотивационным компонентом — сохранением интересов и достаточно высокой активности в разных сферах жизни (бытовой, профессиональной или учебной, лечебно-восстановительной).

При этом внутренняя картина болезни при заболеваниях ЖКТ существенно отличается от внутренней картины болезни при онкологических заболеваниях: различия между этими двумя группами больных значимы при $p \leq 0,05$; а также отличается от внутренней картины болезни при ВИЧ-инфекции: различия между группами прослеживаются на уровне тенденции (рис. 2).

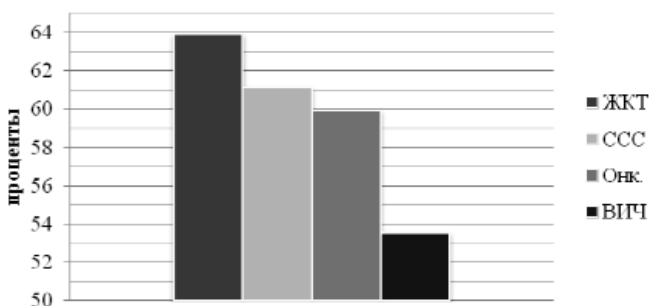

Рис. 1. Общий показатель реабилитационного потенциала при заболеваниях разной этиологии: ЖКТ — респонденты с заболеваниями желудочно-кишечного тракта; ССС — респонденты с заболеваниями сердечно-сосудистой системы; Онк. — респонденты с онкологическими заболеваниями; ВИЧ — ВИЧ-инфицированные наркозависимые

При заболеваниях ЖКТ мотивационный компонент реабилитационного потенциала представлен в большей мере, чем при заболеваниях сердечно-сосудистой системы ($p \leq 0,05$), онкологических заболеваниях ($p \leq 0,05$) и ВИЧ-инфекции ($p \leq 0,01$); самооценочный и коммуникативный компоненты — в большей мере, чем при ВИЧ-инфекции ($p \leq 0,01$).

Таким образом, заболевания желудочно-кишечного тракта в наименьшей степени вносят ограничения в образ жизни больного человека, по сравнению с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, онкологическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией — во всяком случае, в представлениях больных. А представления о самом заболевании ЖКТ, как не крайне тяжелом и опасном, соответствуют социальным стереотипам, а также имеющимся в настоящее время возможностям медикаментозного лечения и хирургического вмешательства.

Наименьший реабилитационный потенциал присущ ВИЧ-инфицированным. Общий показатель и показатели большинства компонентов при ВИЧ-инфекции ниже, чем при других заболеваниях. Общий показатель реабилитационного потенциала ВИЧ-инфицированных значимо ниже общего показателя лиц с заболеваниями ЖКТ ($p \leq 0,01$) и сердечно-сосудистыми заболеваниями ($p \leq 0,05$). При ВИЧ-инфекции уже круг интересов и ниже активность в разных сферах жизни (профессиональной или учебной, бытовой, лечебно-восстановительной), чем при заболеваниях ЖКТ ($p \leq 0,01$); ниже самооценка, чем при заболеваниях ЖКТ ($p \leq 0,01$), онкологических ($p \leq 0,01$) и сердечно-сосудистых ($p \leq 0,001$) заболеваниях; сложнее межличностные отношения и меньше социальная поддержка, чем при заболеваниях ЖКТ ($p \leq 0,05$), онкологических ($p \leq 0,01$) и сердечно-сосудистых ($p \leq 0,01$) заболеваниях. Только эмоциональный фон практически одинаков при заболеваниях разного генеза.

Здесь следует учесть, что все обследованные лица с ВИЧ-инфекцией имеют химические зависимости. Как известно, чаще всего инфицирование происходит при совместном употреблении наркотиков (когда группой используется один шприц для внутривен-

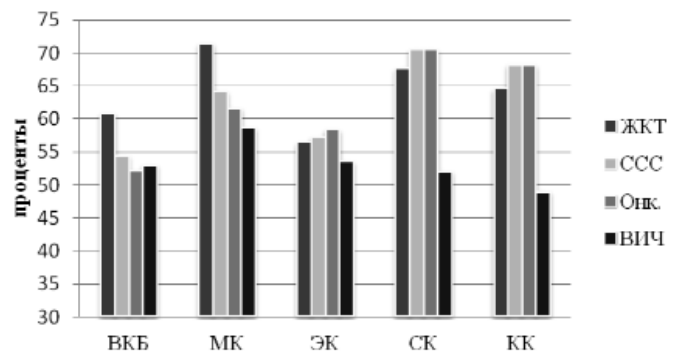

Рис. 2. Компоненты реабилитационного потенциала: ВКБ — внутренняя картина болезни; МК — мотивационный компонент; ЭК — эмоциональный компонент; СК — самооценочный компонент; КК — коммуникативный компонент

ных инъекций). Поэтому ВИЧ-инфекция — болезнь, свойственная в основном наркоманам. Наркомания накладывает свой отпечаток на личность: наблюдаются рассогласованность Я-реального и Я-идеального в самосознании, деформация временной перспективы из-за амбивалентного отношения к своему прошлому и противоречивости или несформированности планов на будущее, меньшая значимость близкого социального окружения, недостаточность произвольной регуляции поведения, экзистенциальный вакуум как продукт наркокультуры [7]. Эти особенности личности, сочетаясь с представлениями о ВИЧ-инфекции и о себе как человеке, имеющем заболевание, которое «не лечится», обуславливают недостаточность, слабость реабилитационного потенциала.

Что касается лиц с заболеваниями сердечно-сосудистой системы и онкологическими заболеваниями, можно отметить средний уровень их реабилитационного потенциала. Он ниже, чем при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, и выше, чем при ВИЧ-инфекции. Подчеркнем, что онкологические больные лечились и имели надежду на выздоровление, не находясь в терминальном состоянии.

Другие личностные ресурсы больных

В качестве других личностных ресурсов, необходимых для преодоления болезненного состояния и успешных реабилитации и реадaptации, рассмотрим экзистенциальную исполненность, активность, оптимизм и жизнестойкость.

Экзистенциальная исполненность — явление, описанное в экзистенциально-гуманистической психологии (В. Франкл, А. Лэнгле). Это осмысленность жизни, возможность жить в согласии с собой и миром, способность воплощения в жизнь своих решений, отвечающих сущности человека. Экзистенциальная исполненность включает в себя самоидентификацию, самоидентификацию, свободу и ответственность. Под самоидентификацией понимается способность адекватного восприятия ситуации при освобождении от собственных желаний, страхов и проблем; под самоидентификацией — способность жить ради кого-то или чего-то, эмоционально откликаться на происходящее, ориентируясь на смысл и ценности, а не только на собственные цели. Свобода предполагает способность принимать решения, исходя из личностной ценности возможных вариантов, а ответственность — способность доводить эти решения до конца.

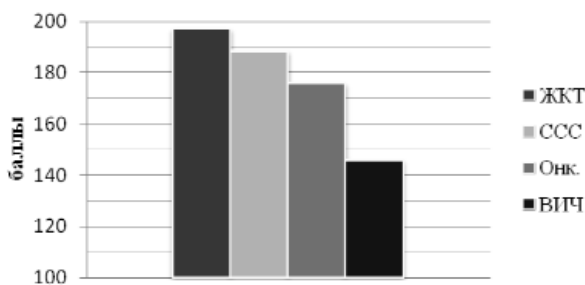

Рис. 3. Общий показатель экзистенциальной исполненности

Общий показатель экзистенциальной исполненности наиболее высок при заболеваниях ЖКТ и сердечно-сосудистых расстройствах (рис. 3).

Различия между двумя группами больных статистически незначимы. Существенно ниже значения по этому параметру у группы онкологических больных (различия между группами онкологических больных и респондентов с расстройствами ЖКТ достоверны на высоком уровне значимости ($p < 0,001$), между группами онкологических больных и лиц с заболеваниями сердечно-сосудистой системы — на пятипроцентном уровне). Наиболее низкий показатель — у ВИЧ-инфицированных наркозависимых. Таким образом, в наибольшей степени сохраняется осмысленность жизни при заболеваниях ЖКТ и сердечно-сосудистых расстройствах, экзистенциальная фрустрация характерна для наркозависимых с ВИЧ-инфекцией). Отметим, что в последнем случае снижение осмысленности жизни может происходить не столько из-за ВИЧ-инфекции, сколько за счет химической зависимости. Как писал В. Франкл, «...если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности, с помощью химических препаратов» [14, с. 30].

Высокая осмысленность жизни при болезнях ЖКТ и сердечно-сосудистых заболеваниях связана с высокими самоидентификацией, самоидентификацией, свободой и ответственностью, что отражается также в высоких обобщенных показателях персональности и экзистенциальности (рис. 4).

В выборках онкологических больных и ВИЧ-инфицированных наркозависимых большинство показателей Шкалы экзистенции существенно ниже. Обращает на себя внимание отсутствие значимых различий между этими группами по параметру «Свобода». Эти больные ощущают себя в значительно меньшей степени способными принимать решения и осуществлять свободно выбор в своей жизни, чем респонденты с расстройствами ЖКТ и сердечно-сосудистой системы, несмотря на то, что смертность в результате сердечно-сосудистых заболеваний в три с лишним раза превышает показатели смертности от рака и СПИДа. Видимо, здесь сказываются социальные стереотипы — представления о неизлечимости данных болезней.

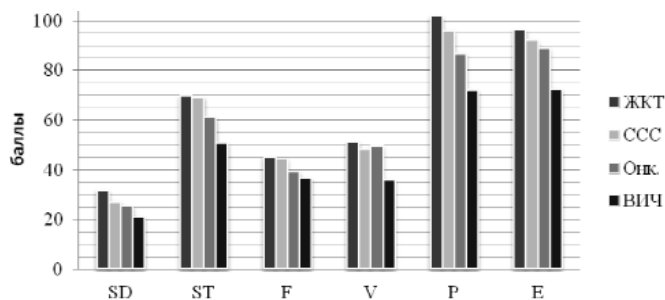

Рис. 4. Показатели ценностно-смысловой сферы личности: SD — самоидентификация; ST — самоидентификация; F — свобода; V — ответственность; P — персональность; E — экзистенциальность

Несмотря на то, что свобода у онкологических больных недостаточно выражена, именно она, а также персональность (объединенный показатель самодистанцирования и самотрансценденции) положительно коррелируют с реабилитационным потенциалом личности. Отсутствуют корреляции между реабилитационным потенциалом и ответственностью, как показателем практической реализации в жизни ценностного выбора. Кроме того, в этой выборке не выявлены значимые взаимосвязи общих показателей реабилитационного потенциала и экзистенциальной исполненности.

В то же время в трех остальных выборках положительные корреляционные связи на высоких уровнях значимости установлены практически между всеми субшкалами Шкалы экзистенции и параметрами методики «Реабилитационный потенциал личности». Повышение осмысленности жизни способствует усилению реабилитационного потенциала при заболеваниях ЖКТ, сердечно-сосудистой системы и даже при ВИЧ-инфекции.

Обращаясь к показателям активности и оптимизма, подчеркнем, что в плане оптимизма наблюдается та же тенденция, что и в плане осмысленности жизни (наиболее высокие показатели свойственны лицам с расстройствами ЖКТ, наиболее низкие — ВИЧ-инфицированным наркозависимым), а в плане активности — прямо противоположная тенденция (рис. 5). Лица с химическими зависимостями и ВИЧ-инфекцией отличаются повышенной активностью на фоне низкого оптимизма. Как известно из литературы, посвященной химическим зависимостям, эта категория в периоды активного употребления препаратов «переживает избыточные возможности», а в периоды поиска психоактивных веществ проявляет высокую нестандартную активность. «Факт социального запрета на употребление наркотических веществ исключает формирование поведенческих стереотипов и автоматизмов у наркозависимых в процессе их поисковой активности. К тому же сама по себе среда, связанная с незаконным оборотом наркотиков, является очень опасной, агрессивной, жестокой... Такие условия вынуждают постоянно проявлять хитрость, находчивость, «творчество» в процессе поиска наркотических веществ или средств на их приобретение» [7, с. 183].

При этом активность наркозависимых с ВИЧ-инфекцией распространяется и на более широкие сферы

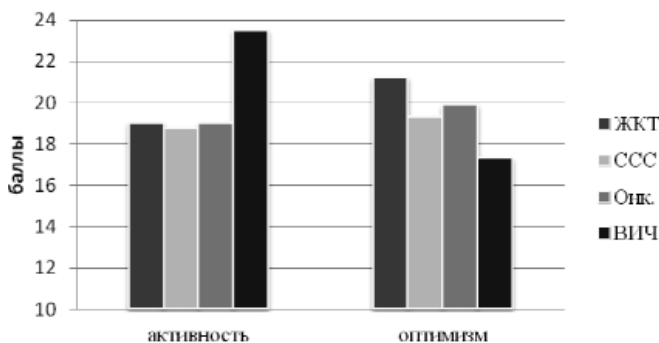

Рис. 5. Показатели активности и оптимизма

жизни, о чем свидетельствуют положительные корреляционные связи с мотивационным компонентом реабилитационного потенциала личности. Отметим, что у этой категории больных отсутствуют корреляции активности со всеми прочими компонентами реабилитационного потенциала, включая общий показатель.

Жизнестойкость является одним из важнейших личностных ресурсов или компонентов личностного потенциала [8]. Высокая жизнестойкость, способствующая преодолению стрессовых ситуаций, предполагает высокую степень вовлеченности в жизнедеятельность и эмоциональную насыщенность жизни; выраженный контроль — убежденность в необходимости противостояния жизненным трудностям, несмотря на отсутствие гарантии успеха, и в эффективности предпринимаемых действий; готовность к принятию риска и восприятию любого, даже негативного, жизненного опыта как содействующего личностному росту.

Наиболее высокая жизнестойкость характерна для лиц с заболеваниями ЖКТ, наименее — для ВИЧ-инфицированных наркозависимых (рис. 6). Различиям в общих показателях жизнестойкости разных категорий больных соответствуют различия в частных показателях (рис. 7). Наиболее интересной и эмоционально насыщенной оказывается жизнь респондентов с расстройствами желудочно-кишечного тракта. Менее вовлеченными в происходящее становятся их ровесники с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями. И, наконец, представители последней выборки — ВИЧ-инфицированные лица с химическими зависимостями, — судя по низким показателям этого компонента жизнестойкости, часто ощущают себя «вне» потока жизни.

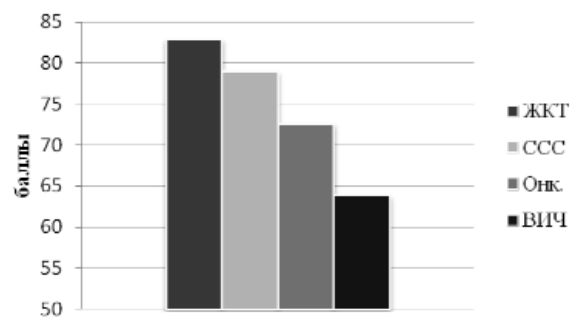

Рис. 6. Общий показатель жизнестойкости

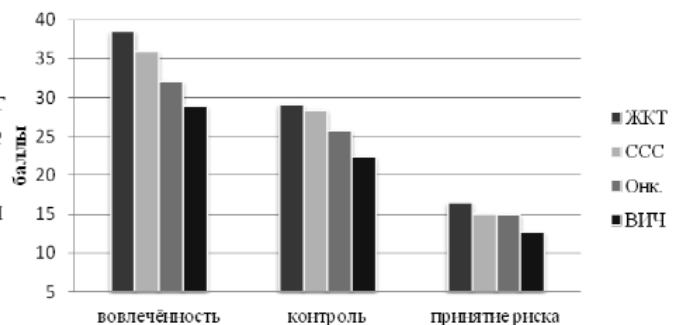

Рис. 7. Компоненты жизнестойкости

Различия между выборками по двум другим компонентам жизнестойкости менее выражены. Значимые различия по показателям контроля и принятия риска выявлены между группами больных с расстройствами ЖКТ и сердечно-сосудистой системы, с одной стороны, и ВИЧ-инфицированными наркозависимыми — с другой: эти значения существенно ниже в последней выборке. Вместе с тем, достоверных различий по параметрам контроля и принятия риска между онкологическими больными и лицами с химическими зависимостями и ВИЧ-инфекцией обнаружено не было. Респондентам с заболеваниями желудочно-кишечного тракта и сердечно-сосудистыми заболеваниями свойственно стремление к контролю над ситуацией и активному противостоянию трудностям; ВИЧ-инфицированным больным наркозависимыми — ощущение беспомощности.

Принятие риска в наименьшей степени присуще наркозависимым с ВИЧ-инфекцией. Образ жизни лиц с химическими зависимостями связан с повышенной опасностью и, следовательно, с риском, но, тем не менее, склонность к принятию риска у них слабо выражена. По мнению С. Мадди, в основе принятия риска лежит идея личностного развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование [6]. Вероятно, эти больные из-за наличия химической зависимости и связанной с ней гедонистической мотивации (подчиненной принципу удовольствия), ориентации на ситуацию «здесь и сейчас», немедленное удовлетворение примитивных потребностей, не умеют делать разумные выводы из собственного житейского опыта и постоянно «наступают на одни и те же грабли». Кроме того, при суженной временной перспективе, недостаточной ориентации на будущее, они не имеют и четкой ориентации на личностный рост.

Исходя из полученных данных, можно считать, что жизнестойкость взаимосвязана с реабилитационным потенциалом больного человека, так что эти два элемента личностных ресурсов способствуют преодолению болезни и повышению качества жизни.

Литература

1. Водопьянова Н.Е., Штейн М.В. Шкала оптимизма и активности // Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. С. 298–304.
2. Гудилина О.Н. Специфика личностного реабилитационного потенциала подростков с нарушениями статодинамической функции в связи со временем возникновения нарушения и степенью его тяжести [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSY-EDU.ru. 2012. №4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/4/3146.phtml> (дата обращения: 03.03.2015).
3. Краснов А.А., Дьяконов И.Ф., Жирков А.М., Овчинников Б.В. Основы психосоматики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. 108 с.
4. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ: Бюллетень. 2009. № 1. С. 141–170.

Общий показатель жизнестойкости положительно коррелирует с общим показателем реабилитационного потенциала личности во всех четырех выборках на высоком уровне значимости.

Выводы

1. Сравнение реабилитационного потенциала личности молодежи и лиц среднего возраста с заболеваниями разного генеза (желудочно-кишечными, сердечно-сосудистыми, онкологическими, ВИЧ-инфекцией) дало возможность установить ряд тенденций. Наибольшим реабилитационным потенциалом обладают лица с расстройствами ЖКТ; наименьший реабилитационный потенциал присущ ВИЧ-инфицированным наркозависимым. Выраженность реабилитационного потенциала обусловлена, главным образом, наиболее оптимистичной внутренней картиной болезни и развитым мотивационным компонентом — сохранением широкого круга интересов и достаточно высокой активности в разных сферах жизни.

2. Общий показатель реабилитационного потенциала имеет положительные корреляционные связи с показателями жизнестойкости (при разных заболеваниях), экзистенциальной исполненности (в большинстве случаев), а также оптимизма (при заболеваниях ЖКТ и сердечно-сосудистой системы). Основными личностными ресурсами, способствующими успешной реабилитации и реадaptации больного человека, помимо реабилитационного потенциала личности, при расстройствах ЖКТ, сердечно-сосудистой системы и онкологических заболеваниях можно считать экзистенциальную исполненность, оптимизм и жизнестойкость, при ВИЧ-инфекции у наркозависимых — активность.

3. Апробация методики «Реабилитационный потенциал личности» позволяет судить о возможности использования опросника при изучении личности больных с хроническими заболеваниями разного генеза.

5. Куртанова Ю.Е. Личностные особенности детей с различными хроническими соматическими заболеваниями: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2004. 170 с.
6. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
7. Лисецкий К.С. Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности. Самара: Универс групп, 2007. 308 с.
8. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
9. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания // Хрестоматия по патопсихологии / Сост. Б.В. Зейгарник, А.П. Корнилов, В.В. Николаева. М.: Изд. Московского университета, 1981. С. 49–59.
10. Николаева В.В. Личность в условиях хронического соматического заболевания // Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. М.: SvR-Аргус, 1995. С. 207–245.

11. Порохина Ж.В. Психологический реабилитационный потенциал инвалида (На примере больных с ишемической болезнью сердца): дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10. М., 2004. 183 с.

12. Селин А.В. Жизненный путь личности в социальной ситуации хронического соматического заболевания: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Курск, 2009. 26 с.

13. Тхостов А.Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 1993. № 1. С. 3–16.

14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

15. Hale E.D., Treharne G.J., & Kitas G.D. The Common-Sense Model of self-regulation of health and illness: how can we use it to understand and respond to our patients' needs? (Editorial) // *Rheumatology*. 2007. Vol. 46. P. 904–906.

16. Moss-Morris R., Weinman J., Petrie K., Horne R., Cameron L., Buick D. The revised illness perception questionnaire (ipq-r) // *Psychology and Health*. 2002. Vol. 17. № 1. P. 1–16.

17. Vosečková A. Proactive stress coping // *Seminář «Psychosomatika – diagnostika a terapie*. Brno, 2010. № 6. P. 5–16.

18. Vosečková A., Pelcák S. Group therapy for patients with diabetes // *Mezioborové setkání diabetologů, psychiatrů a psychologů*. Praha, 2010. № 3. P. 19–20.

19. Weinman J., Petrie K. Illness perceptions: a new paradigm for Psychosomatics? // *Journal of Psychosomatic Research*. 1997. Vol. 42. № 2. P. 113–116.

20. Weinman J., Petrie K., Moss-Morris R., Horne R. The illness perception questionnaire: a new method for assessing the cognitive representation of illness // *Psychology and Health*. 1996. Vol. 11. P. 431–445.

Rehabilitation Potential of Personality in Various Chronic Conditions

I.Yu. Kulagina*

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
dissovetmgppu@mail.ru

L.V. Senkevich**

Moscow State University of Psychology and Education; Maimonides State Classical Academy, Moscow, Russia,
lvsenkevich@mail.ru

The paper presents data on general level and expression of components of rehabilitation potential of personality in such chronic conditions as gastrointestinal and cardiovascular diseases, cancer, HIV/AIDS. It is stated that rehabilitation potential is closely connected with some other personality resources that promote a better rehabilitation and readaptation of patients, e.g. existential fulfillment, optimism, activity, vitality. The paper describes features of rehabilitation potential (in particular, its component – the inner picture of disease) and of several personality dispositions observed in various chronic conditions. As it was revealed, personality resources are most evident in young and middle-aged individuals with gastrointestinal diseases and least evident in their peers living with HIV/AIDS. Also, a correlation was found between the decrease of personality potential and chemical addiction in persons with HIV/AIDS. Finally, the paper describes a special technique that was developed by the authors in order to define the general index of rehabilitation potential and those of its components – motivational, emotional, self-evaluative communicative components and the inner picture of disease.

Keywords: personality resources, disease, rehabilitation potential of personality, inner picture of illness, existential fulfillment, activity, optimism, vitality.

For citation:

Kulagina I.Yu., Senkevich L.V. Rehabilitation Potential of Personality in Various Chronic Conditions. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 50–60. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Kulagina Irina Yurievna*, PhD in Psychology, senior research fellow, professor at the Chair of Developmental Psychology, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. *dissovetmgppu@mail.ru*

** *Senkevich Lyudmila Viktorovna*, PhD in Psychology, associate professor, doctoral candidate at the Chair of Developmental Psychology, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; professor at the Chair of Clinical and Special Needs Psychology, Faculty of Social Medicine, Maimonides State Classical Academy, Moscow, Russia. *lvsenkevich@mail.ru*

References

1. Vodop'yanova N.E., Shtein M.V. Shkala optimizma i aktivnosti [Scale of optimism and activity]. *Psikhodiagnostika stressa* [Stress psychodiagnosics]. Sankt-Peterburg: Piter, 2009, pp. 298–304.
2. Gudilina O.N. Spetsifika lichnostnogo reabilitatsionnogo potentsiala podrostkov s narusheniyami statodinamicheskoi funktsii v svyazi so vremenem vozniknoveniya narusheniya i stepen'yu ego tyazhesti [Elektronnyi resurs] [Specifics of personal rehabilitation potential of teenagers with violations of statodynamic function in connection with time of emergence of violation and degree of its weight]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2012, no. 4. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2012/4/3146.phtml> (Accessed 03.03.2015). (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Krasnov A.A., D'yakonov I.F., Zhirkov A.M., Ovchinnikov B.V. Osnovy psikhosomatiki: uchebnoe posobie [Fundamentals of psychosomatic medicine: a tutorial]. Sankt-Peterburg: Publ. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2012. 108 p.
4. Krivtsova S.V., Lengle A., Orgler K. Shkala ekzistentsii (Existenzskala) A. Lengle i K. Orgler [The scale of existence (Existenzskala) A. Langley and C. Orgler]. *Ekzistentsial'nyi analiz: Byulleten'* [Existential analysis: Bulletin]. 2009, no. 1, pp. 141–170.
5. Kurtanova Yu.E. Lichnostnye osobennosti detei s razlichnymi khronicheskimi somaticheskimi zabolevaniyami: Diss. kand. psikhol. nauk [Personality characteristics of children with different chronic somatic diseases. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2004. 170 p.
6. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti [Viability test]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p.
7. Lisetskii K.S. Psikhologicheskie osnovy preduprezhdeniya narkoticheskoi zavisimosti lichnosti [Psychological bases of the prevention of drug addiction of the personality]. Samara: Publ. Univers grupp, 2007. 308 p.
8. Leont'ev A.N. (ed) Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika [Personal potential: the structure and diagnostics]. Moscow: Smysl, 2011. 680 p.
9. Luriya R.A. Vnutrennyaya kartina boleznei i iatrogennye zabolevaniya [Internal picture of disease and iatrogenic disease]. In Zeigarnik B.V. (eds.) *Khrestomatiya po patopsikhologii* [Anthology of psychopathology]. Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta, 1981, pp. 49–59.
10. Nikolaeva V.V. Lichnost' v usloviyakh khronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya [Personality under conditions of chronic physical illness]. In Sokolova E.T. (eds.) *Osobennosti lichnosti pri pogranychnykh rasstroistvakh i somaticheskikh zabolevaniyakh* [Characteristics of personality in borderline disorders and somatic diseases]. Moscow: Publ. SvR-Argus, 1995, pp. 207–245.
11. Porokhina Zh.V. Psikhologicheskii reabilitatsionnyi potentsial invalida (Na primere bol'nykh s ishemicheskoi boleznyu serdtsa): Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological rehabilitation potential of the disabled person (On the example of patients with coronary heart disease). Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2004. 183 p.
12. Selin A.V. Zhiznennyi put' lichnosti v sotsial'noi situatsii khronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya. Avtoreferat diss. kand. psikhol. nauk [Course of life of the personality in a social situation of a chronic somatic disease. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Kursk, 2009. 26 p.
13. Tkhostov A.Sh. Bolezn' kak semioticheskaya sistema [Illness as a semiotic system]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology], 1993, no. 1, pp. 3–16.
14. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Person's Search for Meaning]. Moscow: Progress, 1990. 368 p.
15. Hale, E. D., Treharne, G. J., & Kitas, G. D. The Common-Sense Model of self-regulation of health and illness: how can we use it to understand and respond to our patients' needs? (Editorial). *Rheumatology*, 2007. Vol. 46, pp. 904–906.
16. Moss-Morris R., Weinman J., Petrie K., Horne R., Cameron L., Buick D. The revised illness perception questionnaire (ipq-r). *Psychology and Health*, 2002. Vol. 17, no. 1, pp. 1–16.
17. Vosečková Proactive stress coping. Seminář "Psyhosomatika — diagnostika a terapie": Brno, 2010, no. 6, pp. 5–16.
18. Vosečková A., Pelcák S. Group therapy for patients with diabetes. Mezioborové setkání diabetologů, psyhiatrů a psychologů: Praha, 2010, no. 3, pp. 19–20.
19. Weinman J., Petrie K. Illness perceptions: a new paradigm for Psychosomatics? *Journal of Psychosomatic Research*, 1997. Vol. 42, no. 2, pp. 113–116.
20. Weinman J., Petrie K., Moss-Morris R., Horne R. The illness perception questionnaire: a new method for assessing the cognitive representation of illness. *Psychology and Health*, 1996. Vol. 11, pp. 431–445.

Стратегии сексуального поведения в современной культуре

М.А. Кони́на*

ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
muza-@list.ru

А.Б. Холмогорова**

ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
kholmogorova-2007@yandex.ru

Сексуальное поведение современного человека рассматривается в данной статье как социальная стратегия с большими или меньшими ограничениями, в первую очередь в количестве сексуальных партнеров. Исследование сексуального поведения проводилось с помощью методики SOI-R, которая была переведена на русский язык и валидизирована на российской выборке. В результате опроса 492-х человек была подтверждена факторная валидность SOI-R и выделены три фактора: фактор сексуального поведения, фактор убеждений о приемлемости неограниченного сексуального поведения, фактор фантазирования о сексе. По каждому из этих факторов представлены данные в российской популяционной выборке среди мужчин и женщин, а также в разных возрастных группах. Сделаны выводы о том, что показатели неограниченности сексуального поведения в современной российской культуре являются высокими как на уровне поведения, так и в области установок и фантазий о сексе. Проведен сравнительный анализ с данными, полученными в популяции говорящих на немецком языке, в результате которого установлено, что в российской популяции ограничения, связанные с сексуальным поведением, менее выражены. Неограниченное сексуальное поведение в контексте этого и предыдущих исследований осмысливается авторами как феномен современной культуры, представляющий определенную угрозу психическому благополучию человека и требующий специального изучения в рамках клинической социальной психологии.

Ключевые слова: социально-сексуальные стратегии (ориентации), культура сексуального поведения, нормы сексуальной культуры, неограниченное сексуальное поведение (промискуитет), факторный анализ.

Сексуальное поведение как социальная стратегия

Впервые о сексуальном поведении как о социальной стратегии (sociosexuality) написал в середине прошлого века А. Кинси [15; 16], а к 90-м гг. изучение социально-сексуальной ориентации становится тенденцией в западной науке. Одним из основных критериев различных социально-сексуальных стра-

тегий являются большие или меньшие ограничения в количестве сексуальных партнеров, убеждениях и желаниях относительно приемлемости определенного вида сексуального поведения. Люди с более ограниченными стратегиями (ориентациями) менее охотно вступают в случайные половые связи, им оказывается важнее эмоциональная близость и романтические отношения, нежели новизна и разнообразие в сексе. Выбор неограниченных социально-сек-

Для цитаты:

Кони́на М.А., Холмогорова А.Б. Стратегии сексуального поведения в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 61–70.

* *Кони́на Муза Александровна*, студентка, кафедра клинической психологии и психотерапии, факультет консультативной и клинической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия. *muza-@list.ru*

** *Холмогорова Алла Борисовна*, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологического консультирования, ГБОУ ВПО МГППУ, заведующая лабораторией клинической психологии и психотерапии, Московский НИИ психиатрии — филиал ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России, Москва, Россия. *kholmogorova-2007@yandex.ru*

суальных стратегий связан с готовностью к случайным сексуальным контактам, к сексуальным отношениям без близости. Разработана так называемая шкала социально-сексуальной ориентации (Sociosexual Orientation Inventory) [23], на основе которой проводятся масштабные кросс-культурные исследования [25; 19; 20]. Проект Д. Смита (International Sexuality Description Project) охватил 56 стран, 17837 респондентов, говорящих на 30 разных языках. Исследование сексуально-социальных стратегий в российской популяции было впервые проведено авторами данной статьи [2]¹.

Одной из сексуально-социальных ориентаций, вызывающих особый интерес исследователей, становится стратегия так называемого неограниченного сексуального поведения (unrestricted sexual behavior), предполагающая частую смену сексуальных партнеров. С выбором неограниченных социально-сексуальных стратегий связывают разрушение института семьи и брака [11], паталогизацию психики и асоциальное поведение [5; 7; 4], резкое снижение здоровья в масштабах популяций [26]. Наиболее высокие показатели по шкале сексуальной неограниченности получили Марокко, Финляндия, Боливия и др., самые низкие — Тайвань, Гонг-Конг, Бангладеш, Северная Корея [25] (разброс данных 19,37%). В российской психологии, тесно связанной с традициями культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, всегда большое значение уделялось исследованию культуральных факторов [6; 9; 8]. Так, в многофакторной психо-социальной модели расстройств аффективного спектра, предложенной А.Б. Холмогоровой и Н.Г. Гаранян, макросоциальные факторы выделены в отдельный уровень. В современной психологии в специальную область исследований выделилась социальная клиническая психология, предметом исследования которой является выяснение влияния различных социальных тенденций и процессов на психическое здоровье населения. В фокусе внимания исследователей при этом оказываются тенденции социальных коммуникаций (влияние интернета, рекламы) и стратегий социального поведения [1; 10].

Стратегия неограниченного сексуального поведения как тенденция современной культуры также становится предметом многочисленных исследований. Установлено, что мужчины в разных культурах придерживаются более неограниченных стратегий, нежели женщины [25]. При этом, если среди женщин наиболее неограниченными в социально-сексуальной ориентации являются бисексуально ориентированные, затем лесбиянки и лишь затем женщины с традиционной ориентацией [24], среди мужчин наиболее неограниченны гомосексуалисты, затем следуют бисексуальные мужчины и, наконец, наиболее ограничены, как и в женской выборке, гетеросексуалы [24]. Идет поиск факторов выбора этой социаль-

ной стратегии: найдены корреляции между неограниченным сексуальным поведением и такими личностными чертами, как экстраверсия и уступчивость [28]; импульсивность [22; 3] и склонность к риску [22]. Также установлена связь с избегающим стилем привязанности [12], высоким самоконтролем [21] и антисоциальными и нарциссическими чертами [13; 14]. Выявлена связь неограниченного сексуального поведения и сексуального принуждения [27]; доказано, что у мужчин эта социальная стратегия коррелирует с более высоким уровнем сексуальной агрессии, наличием состязательных установок в сексе и более консервативным отношением к женщине, а у женщин — с фантазиями на тему сексуального доминирования и более низким уровнем сексуальной консервативности [29]. Одним из факторов выбора подростками неограниченной сексуальности в качестве социальной стратегии является полигамный тип родительской семьи [17], другими возможными факторами выбора этой стратегии являются патология личности [2] и влияние культуры, представляющей такое поведение как приемлемое и предпочтительное [3].

Данная статья представляет результаты исследования стратегий сексуального поведения в современной культуре России. Показатели социально-сексуальных ориентаций — поведения, убеждений и сексуальных фантазий — были получены в российской популяционной выборке впервые. Проведен сравнительный анализ полученных данных в различных гендерных и возрастных группах, а также проведено кросс-культурное сравнение с результатами исследования популяционной выборки в Германии.

Методика исследования

Для анализа стратегий сексуального поведения был выбран опросник **оценки социально-сексуальных ориентаций SOI-R** (The revised Sociosexual Orientation Inventory), разработанный Л. Пенке и Дж. Асендорфом [18] на основе опросника SOI [23]. На сегодняшний день SOI-R является самым широко применимым инструментом для оценки социально-сексуальных стратегий [25; 19; 20]. Методика состоит из девяти пунктов — девяти вопросов о сексуальном поведении человека в его сексуальных предпочтениях и убеждениях, связанных с сексуальным поведением. Девять шкал опросника SOI-R составляют три фактора: SOI-Behavior/SB (характеризует сексуальное поведение), SOI-Attitude/SA (характеризует убеждения, связанные с сексуальным поведением), SOI-Desire/SD (характеризует сексуальные желания, фантазии).

Для оценки отношений с постоянным партнером в шкалу «социально-сексуальных ориентаций» были введены три дополнительных пункта. Эти вопросы

¹ В журнале «Консультативная и клиническая психология» были представлены результаты корреляционного анализа неограниченного сексуального поведения и личностной патологии. Полные данные относительно стратегий сексуального поведения в российской популяционной выборке публикуются впервые.

показали статистически значимую внутреннюю связь и образовали отдельную субшкалу, характеризующую устойчивость сексуальной связи.

Разработчики методики предлагают два вида оценки социально-сексуальных стратегий: пятиинтервальные и девятиинтервальные оценки. Для нашей работы были выбраны девятиинтервальные, поскольку они предлагают большее количество вариантов на полюсе сексуальной неограниченности.

Факторизация методики SOI-R была проведена в российской популяционной выборке (492 человека) [2]. Для проверки факторной валидности опросника SOI-R на русскоязычной выборке был проведен факторный анализ с использованием метода главных компонент и вращения факторов методом «Варимакс». В результате была получена трехфакторная структура, что полностью соответствует версии английских разработчиков, тем самым факторная валидность подтверждается. В состав опросника «Социально-сексуальная ориентация» (SOI-R) вошли следующие факторы, интерпретированные как субшкалы: «Сексуальное поведение»/SB (вопросы 1–3), направленная на оценку стратегий сексуального поведения (измеряет количество сексуальных партнеров и «одноразовых» сексуальных контактов); «Сексуальные убеждения»/SA (вопросы 4–6), направленная на оценку приемлемости (на уровне убеждений) сексуальных связей без близких отношений; «Страстность (Фантазирование)»/SD (вопросы 7–9), направленная на оценку выраженности фантазий о сексе с разными партнерами вне постоянных отношений. Четвертая субшкала была получена нами из трех введенных в

опросник дополнительных пунктов. Субшкала была интерпретирована нами как отражающая сексуальное поведение человека на полюсе постоянства и названа «Сексуальное постоянство»/SC (вопросы 10–12). Распределение пунктов опросника «Социально-сексуальная ориентация» по факторам с нагрузками представлено в табл. 1.

Испытуемые и процедура исследования

В исследовании участвовало 492 испытуемых (пользователи российских интернет ресурсов). Выбор интернет ресурсов для проведения исследования позволил увеличить выборку и широту охвата респондентов. Полагаем, что проведение такого исследования в интернете было оправдано по нескольким причинам: 1) тематика опроса предполагала, что анонимное обследование окажется безопаснее для респондентов: отвечать правдиво на вопросы, связанные с сексуальной жизнью, через интернет проще; 2) методика исследования состояла из относительно небольшого количества вопросов (12) и по своему объему подходила для применения в интернете. При этом интернет-опрос накладывает некоторые ограничения, связанные: 1) с репрезентативностью выборки (смещение в сторону более образованных, обеспеченных, жителей больших городов, пользователей интернета); 2) возможной неправильной интерпретацией вопросов; 3) дезинформацией и намеренным искажением данных (последнее ограничение мы пытались преодолеть, отсеив ответы, в которых пользователи предоставляли неполные (ответи-

Таблица 1

**Факторные нагрузки пунктов опросника Л. Пенке SOI-R
(с включением дополнительной субшкалы «Сексуальное постоянство»)**

№ пункта в опроснике	Наименование пункта	Факторные нагрузки
SB: Сексуальное поведение		
1	Сколько сексуальных партнеров у Вас было за последний год?	0,568
2	Сколько у Вас было сексуальных партнеров «только на один раз»?	0,840
3	Были ли у Вас сексуальные партнеры, с которыми вы не думали заводить серьезные отношения? Сколько таких партнеров было?	0,841
SA: Сексуальные убеждения		
4	Секс без любви — это нормально	0,822
5	Я считаю, что «просто секс» с разными партнерами — это удобно и приятно	0,788
6*	Я не лягу в постель с человеком, пока не буду уверен(а), что у нас серьезные отношения	0,704
SD: Страстность (Фантазирование)		
7	Часто ли Вы фантазируете о сексе с человеком, который не является Вашим постоянным партнером?	0,801
8	Часто ли Вы возбуждаетесь, просто общаясь с человеком, который не является Вашим постоянным партнером?	0,822
9	Часто ли Вы фантазируете о сексе при первой встрече?	0,733
SC: Сексуальное постоянство		
10	Есть ли у Вас постоянный партнер? Если есть, сколько времени он с Вами?	0,885
11	Был ли у Вас когда-нибудь постоянный партнер? Если да, то какова продолжительность ваших самых долгих отношений?	0,828
12*	Как часто Вы ревнуете партнера, с которым находитесь в отношениях?	0,367

Примечание. Пункты, которые входят в опросник с инверсными оценками, помечены «*»

ли на предложенные вопросы выборочно) или ложные (заведомо невозможные) сведения).

Для проведения исследования был разработан и введен в работу сайт: sexpsycho.ru², где пользователям российских социальных сетей (facebook.com и vk.com) было предложено ответить на вопросы, касающиеся сексуального поведения, убеждений, фантазий. Всего в опросе приняли участие около 700 человек. Ответы 492-х участников были отобраны и обработаны.

Из 492 респондентов в обследовании приняли участие 235 (47,7%) мужчин и 257 (52,2%) женщин в возрасте от 18 до 55 лет, средний возраст испытуемых — 29 лет. Семейное положение участников: 279 (57%) человек холосты/не замужем, 76 (15,5%) человек состоят в гражданском, 71 (14,5%) — в официальном браке, 64 (13%) респондента не ответили на вопрос о своем семейном статусе. 335 (68%) человек не имеют детей, у 157 (32%) есть дети. Среднее образование имеют 37 (7%) участников, 142 (29%) человека имеют неполное высшее образование, 313 (64%) имеют высшее образование. Таким образом, в обследованной выборке мужчин и женщин приблизительно равное количество. Среди участников опроса преобладают образованные люди, имеющие высшее или неполное высшее образование.

Профессиональная сфера и род занятий респондентов представлены в основном творческими и гуманитарными профессиями, а также сферой бизнеса и услуг, что, на наш взгляд, отражает общепопуляционную тенденцию.

Результаты исследования

Средние баллы по субшкалам опросника SOI-R/New (включающим введенную нами субшкалу

«Сексуальное постоянство») для мужчин и женщин представлены в табл. 2. Общий средний балл, а также средние баллы по субшкалам «Сексуальное поведение», «Сексуальные убеждения» и «Страстность (Фантазирование)» для мужчин выше, чем для женщин (критерий Манна–Уитни на уровне значимости $p < 0,001$). Иными словами, *мужчины более активны и менее ограничены в сексуальном поведении, а также и менее ограничены в своих сексуальных установках, желаниях и фантазиях. При этом мужчины и женщины демонстрируют одинаковую вовлеченность в отношения с постоянным сексуальным партнером* — т.е. строят близкие сексуальные отношения одинаковой продолжительности (по субшкале «Сексуальное постоянство» нет статистически значимой разницы между средними баллами для мужчин и женщин).

Сексуальная активность (SOI-R) в разных возрастных интервалах представлена в табл. 3. Сравнивая выборочные средние для каждого интервала, видим, что сексуальная активность повышается с возрастом. С помощью критериев Краскела–Уоллиса (о наличии тенденции изменения сексуальной активности в зависимости от возраста) и Джонкхиера–Терпстра (о возрастании сексуальной активности с возрастом) установили (уровень значимости $p < 0,1$), что наблюдается повышение сексуальной активности у обследованных респондентов — от возрастной группы 1 (18–25 лет), к группам 2 (26–35 лет), 3 (36–40 лет), и 4 (41–55 лет).

В табл. 4 представлены численность и доли испытуемых в общей выборке респондентов, имеющих определенные характеристики неограниченной сексуальности. Полагаем, что показатели сексуальной неограниченности российских пользователей интернета являются очень высокими. Наиболее высокая доля испытуемых, имеющих установки в области

Таблица 2

Показатели сексуального поведения, убеждений, предпочтений, устойчивости, общей сексуальной активности у мужчин и женщин (обновленная версия опросника Л. Пенке SOI-R/New)

Показатели социально-сексуальных стратегий	Мужчины (N = 235)		Женщины (N = 257)	
	M	SD	M	SD
SB: Сексуальное поведение	4,50*	2,15	3,55*	1,89
SA: Сексуальные убеждения	6,48*	2,311	4,59*	2,13
SD: Страстность (Фантазирование)	4,13*	2,03	3,11*	1,67
SC: Сексуальное постоянство	5,33	1,54	5,17	1,43
SOI-R: Индекс социально-сексуальных стратегий	4,49*	1,33	3,59*	1,09
SOI-R/New: Индекс социально-сексуальных стратегий	4,70*	1,11	3,99*	0,88

Условные обозначения: M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; «*» — есть тенденция к различиям между испытуемыми ($p < 0,001$).

Таблица 3

Средние баллы по SOI-R/New для разных возрастов, N = 492

Выборка по возрасту, N	SOI-R/New
18–25 лет, N = 153	3,73*
26–35 лет, N = 245	4,51*
36–40 лет, N = 49	4,74*
41–55 лет, N = 45	4,85*

Условные обозначения: «*» — есть тенденция к различиям между испытуемыми ($p < 0,1$).

² <http://sexpsycho.ru>

приемлемости неограниченного сексуального поведения. Более половины от общего числа обследованных людей полагают, что секс без любви — это нормально, а сексуальные связи без серьезных отношений приемлемы.

Одним из дополнительных факторов, включенных в исследование, был фактор наличия постоянных отношений. 315 человек из 492 (64 % от общего числа опрошенных заявили о том, что имеют постоянного сексуального партнера от полугода и дольше). Среди таких людей за текущий год 63,5% вступали сексуальные контакты с другим партнером; а 51,6 % — с двумя и более сексуальными партнерами.

В исследовании была поставлена задача сравнить показатели, полученные по субшкалам опросника социально-сексуальных стратегий на популяционной выборке русскоговорящих, с показателями, полученными Л. Пенке и соавторами на выборке, говорящих на немецком языке (данные по этой выборке опубликованы на psytests.de)³.

Из табл. 5 видно, что представители русскоговорящей выборки склонны к большей неограниченности поведения, нежели представители выборки говорящих на немецком языке. Балл, характеризующий неограниченность сексуального поведения и частоту смены партнеров в русскоговорящей выборке значительно выше по сравнению с немецкой выборкой, особенно у мужчин. При этом в своих убеждениях о приемлемости такого поведения и фантазировании представители немецкой популяции более неограниченны, нежели российские мужчины и женщины.

Сравнение средних баллов по разным показателям социально-сексуальных стратегий в двух выборках показывает, что в нашей стране разница между мужским и женским сексуальным поведением более выражена, нежели в немецкой популяции: мужчины и женщины в немецкой популяции придерживаются приблизительно равных норм в сексуальном поведении; мужчины в нашей стране заметно более неограниченны в своем сексуальном поведении, нежели женщины.

Таблица 4

Показатели сексуального поведения, убеждений, фантазий по шкалам опросника SOI-R

Сексуальное поведение, убеждения, фантазии в шкалах опросника SOI-R	Количество человек, ответивших утвердительно	В процентах от общей выборки (N = 492)
Число сексуальных партнеров от 5 в год (промискуитет)	82 человека	16,7 %
Число партнеров на один раз, свыше 10	86 человек	17,5 %
Число партнеров на один раз, свыше 20	57 человек	11,5 %
Число сексуальных партнеров, с которыми не планировались серьезные отношения, свыше 10	100 человек	20 %
«Секс без любви — это нормально» (скорее согласны и более высокая степень согласия)	246 человек	50 %
«Просто секс» с разными партнерами — это удобно и приятно» (скорее согласны и более высокая степень согласия)	174 человека	35 %
«Лягу в постель с человеком, не будучи уверен в серьезности отношений с ним» (скорее согласны и более высокая степень согласия)	327 человека	66,5 %
Фантазируют о сексе с человеком, который не является постоянным партнером (раз в неделю и чаще)	171 человек	35 %
Возбуждаются, общаясь с человеком, который не является постоянным партнером (раз в неделю и чаще)	78 человек	16 %
Фантазируют о сексе на первой встрече (раз в неделю и чаще)	102 человека	21 %

Таблица 5

Показатели сексуального поведения, убеждений, предпочтений, связанных с сексом в среднем по шкале на выборке говорящих на русском и немецком языках

Показатели социально-сексуальных стратегий	Пол	Россия		Германия	
		Объем выборки	Средний балл	Объем выборки	Средний балл
SB: Сексуальное поведение	Мужчины	234	4,50	1026	2,76
	Женщины	257	3,55	1682	2,65
SA: Сексуальные убеждения	Мужчины	234	6,48	1026	6,42
	Женщины	257	4,60	1682	5,41
SD: Страстность (Фантазирование)	Мужчины	234	4,13	1026	4,93
	Женщины	257	3,11	1682	4,01
SOI-R: Индекс социально-сексуальных стратегий	Мужчины	234	4,49	1026	4,93
	Женщины	257	3,59	1682	4,01

³ К сожалению, нет возможности привести сравнения показателей на уровне статистической значимости, в связи с ограниченным доступом к базе данных немецкой выборки (можем оперировать только показателями, приведенными на указанном сайте). Тем не менее относительно большой объем выборок позволяет с большой вероятностью предположить, что тенденции, полученные при сравнении средних баллов в обеих выборках, были бы подтверждены статистически.

Обсуждение результатов

Результаты нашего исследования показали, что неограниченные социально-сексуальные стратегии среди пользователей российских интернет ресурсов распространены: 16,7% от общего числа опрошенных склонны к промискуинному сексуальному поведению, т.е. вступают в сексуальные отношения с пятью и более разными партнерами в течение года. 63,5% из числа тех, кто имеет постоянные сексуальные отношения, имеют сексуальные контакты с другим партнером, эти данные позволяют предположить, что выбор неограниченных стратегий не связан с отсутствием постоянных близких отношений.

Анализируя данные табл. 4, можно предположить следующий механизм формирования сексуальной неограниченности как паттерна поведения: сначала (наибольшие процентные показатели) человек принимает установки о нормальности сексуального поведения, присваивает их через нормы современной культуры, затем происходит фантазирование на тему секса (средние процентные показатели от числа общей выборки), после чего промискуитет может быть принят как поведенческий паттерн.

Поскольку с возрастом в среднем по выборке количество сексуальных партнеров поступательно растет (табл. 3), и в интервале от 41 до 55 лет достигает максимального количества (при этом в возрастном отрезке от 18 до 25 лет количество сексуальных партнеров является минимальным), наше исследование опровергает возможную гипотезу о том, что неограниченное сексуальное поведение может быть связано с этапом становления сексуальности. Выбор такой стратегии достаточно устойчив, и с возрастом продолжает закрепляться. Достоверность данной закономерности несомненно интересно проверить в более широкой выборке, полученной способами, не связанными с интернетом. Ведь обследованная выборка включает людей, характеристики которых отражают популяционные тенденции лишь условно. Так, можно предположить, что среди активных пользователей интернета, в частности среди интересующихся опросами на сексуальную тематику, велик процент неудовлетворенных отношениями с постоянным партнером, даже при его наличии. Следует также учесть тот факт, что на сегодняшний день в возрастном диапазоне от 41 до 55 лет, несомненно, меньше активных пользователей интернета, чем в возрастном диапазоне от 18 до 25 лет, т.е. у поколения, для которого интернет стал неотъемлемой частью жизни. В связи с этим выборка лиц от 41 до 55 лет может быть менее репрезентативной, чем молодежная. Однако даже с учетом указанных ограничений для суждения о репрезентативности выборки, полученная статистически значимая закономерность представляется заслуживающей внимания.

Большие различия между мужской и женской неограниченностью в стратегиях сексуального поведения в российской и немецкой выборках предположительно могут быть связаны с тем, что снятие сек-

суальных ограничений в нашей стране произошло исторически позже, чем в западных странах, и отношение к неограниченным в своем сексуальном поведении женщинам остается все еще двойственным. А большая распространенность убеждений о приемлемости неограниченного сексуального поведения и фантазий о таком поведении наряду с более ограниченными поведенческими паттернами в немецкой выборке позволяет предположить, что отыгрывание сексуальных импульсов среди говорящих на немецком языке происходит в мыслях и фантазиях, при этом они более склонны придерживаться норм и ограничений в своем сексуальном поведении. Предполагаем, что одной из возможных причин большей неограниченности сексуального поведения российских граждан в сравнении с людьми, опрошенными в ФРГ, которые чаще ограничивают себя фантазиями на тему секса и не доходят до реализации этих фантазий, может быть особенность регуляции общественной жизни в нашей стране в историческом контексте. Нормирование многих сфер жизни общества, в том числе сексуальной, долгое время происходило «сверху». С одной стороны, «сексуальная революция» в нашей стране шла более стремительно, с другой стороны, в сравнении с западным обществом, жесткие ограничения сексуальной жизни (знаменитый анекдот советских времен, о том, что в нашей стране нет секса) сменило практически полное снятие границ. Можно предположить, что в результате навыки психологической регуляции сексуального поведения в нашей стране на сегодняшний день оказались менее сформированы, чем в западном обществе. Это только одно из возможных культуральных различий в регуляции сексуального поведения, которые представляют собой предмет специального анализа, что не входит в задачи данной статьи.

Выводы

Данное исследование является первым в истории отечественной психологии, рассматривающим сексуальное поведение как социально-сексуальную стратегию. Опросник SOI-R был переведен на русский язык, апробирован и подтвердил свою факторную валидность на русскоязычной выборке 492-х человек, пользователей интернета.

Результаты исследования показали, что сексуальное поведение российских людей характеризуется рядом тенденций, сходных с общемировыми, в частности, большой распространенностью неограниченных социально-сексуальных стратегий в обществе (16,7 % от общего числа опрошенных склонны к промискуинному сексуальному поведению, т.е. вступают в сексуальные отношения с пятью и более разными партнерами в течение года); большей неограниченностью сексуального поведения мужчин в популяции в сравнении с аналогичным показателем в поведении женщин.

При этом некоторые тенденции в российской культуре являются специфическими. Так, разрыв между показателями мужских и женских стратегий сексуального поведения в российской выборке больше, нежели разрыв между аналогичными показателями в немецкой выборке. Было сделано предположение, что эти показатели в российской выборке имеют большую дельту в связи с разницей отношения к женщине в двух культурах на современном историческом этапе.

Сравнение показателей социально-сексуальных стратегий в российской и немецкой выборках свидетельствует о том, что представители российской популяции менее нормированы и ограничены в реальном сексуальном поведении: среднее количество сексуальных партнеров в российской выборке выше аналогичного показателя в немецкой выборке. Возможное объяснение такой разницы в регуляции сексуального поведения может быть связано с относительно резким снятием ограничений сексуальных норм в постсоветской культуре, которому предшествовал долгий период запретов на открытое сексуальное выражение в культуре советского общества.

Была установлена интересная закономерность, опровергающая ранее имевшиеся представления о формировании сексуального поведения. На выборке российских пользователей интернета было показано, что с возрастом выбор неограниченных социально-сексуальных стратегий закрепляется, количество сексуаль-

ных партнеров растет: максимальное количество сексуальных связей зафиксировано в возрасте от 41 до 55 лет. Отчасти полученную закономерность можно было бы объяснить особенностями обследованной выборки, но все-таки полагаем, что полученная закономерность, показавшая не просто колебание, а устойчивое поступательное движение в сторону закрепления сексуальной неограниченности с возрастом, отражает тенденцию определенного среза российского общества, активных пользователей интернета.

Продолжительность постоянных отношений с сексуальным партнером для российских мужчин и женщин характеризуется приблизительно равными показателями. Однако среди тех, кто имеет постоянного сексуального партнера от полугода и дольше, 63,5% вступали в сексуальные контакты с другим партнером, а с двумя и большим количеством других партнеров — 51,6%. Таким образом, постоянные отношения не являются сдерживающим неограниченное сексуальное поведение фактором.

Данное исследование представляет взгляд на сексуальное поведение человека как на часть современной культуры, показывает ряд тенденций современных социально-сексуальных стратегий в российской выборке, сходных с общемировыми, ряд специфических для нашего общества особенностей сексуальной культуры, а также ставит проблему поиска возможных путей регуляции сексуального поведения и необходимости их формирования.

Литература

1. *Гаранян Н.Г., Щукин Д.А.* Частые социальные сравнения как фактор эмоциональной дезадаптации студентов // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 4. С. 182–206.

2. *Коница М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г.* Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2. С. 88–118.

3. *Коница М.А., Холмогорова А.Б.* Феномен неограниченного сексуального поведения в историческом контексте разных типов сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 3. С. 119–140.

4. *Максимов А.М., Холмогорова А.Б.* Социальные и психологические аспекты феномена мужской проституции в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 80–89.

5. *Перин Р.Л.* Сексуальные отношения в деградирующем обществе. СПб.: «АПИ»; «Потаенное», 2009. 136 с.

6. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 16–24.

7. *Уэльбек М.* Элементарные частицы. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 384 с.

8. *Холмогорова А.Б.* Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. М.: ИД «МЕДПРАКТИКА-М», 2011. 480 с.

9. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Многофакторная модель депрессивных, тревожных и соматоформных расстройств как основа их интегративной психотерапии // Социальная и клиническая психиатрия, 1998. № 1. С. 94–102.

10. *Шальгина О.В., Холмогорова А.Б.* Роль модных кукол в усвоении нереалистичных социальных стандартов телесной привлекательности у девочек-дошкольниц // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 4. С. 130–154.

11. *Эйзлер А.* Анатомия страсти. М.: Эксмо, 2011. 224 с.

12. *Brennan K.A., Shaver P.R.* Dimensions of adult attachment, affect regulation, and romantic relationship functioning // Personality and Social Psychology Bulletin. 1995. № 21. P. 267–283.

13. *Foster J.D., Shrira L., Campbell W.K.* Theoretical models of narcissism, sexuality, and relationship commitment // Journal of Social and Personal Relationships. 2006. № 23. P. 367–386.

14. *Jonason P.K., Li N.P., Webster G.W., Schmitt D.P.* The Dark Triad: Facilitating short-term mating in men // European Journal of Personality. 2009. № 23. P. 5–18.

15. *Kinsey A., Pomeroy W., Martin C.* Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. 804 p.

16. *Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard E.* Sexual behavior in the human female. Philadelphia: Saunders, 1953. 842 p.

17. *Owuamanam D.O., Bankole M.O.* Family type and attitude sexual promiscuity of adolescent students in Ekiti State, Nigeria // European Scientific Journal. 2013, June. Vol. 9. P. 171–177.

18. Penke L., Asendorpf J.B. Beyond global sociosexual orientations: A more differentiated look at sociosexuality and its effects on courtship and romantic relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. P. 1113–1135.
19. Penke L. SOI-R-Revidiertes soziosexuelles Orientierungsinventar // *Psychologische und sozial wissenschaftliche Kurskalen* / C.J. Kemper, E. Braehler, M. Zenger (Eds.). Berlin: Medizinisch-Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2013. P. 283–291.
20. Penke L. Revised Sociosexual Orientation Inventory // *Handbook of sexuality-related measures* / T.D. Fisher, C.M. Davis, W.L. Yaeber, S.L. Davis (Eds.). N.Y.: Routledge, 2011. P. 622–625.
21. Sakaguchi K., Sakai Y., Ueda K., Hasegawa T. Robust association between sociosexuality and self-monitoring in heterosexual and non-heterosexual Japanese // *Personality and Individual Differences*. 2007. № 43. P. 815–825.
22. Seal D.W., Agostinelli G. Individual differences associated with high-risk sexual behavior: implications for intervention programmes // *Aids care*. 1994. Vol. 6. № 4. P. 393–397.
23. Simpson J.A., Gangestad S.W. Individual differences in sociosexuality: Evidence for convergent and discriminant validity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 60. P. 870–883.
24. Schmitt D.P. Sexual strategies across sexual orientations: How personality traits and culture relate to sociosexuality among gays, lesbians, bisexuals, and heterosexuals // *Journal of Psychology and Human Sexuality*. 2007. № 18. P. 183–214.
25. Schmitt D.P. Sociosexuality from Argentina to Zimbabwe: A 48-nation study of sex, culture, and strategies of human mating // *Behavioral and Brain Sciences*. 2005. № 28. P. 247–275.
26. *The Lancet*, 2013. November. Vol. 382. № 9907. P. 1795-1844.
27. Westerlund M., Santtila P., Johansson A., Varjonen M., Witting K., Jern P., Alanlo K., Sandnabba K. Does unrestricted sociosexual behavior have a shared genetic basis with sexual coercion? // *Psychology, Crime & Law*. 2010, January-February. Vol. 16. P. 5–23.
28. Wright T.M., Reise S.P. Personality and Unrestricted Sexual Behavior: Correlations of Sociosexuality in Caucasian and Asian College Students // *Journal of Research in Personality*. 1997, June. Vol. 31. № 2. P. 166–192.
29. Yost M.R., Zurbriggen E.L. Gender Differences in the Enactment of Sociosexuality: An Examination of Implicit Social Motives, Sexual Fantasies, Coercive Sexual Attitudes, and Aggressive Sexual Behavior // *Journal of Sex Research*. 2006, May. Vol. 43. № 2. P. 163–173.

Sexual Behavior Strategies in Modern Culture

M.A. Konina*

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
muza-@list.ru

A.B. Kholmogorova**

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
kholmogorova-2007@yandex.ru

In this article sexual behavior of a modern person is considered as a social strategy with more or less restrictions, primarily in the number of sexual partners. The study of sexual behavior has been carried out based on the SOI-R methodology, which has been translated into Russian and validated on the Russian sample (492 people). The result of the survey has confirmed the factorial validity of the SOI-R, and three factors were highlighted: the factor of sexual behavior, beliefs about the acceptability of unlimited sexual behavior and fantasizing about sex. For each of these factors there are data in the Russian population sample of men and women, as well as in different age groups. The conclusions are that the indicators of unrestricted sexual behavior in modern Russian culture are high both in behavior, and in the area of beliefs and fantasies about sex. The results of comparative analysis with the data for German-speaking population showed that for the Russian -speaking population there are less limitations related to sexual behavior. Unlimited sexual behavior in the context of this and previous studies is considered by the authors as a phenomenon of modern culture, which is a threat to mental well-being of a person and requires a special clinical social psychology study.

Keywords: social and sexual strategies (orientation), the culture of sexual behavior, norms of sexual culture, unrestricted sexual behavior (promiscuity), factor analysis.

References

1. Garanyan N.G., Shehukin D.A. Chastye sotsial'nye sravneniya kak faktor emotsional'noi dezadaptatsii studentov [Frequent social comparison and emotional maladjustment among students]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2014, no. 4, pp. 182–206. (In Russ., abstr. in Engl.).

2. Konina M.A., Kholmogorova A.B., Sorokova M.G. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v sovremennom obshchestve: patologicheskie tendentsii kul'tury ili patologiya lichnosti [The phenomenon of unrestricted sexual behavior in modern society: pathological culture tendency or personality pathology?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2014, no. 2, pp. 88–118. (In Russ., abstr. in Engl.).

3. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v istoricheskom kontekste raznykh tipov seksual'noi kul'tury [The phenomenon of unrestricted sexual behavior in the historical context of different types of sexual culture]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i*

psikhoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy], 2014, no. 3, pp. 119–140. (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Maksimov A.M., Kholmogorova A.B. Sotsial'nye i psikhologicheskie aspekty fenomena muzhskoi prostitutsii v sovremennoi kul'ture [Social and psychological aspects of a phenomenon of man's prostitution in modern culture]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and historical psychology], 2011, no. 1, pp. 80–89. (In Russ., abstr. in Engl.).

5. Perin R.L. Seksual'nye otnoshenie v degradiruyushchem obshchestve [Sexual the relation in the degrading society], ed. SPb.: API; Potaennoe, 2009. 136 p.

6. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Vliyanie sovremennykh tekhnologii na razvitie lichnosti i formirovanie patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona sotsializatsii [Modern technologies influence on development of the personality and formation of pathological forms of adaptation: reverse side of socialization]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological magazine], 2005, no. 6, pp. 16–24.

7. Uel'bek M. Elementarnye chastitsy [Elementary particles]. Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2011. 384 p.

For citation:

Konina M.A., Kholmogorova A.B. Sexual Behavior Strategies in Modern Culture. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 61–70. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Konina Muza, student, Department of Clinical Psychology and Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. muza-@list.ru

** Kholmogorova Alla, Ph.D., Professor of Psychology. Head of Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education. Head of Department of Clinical Psychology and Psychotherapy, Moscow Research Institute of Psychiatry. Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Narcology, Russian Federation Ministry of Public Health, Moscow, Russia. kholmogorova-2007@yandex.ru

8. Kholmogorova A.B. Integrativnaya psikhoterapiya rasstroivstv affektivnogo spektra [Integrative psychotherapy of frustration of an affective range]. Moscow: ID "MEDPRAK-TIKA-M", 2011. 480 p.
9. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Mnogofaktornaya model' depressivnykh, trevozhnykh i somatoformnykh rasstroivstv kak osnova ikh integrativnoi psikhoterapii [Multiple-factor model of depressive, disturbing and somatoformnykh of frustration as fundamentals of their integrative psychotherapy]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiiatriya [Social and clinical psychiatry]*, 1998, no. 1, pp. 94–102.
10. Shalygina O.V., Kholmogorova A.B. Rol' modnykh kukol v usvoenii nerealistichnykh sotsial'nykh standartov telesnoi privlekatel'nosti u devochek-doshkol'nits [The role of fashion dolls in the adoption of unrealistic social standards of bodily attractiveness by preschool girls]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]*, 2014, no. 4, pp. 130–154. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Eizler A. Anatomiya strasti [Passion anatomy]. Moscow: Eksmo, 2011. 224 p.
12. Brennan K.A., Shaver P.R. Dimensions of adult attachment, affect regulation, and romantic relationship functioning. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1995, no. 21, pp. 267–283.
13. Foster J.D., Shrira L., Campbell W.K. Theoretical models of narcissism, sexuality, and relationship commitment. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2006, no. 23, pp. 367–386.
14. Jonason P.K., Li N.P., Webster G.W., Schmitt D.P. The Dark Triad: Facilitating short-term mating in men. *European Journal of Personality*, 2009, no. 23, pp. 5–18.
15. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. 804 p.
16. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard E. Sexual behavior in the human female. Philadelphia: Saunders, 1953. 842 p.
17. Owuamanam D.O., Bankole M.O. Family type and attitude sexual promiscuity of adolescent students in Ekiti State, Nigeria. *European Scientific Journal*, 2013. June. Vol. 9, pp. 171–177.
18. Penke L., Asendorpf J.B. Beyond global sociosexual orientations: A more differentiated look at sociosexuality and its effects on courtship and romantic relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95, pp. 1113–1135.
19. Penke L., SOI-R-Revidiertes soziosexuelles Orientierungsinventar, ppsychologische und sozial wissenschaftliche Kurskalen. Kemper C.J. (eds.). Berlin: Medizinisch-Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2013, pp. 283–291.
20. Penke L., Revised Sociosexual Orientation Inventory. Handbook of sexuality-related measures. Fisher T.D. (eds.). N.Y.: Routledge, 2011, pp. 622–625.
21. Sakaguchi K., Sakai Y., Ueda K., Hasegawa T. Robust association between sociosexuality and self-monitoring in heterosexual and non-heterosexual Japanese. *Personality and Individual Differences*, 2007, no. 43, pp. 815–825.
22. Seal D.W., Agostinelli G. Individual differences associated with high-risk sexual behavior: implications for intervention programmes. *Aids care*, 1994. Vol. 6, no. 4, pp. 393–397.
23. Simpson J. A., Gangestad S.W. Individual differences in sociosexuality: Evidence for convergent and discriminant validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991, no. 60, pp. 870–883.
24. Schmitt D.P. Sexual strategies across sexual orientations: How personality traits and culture relate to sociosexuality among gays, lesbians, bisexuals, and heterosexuals. *Journal of Psychology and Human Sexuality*, 2007, no. 18, pp. 183–214.
25. Schmitt D.P. Sociosexuality from Argentina to Zimbabwe: A 48-nation study of sex, culture, and strategies of human mating. *Behavioral and Brain Sciences*, 2005, no. 28, pp. 247–275.
26. The Lancet, 2013. November. Vol. 382, no. 9907, pp. 1795–1844.
27. Westerlund M., Santtila P., Johansson A., Varjonen M., Witting K., Jern P., Alanlo K., Sandnabba K. Does unrestricted sociosexual behavior have a shared genetic basis with sexual coercion? *Psychology, Crime & Law*, 2010, January-February. Vol. 16, pp. 5–23.
28. Wright T.M., Reise S.P. ppersonality and Unrestricted Sexual Behavior: Correlations of Sociosexuality in Caucasian and Asian College Students. *Journal of Research in Personality*, 1997, June. Vol. 31, no. 2, pp. 166–192.
29. Yost M.R., Zurbriggen E.L. Gender Differences in the Enactment of Sociosexuality: An Examination of Implicit Social Motives, Sexual Fantasies, Coercive Sexual Attitudes, and Aggressive Sexual Behavior. *Journal of Sex Research*, 2006. May. Vol. 43, no. 2, pp. 163–173.

**КРОССКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации

Д.С. Григорьев*

экспертный институт НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
dgrigoryev@hse.ru

Статья посвящена построению и тестированию теоретической модели социоэкономической адаптации (СЭА) мигрантов, включающей психологические факторы в качестве основных. Для построения теоретической модели в ходе анализа проведенных ранее исследований в качестве ключевых психологических факторов СЭА были выделены аккультурационные установки мигрантов; как контрольные в модели используются такие переменные, как продолжительность пребывания в стране и языковые навыки, а характеристики этнической идентичности рассматриваются в качестве предикторов аккультурационных установок. Для проверки полученной модели был проведен опрос русскоязычных мигрантов в Бельгии. Далее модель была протестирована на полученных данных с помощью путевого анализа. По результатам исследования было установлено, что: 1) аккультурационные установки мигрантов связаны с их уровнем СЭА, сами по себе, независимо от продолжительности пребывания в стране и их языковых навыков; 2) высокий уровень СЭА мигрантов положительно связан с ориентацией на принимающее общество (интеграция и ассимиляция) и отрицательно — с ориентацией на свою этническую группу (сепарация); 3) выраженная этническая идентичность может способствовать ориентации мигранта на свою этническую группу и препятствовать ассимиляции.

Ключевые слова: социоэкономическая адаптация, аккультурация мигрантов, мигранты, этническая идентичность, аттитюды.

Введение

Современные исследования показывают, что большинство мигрантов переезжают в другую страну именно по экономическим причинам, но, несмотря на устойчивое стремление мигрантов обрести финансовую безопасность, они сталкиваются с серьезными препятствиями и, как правило, добиться эконо-

номического успеха им на порядок сложнее чем местным жителям [68].

Переезд в новую страну является чрезвычайно сложным и напряженным процессом, потому что влечет за собой изменения во всех сферах жизни — социальной, культурной и психологической [12]. Поэтому, несмотря на то, что с переездом мигранты стремятся улучшить качество своей жизни, они стал-

Для цитаты:

Григорьев Д.С. Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 71–85.

* Григорьев Дмитрий Сергеевич, стажер-исследователь, международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт НИУ ВШЭ, Москва, Россия. *dgrigoryev@hse.ru*

квиваются с различными проблемами, дискриминацией и экономическими трудностями [72].

Мигранты чаще всего становятся безработными или находят работу с неполной занятостью, часто встречаются с трудностями в получении признания своей образовательной квалификации и профессионального опыта [56]. Особые трудности, прежде всего, связаны с неприемлемыми жилищными условиями, безработицей, низкими доходами, дискриминацией, социальной изоляцией, снижением социоэкономического статуса (СЭС) и низким уровнем качества жизни [72]. Но даже когда мигрантам удается найти работу, они обычно все равно оказываются в неравном положении по сравнению с коренными жителями [71]. Первая работа, даже у мигрантов с хорошим образованием, зачастую принадлежит к непрестижной сфере занятости, это так называемый «вторичный рынок труда» (например, услуги по уборке, строительные работы и т. п.). Подобная работа характеризуется низкими требованиями к знанию языка, а значит, и низкой заработной платой, фиксированным сроком контракта и ограниченными возможностями для карьерного роста [23; 26].

Этнические ниши занятости отражают тенденцию членов этнической группы концентрироваться на конкретных профессиях и промышленных секторах [65]. Оплата труда рабочих в этнических анклавах и этнических нишах занятости, как правило, ниже, чем заработная плата в условиях открытого рынка труда [37; 52]. К тому же, ниши на этническом рынке труда не всегда дают мигрантам соответствующие возможности для развития социокультурных навыков (например, изучения языка принимающей страны), необходимых для их постоянной социально-экономической вертикальной мобильности, так как социальное взаимодействие на работе может быть ограничено взаимодействием лишь с представителями своей этнической группы [29].

В связи с этим перед мигрантами всегда остро стоит вопрос их социоэкономической адаптации (СЭА) в новой для себя среде. И сегодня эта ситуация привлекает огромное внимание со стороны исследователей — увеличивается число исследований, целью которых является помощь в облегчении процесса адаптации мигрантов и улучшении их качества жизни [72]. Тем не менее, тематика СЭА мигрантов до сих пор, в целом, изучена слабо [29].

Определение и индикаторы социоэкономической адаптации

Опираясь на подход Дж. Берри [11; 14; 15], *социоэкономическую адаптацию* (СЭА) можно определить как результат достижения в процессе аккультурации социально-экономического положения, позволяющего мигранту полноценно участвовать в социальной и экономической жизни общества принимающей страны [2]. Судить о том, насколько мигрант полноценно участвует в социальной и экономи-

ческой жизни общества принимающей страны, позволяют некоторые индикаторы СЭА.

Исследователи выделяют разные индикаторы СЭА, например:

— достижение определенного уровня дохода и соответствия между планируемыми и достигнутыми финансовыми целями [11];

— профессиональный статус и его улучшение, постоянная работа в настоящее время, ежемесячные сбережения, использование социальной помощи, профессиональное развитие, улучшение финансового положения [13];

— статус занятости, использование социальной помощи и уровень доходов [47];

— наличие или отсутствие работы, удовлетворенностью ею, уровень профессиональных достижений и благосостояния в новой культурной среде [5];

— вероятность трудоустройства, приемлемый доход, собственное жилье [20].

Особый интерес представляет такой индикатор СЭА, как статус занятости. Вовлеченность в различные стороны жизни в принимающей стране тесно связана с состоянием дел мигрантов на рынке труда [59]. Исследователи обнаружили, что более приспособленными из числа мигрантов были те, кто имел удовлетворительные условия труда [55].

Из-за сложностей интеграции, мигранты могут испытывать значительное снижение их нынешнего статуса в новой стране по сравнению с их статусом в стране происхождения [16]. Причем потом мигрантам бывает довольно-таки трудно восстановить свое первоначальное положение и добиться какой-либо вертикальной мобильности [60].

Отчуждение от социального окружения является еще одним негативным состоянием, которое испытывают мигранты при поиске работы. Некоторые авторы описали подобное отчуждение как невозможность достижения удовлетворенности своей социальной или личной деятельностью, а также другие формы несоответствия ожиданиям большинства других граждан [25]. Отчуждение, вероятно, происходит, когда есть несоответствие между желаемым состоянием и тем, что в обществе принято как норма (например, наличие достойной работы), и реальным положением дел (к примеру, безработица или неполная занятость), что характеризуется как невыполнение социальных норм и ожиданий [31]. В связи с этим и ожидается, что трудности в получении доступа к нормальной трудовой жизни задерживают адаптацию мигрантов [59].

Например, процесс аккультурации мигрантов из Турции в Канаде был рассмотрен с особым акцентом на изменение структуры занятости и ее влияния на психологическое благополучие и адаптацию. Большинство хорошо образованных и квалифицированных мигрантов испытывали трудности с интеграцией в состав рабочей силы. Авторы также отмечают, что занятость обеспечивает определенную цель в жизни, определяет статус и идентичность, а также позволяет мигрантам установить отношения с дру-

гими людьми. Последняя функция является крайне важной для мигрантов — чем больше мигранты взаимодействуют с группами в обществе в целом, тем быстрее они приобретают навыки повседневной жизни в новой для себя стране. Таким образом, для тех мигрантов, которые не имеют работы, будет характерно не только снижение психологического благополучия, но и задержка в социокультурной адаптации [11]. В целом, выводы этого исследования свидетельствуют о том, что у занятости для мигрантов есть еще и другие важные функции помимо получения дохода.

Факторы социоэкономической адаптации мигрантов

В современной литературе по проблемам миграции существует множество подходов, касающихся рассмотрения факторов, влияющих на СЭА мигрантов. Некоторые исследователи фокусируются на индивидуальных или групповых ресурсах мигрантов [см., например: 9], другие делают акцент на взаимодействии мигрантов между собой и с принимающим населением [см., например: 40], а ряд исследователей сосредотачивают свое внимание на институциональной стороне вопроса [см., например: 63].

Исследователи, работающие в рамках теории человеческого капитала, бедственное социальное и экономическое положение мигрантов объясняют ограниченной конвертируемостью человеческого ка-

питала через национальные границы, например, из-за иностранной квалификации, отсутствия мастерства, или просто уверенного владения языком принимающей страны, или же неполной информации о местном рынке труда [22].

Подробному анализу влияния уровня языковых навыков и продолжительности пребывания в принимающей стране посвящены отдельные исследования [11], в том числе и на русском языке [4].

В целом, если обобщить некоторые существующие исследования по данной проблематике, в том числе и описанные выше, взяв за основу эмпирически проверенную [47] теоретическую модель экономической адаптации беженцев Т. Кульмана [33], то можно выделить и классифицировать несколько основных факторов, которые могут влиять на СЭА мигрантов [2]. Данная классификация отражена на рис. 1.

Как можно заметить, роль психологических факторов в этом процессе достаточно существенна. Например, роль **аккультурационных установок** мигрантов, которые представляют собой социальные установки, предполагающие различную комбинацию двух вариантов: 1) ориентации мигранта на собственную группу, контактирование преимущественно с представителями интруппы и направленность на сохранение своего культурного наследия и идентичности и 2) ориентации на аутгруппы, предпочтение контактировать с более широким составом общества и направленность на принятие культуры и идентичности принимающей страны. Комбинация положительных и/или отрицательных значений этих вари-

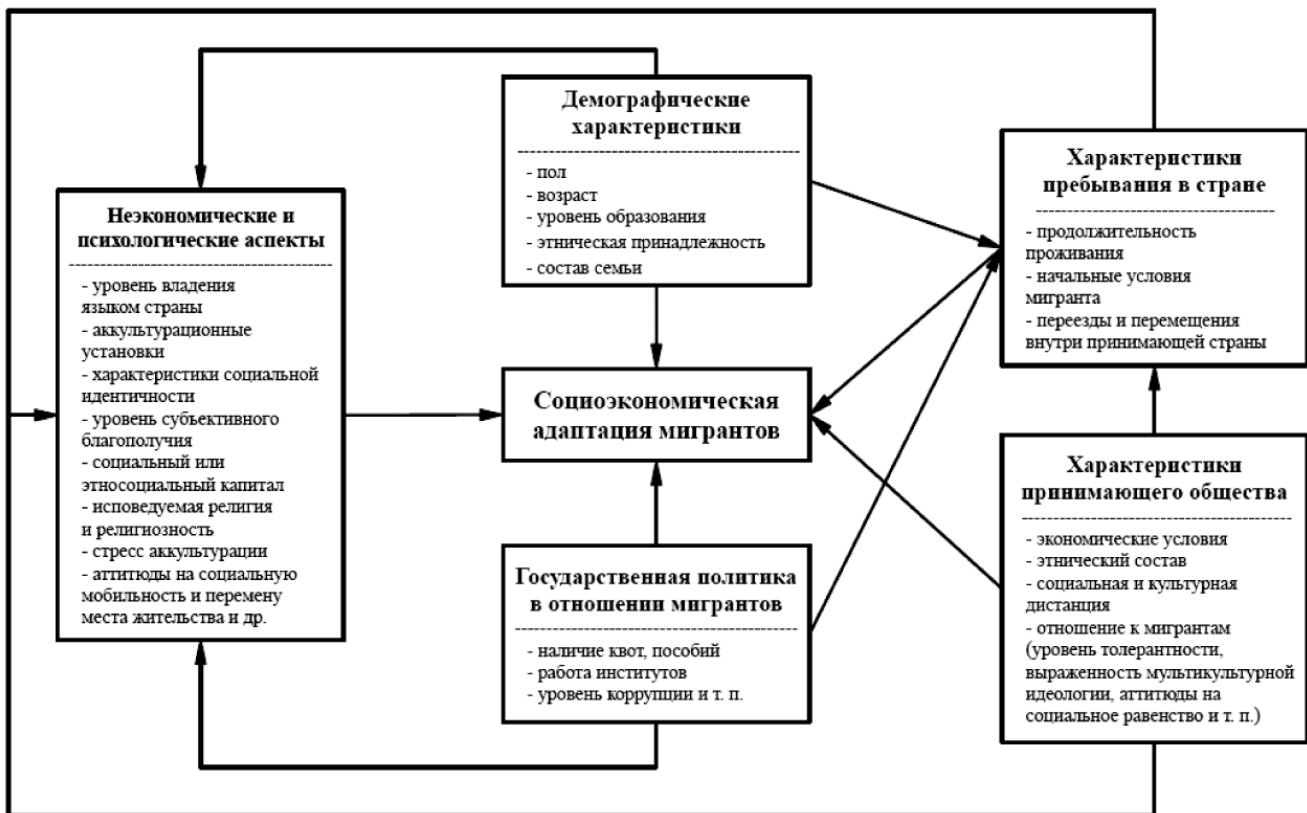

Рис. 1. Факторы социоэкономической адаптации мигрантов

антов дает четыре аккультурационные установки: ассимиляцию, интеграцию, сепарацию и маргинализацию.

Ассимиляция — аккультурационная установка, при которой мигрант полностью принимает ценности и нормы иной культуры, отказываясь при этом от норм и ценностей своей собственной.

Интеграция — аккультурационная установка, при которой мигрант идентифицирует себя как со старой, так и с новой культурой.

Сепарация — аккультурационная установка, для которой характерно отрицание новой культуры при сохранении идентификации со своей культурой. В этом случае мигранты предпочитают большую или меньшую степень изоляции от культуры принимающей страны.

Маргинализация — аккультурационная установка, предполагающая, с одной стороны, потерю мигрантом идентификации с собственной культурой, а с другой — отсутствие идентификации с культурой принимающей страны [15].

Аккультурационные установки мигрантов как фактор их социоэкономической адаптации

Исследования, которые связывают процесс адаптации в целом с аккультурационными установками мигрантов, показывают, что в большинстве случаев мигранты с установкой на интеграцию в итоге оказываются лучше адаптированными, чем те, кто выбирает установку на маргинализацию [18]. Однако существует противоречие между имеющимися исследованиями о вообще какой-либо самостоятельной взаимосвязи аккультурационных установок мигрантов с уровнем их СЭА. Некоторые исследования говорят о наличии значимой взаимосвязи [13; 20], другим обнаружить значимую взаимосвязь не удалось, хотя теоретические предпосылки для такой взаимосвязи есть [30].

В исследовании проведенном на выборке мигрантов в Греции проводилось сопоставление аккультурационных установок по Дж. Берри и СЭА. Как и ожидалось авторами, СЭА положительно взаимосвязана с ориентацией на принимающую группу и отрицательно — с ориентацией на свою этническую группу. Аккультурационные установки, направленные на интеграцию и ассимиляцию, имели самые благоприятные результаты, тогда как аккультурационная установка на сепарацию была взаимосвязана с низким уровнем адаптации независимо от страны происхождения мигранта и времени пребывания в принимающей стране. Кроме того, аккультурационная установка на ассимиляцию и интеграцию, хотя и неоднородна по частоте контактов со своей этнической группой, дала одинаково положительные результаты [13].

В исследованиях в рамках G-SOEP (German Socio-Economic Panel) о влиянии аккультурационных установок на экономическое поведение (вероят-

ность трудоустройства, доход, домовладение) это влияние отмечается как «статистически значимое и экономически существенное»: ассимиляция и интеграция дают положительный эффект на экономические показатели, в то время как сепарация и маргинализация — нет [20].

Однако в другом исследовании, проведенном позднее, в Финляндии, предполагалось, что влияние аккультурационных установок на адаптацию в определенной степени зависит от времени пребывания в стране. В связи с этим исследование было направлено на изучение роли продолжительности пребывания мигрантов в новой стране по отношению к аккультурационным установкам и адаптации. В частности, ожидалось, что аккультурационная установка на сепарацию будет адаптивной, особенно в начале процесса аккультурации, так как, по мнению авторов, аккультурационная установка на сепарацию может быть предпосылкой для трудоустройства на вторичном (этническом) рынке труда, а также для получения социальной поддержки от представителей своей этнической группы в целях борьбы со стрессом аккультурации. Позднее в процессе аккультурации роль установки на сепарацию в процессе адаптации будет уменьшаться, а психологическому благополучию и СЭА мигрантов будут лучше способствовать соответственно аккультурационная установка на интеграцию и ассимиляцию. Но, по результатам анализа данных, авторы сообщают, что сама по себе ни одна из трех аккультурационных установок мигрантов не имела значимой связи с их уровнем СЭА, единственным предиктором, непосредственно связанным с этой переменной, была продолжительность проживания мигрантов в новой стране — чем дольше мигранты остались в их новой стране, тем выше был их уровень СЭА. В целом, не было никакой связи между продолжительностью пребывания и аккультурационными установками (за исключением слабой отрицательной корреляции с интеграцией) [30]. Можно предположить, что значимые связи между аккультурационными установками и СЭА не были выявлены в силу специфики состава выборки и ограничений применяемых методов измерения.

Однако важно более обстоятельно рассмотреть тот факт, что аккультурационные установки, как и культурная идентичность, имеют тенденцию к изменению на разных этапах культурного перехода (по крайней мере, у подростков). Например, изначально установка на ассимиляцию у подростков может смениться установкой на интеграцию по истечению трех лет иммиграции [57], а интегрированные и ассимиляционные профили более распространены, чем диффузные (т. е. маргинализация), среди подростков с периодами проживания, превышающими шесть лет [17]. Этнический профиль (т.е. сепарация) встречался почти одинаково часто, независимо от времени пребывания в стране [30]. Однако при более общем подходе, например, в линейной биполярной модели адаптации мигрантов, предполагается рассмотрение этнических изменений в качестве континуума — от

сильных этнических связей на одном конце, до сильных связей с доминирующей культурой — на другом. В основе этой модели лежит предположение, что укрепление одной идентичности требует ослабления другой, что хорошо согласуется с ассимиляционными теориями. Хотя экономическая адаптация в исследованиях аккультурации редко оценивалась отдельно, в экономических исследованиях в области международной миграции предполагается аналогичная линейная структура и для отношений продолжительности пребывания в стране с СЭА мигрантов [11; 19; 30]. Таким образом, можно предположить, что со временем мигранты будут все же в большей мере ориентироваться на принимающее общество, а также будет повышаться их уровень СЭА.

При этом следует отметить, что вопрос о психологических причинах выбора той или иной аккультурационной установки изучен недостаточно [58]. На сегодняшний день некоторые исследователи делают здесь акцент на влиянии индивидуальных ценностей [7], другие — на характеристиках социальной идентичности [1; 6; 24; 41; 51].

Характеристики этнической идентичности мигрантов как предиктор выбора их аккультурационной установки

Ранее [1], обратившись к теории когнитивного диссонанса, было сделано предположение, что из-за культурных различий мигранты в новой культурной среде будут испытывать некоторый дискомфорт, так как их оригинальные культурные ценности и нормы, как правило, неадекватны окружающему культурному контексту, например, условиям на рабочем месте или нормам социальных отношений в принимающем обществе. В результате этого обстоятельства мигрант будет пытаться снизить этот дискомфорт [48], причем исследования показывают, что лица, пытающиеся свести к минимуму когнитивный диссонанс для поддержания собственной Я-концепции могут: 1) либо избегать определенного поведения [48]; 2) либо адаптировать собственные ценности и поведенческие нормы к культурному контексту принимающего общества [39].

Опираясь на это предположение, можно говорить о том, что справиться с состоянием когнитивного диссонанса мигрант может четырьмя способами, выбрав соответствующую аккультурационную установку, он может: 1) попытаться полностью принять изначально для него чужие ценности и нормы посредством ассимиляции; 2) принять некоторые из новых ценностей и норм, в то же время сохраняя некоторые из изначальных собственных ценностей и норм посредством интеграции; 3) пытаться дистанцироваться от новых ценностей и норм, отвергая их, и в то же время строго придерживаться самобытной культуры посредством сепарации; 4) отвергнуть ценности и нормы новой культуры и в то же самое время отказаться от своих собственных, добившись маргинализации [51].

Чем больше разрыв между осознаваемой идентичностью, а также культурными ценностями и нормами мигрантов и ситуативными факторами, характерными для страны прибывания, тем труднее будет мигрантам интегрироваться в этих новых условиях [73]. Мигрантам, для которых их культура имеет меньшее значение, будет легче и эффективнее снизить диссонанс через ассимиляцию или интеграцию, чем тем, чья самобытная культура занимает центральное место в их идентичности.

Теория социальной идентичности может помочь в дальнейшем объяснении роли характеристик социальной идентичности у мигрантов. В ней предполагается, что человек классифицирует себя как члена социальных групп, при этом одни социальные роли по сравнению с другими имеют приоритет [51]. Культура, этническая принадлежность и религия играют решающую роль в формировании Я-концепции, моделей взаимоотношений с окружающими и, в конечном итоге, в выраженности и жесткости рамок восприятия групп как «мы» (ингруппа) или как «они» (аутгруппа) [21]. Например, выраженность этнической идентичности, в этом контексте, будет относиться к степени, в которой для мигранта роль представителя самобытной культуры (равно как и роль представителя его этнической, гражданской и религиозной группы) проявляется как неотъемлемая часть его Я-концепции [61]. Мигрант с сильной выраженностью этнической идентичности рассматривает роль представителя самобытной культуры в качестве неотъемлемой части своей Я-концепции, и наоборот. Соответственно, мигрант со слабой выраженностью этнической идентичности будет склонен испытывать меньший дискомфорт от ассимиляции, так как не будет ощущать, что затрагивается какая-либо важная часть его Я-концепции; он также может сосредоточиться на других аспектах своей социальной идентичности (например, профессиональной, гендерной, родительской и т. п.) [51]. Было обнаружено, что слабая выраженность этнической идентичности отрицательно связана с установкой на ассимиляцию [41]. Напротив, для мигранта с сильной выраженностью этнической идентичности будет характерен выбор установки на сепарацию, что отчасти так же было показано в эмпирических исследованиях [6; 41].

Что касается интеграции, то предпосылками для выбора этой аккультурационной установки будет как сильная, так и слабая выраженность этнической идентичности — детали в каждом конкретном случае свои, они будут зависеть от влияния дополнительных факторов, так же, как и для маргинализации [51]. Например, вместе со слабой выраженностью этнической идентичности для мигранта может быть характерно желание поддерживать контакты с соотечественниками, общение на родном языке и т. п., или же, несмотря на сильную выраженность этнической идентичности, по экономическим соображениям мигрант вынужден пойти на контакт с доминирующей группой [1].

Таким образом, выделив и описав ключевые психологические факторы СЭА мигрантов, можно пе-

рейти к построению теоретической модели с последующей ее проверкой на соответствующем эмпирическом материале.

Теоретическая модель социоэкономической адаптации мигрантов

Уровень СЭА мигрантов, прежде всего, зависит от выбранной ими аккультурационной установки, уровня владения языком принимающей страны и от продолжительности пребывания в ней. В свою очередь, за выбором определенной аккультурационной установки стоит выраженность этнической идентичности мигрантов и начальный уровень их языковых навыков. Для аккультурационных установок, как правило, характерно изменение в сторону большей ориентации мигрантов на принимающее общество в зависимости от продолжительности пребывания в принимающей стране.

Аккультурационные установки, предполагающие контакт с принимающей группой — интеграция и ассимиляция, — положительно связаны с высоким уровнем СЭА; напротив, сепарация, предполагающая преимущественный контакт со своей этнической группой, — отрицательно.

Мигранты с более высоким уровнем языковых навыков, а также дольше прожившие в принимающей стране, имеют более высокий уровень СЭА.

Выраженная этническая идентичность препятствует ассимиляции мигрантов и способствует выбору установки на сепарацию. Развитые языковые навыки способствуют выбору более интеграционных профилей — интеграции или ассимиляции; и наоборот, низкий уровень знания языка принимающей страны способствует ориентации на свою этническую группу, т. е. выбору установки на сепарацию.

Чем дольше мигранты проживают в принимающей стране, тем они более склонны ориентироваться на интеграцию в принимающее общество и в меньшей степени — на свою этническую группу.

Описанная теоретическая модель отражена на рис. 2. Далее для проверки данной теоретической модели был проведен социально-психологический опрос.

Выборка

Всего в ходе исследования в 2014 г. было опрошено 132 русскоязычных мигранта в Бельгии (64% жители Брюсселя; 86% с высшим образованием; 47% женщины; 72% православные), в возрасте от 19 до

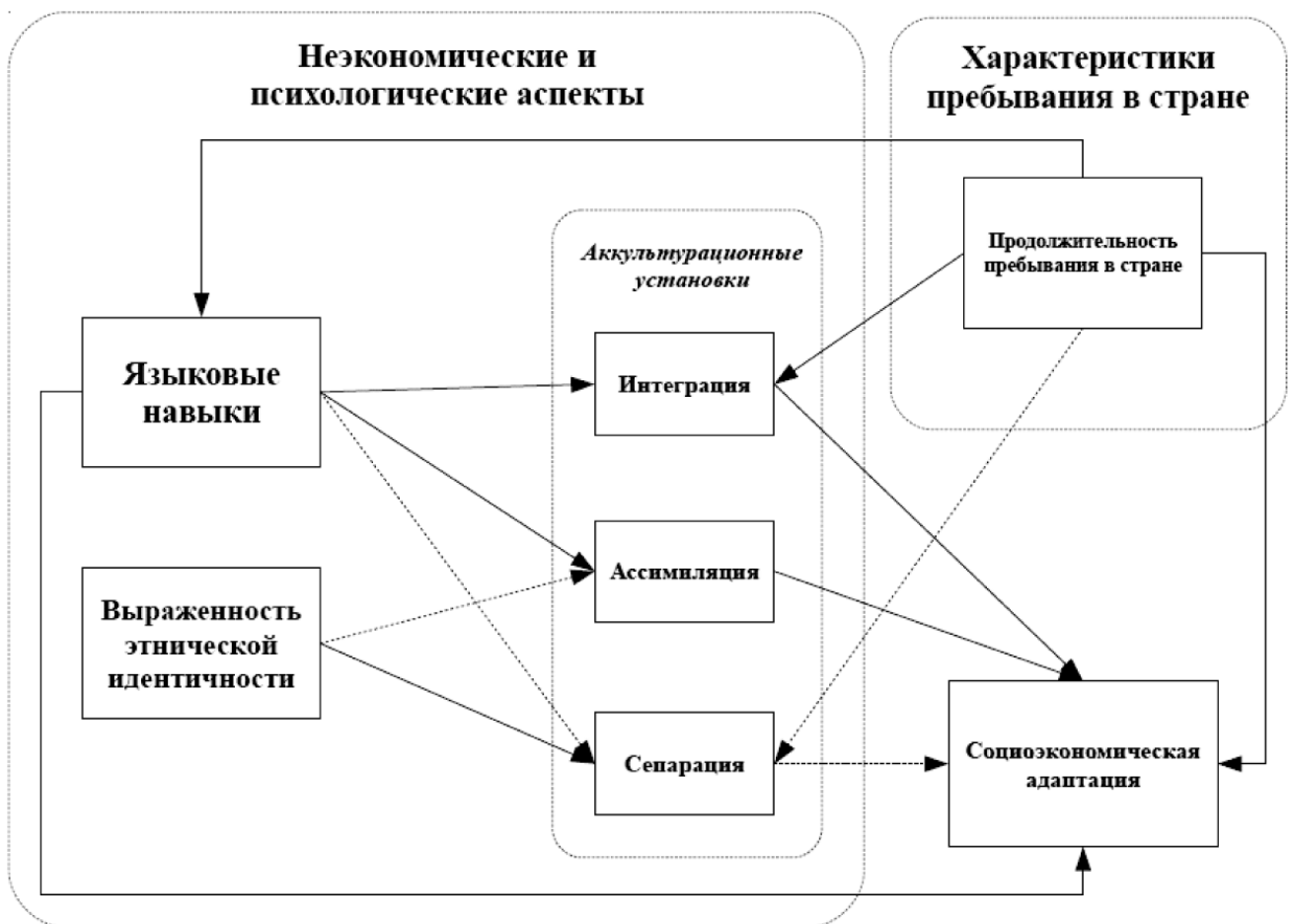

Рис. 2. Теоретическая модель социоэкономической адаптации мигрантов: сплошными линиями обозначены положительные связи, пунктирными — отрицательные

65 лет ($M_{\text{возраст}} = 35,9$; $SD_{\text{возраст}} = 9,3$), с продолжительностью пребывания в Бельгии от двух месяцев до 18 лет ($M_{\text{прод.}} = 7,1$; $SD_{\text{прод.}} = 5,0$).

Методика

Русскоговорящим мигрантам в Бельгии было предложено заполнить анкету на русском языке.

В анкете использовались следующие инструменты.

Выраженность этнической идентичности.

Для измерения использовалась шкала этнической идентификации М. Веркойтена [64] на русском языке, адаптированная и используемая Международной НУЛ социокультурных исследований. Примеры вопросов: «Я разделяю идеи и убеждения русских», «Я считаю себя русским» и т. д. (Ответы: 5 = абсолютно согласен, 1 = абсолютно не согласен).

Продолжительность пребывания в стране.

Для измерения использовался открытый вопрос о времени пребывания в Бельгии.

Языковые навыки. Для измерения использовалась интегральная шкала, содержащая вопросы об уровне владения языками принимающей страны (понимаю, говорю, пишу, читаю — нидерландский, французский, немецкий, английский).

Аккультурационные установки. Для измерения использовалась шкала из опросника MIRIPS на русском языке [8]. Примеры вопросов: «Для меня важно владеть в совершенстве и русским языком, и языками представленными в Бельгии», «Я предпочитаю иметь в качестве друзей только бельгийцев», «Я считаю, что русские, живущие в Бельгии, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать бельгийские» и т. д. (Ответы: 5 = абсолютно согласен, 1 = абсолютно не согласен).

Индекс социоэкономической адаптации. Для измерения использовалась интегральная шкала из World Bank survey на русском языке (индикаторы: профессиональный статус, постоянная работа в настоящее время, ежемесячные сбережения, профессиональное развитие, улучшение финансового положения, улучшение профессионального статуса) [13]. Примеры вопросов: «Вы работаете на данный момент?», «У Вас постоянная работа?» и т. д. (Ответы: 1 = да, 0 = нет; положительные ответы на вопросы с отрицательным содержанием (например, снижение про-

фессионального статуса, потеря навыков) дают отрицательный знак (-1), затем ответы суммируются).

Описание результатов

Описательная статистика и показатели надежности используемых шкал отражены в табл. 1. Высокие коэффициенты α -Кронбаха для всех шкал ($\alpha > 0,70$) свидетельствуют об их надежности.

В результате проведения корреляционного анализа (табл. 2) выявлено, что высокий уровень СЭА положительно связан с языковыми навыками ($r = 0,52$; $p < 0,001$), продолжительностью пребывания в стране ($r = 0,38$; $p < 0,001$), аккультурационной установкой на интеграцию ($r = 0,42$; $p < 0,001$) и ассимиляцию ($r = 0,43$; $p < 0,001$), а также отрицательно — с установкой на сепарацию ($r = -0,57$; $p < 0,001$).

Высокий уровень СЭА отрицательно связан с выраженной этнической идентичностью ($r = -0,40$; $p < 0,001$), однако при использовании аккультурационных установок (ассимиляция и сепарация) в качестве контрольных переменных данная связь становится не значимой ($r = -0,14$; $p = 0,151$).

Все остальные базовые связи для теоретической модели при использовании различных вариантов контрольных переменных остаются значимыми.

Высокий уровень языковых навыков положительно связан с продолжительностью пребывания в стране ($r = 0,25$; $p = 0,005$), аккультурационной установкой на интеграцию ($r = 0,36$; $p < 0,001$) и ассимиляцию ($r = 0,29$; $p = 0,001$), а также отрицательно — с установкой на сепарацию ($r = -0,45$; $p < 0,001$).

Продолжительность пребывания в стране положительно связана с аккультурационной установкой на интеграцию ($r = 0,24$; $p = 0,008$) и отрицательно — с установкой на сепарацию ($r = -0,33$; $p < 0,001$). Связи с ассимиляцией обнаружено не было.

Выраженность этнической идентичности положительно связана с аккультурационной установкой на сепарацию ($r = 0,39$; $p < 0,001$) и отрицательно с установкой на ассимиляцию ($r = -0,68$; $p < 0,001$).

Таким образом, все независимые переменные из теоретической модели статистически значимо связаны с зависимыми переменными, что позволяет протестировать данную модель с помощью применения путевого анализа без какой-либо корректировки.

Таблица 1

Описательная статистика и показатели надежности используемых шкал

Шкала	N	Min.	Max.	M	SD	Skew.	Kurt.	α
Выраженность этнической идентичности	122	1,00	5,00	4,05	0,94	-1,14	0,95	0,81
Языковые навыки	131	20,00	70,00	43,04	11,52	0,16	-0,70	0,84
Интеграция	122	2,00	5,00	4,40	0,62	-1,21	1,43	0,70
Ассимиляция	122	1,00	4,75	2,01	0,89	1,00	0,74	0,83
Сепарация	122	1,00	4,75	2,07	0,87	0,68	0,44	0,74
Социоэкономическая адаптация	117	-4,00	7,00	2,34	2,53	-0,13	-0,89	0,74

Условные обозначения: N — количество человек; Min. — минимальное значение; Max. — максимальное значение; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; Skew. — коэффициент асимметрии; Kurt. — коэффициент эксцесса; α — коэффициент α -Кронбаха.

Корреляции Пирсона между использованными переменными

Переменная	1	2	3	4
1. Социоэкономическая адаптация	-			
2. Языковые навыки	0,52***	-		
3. Продолжительность пребывания в стране	0,38***	0,25**	-	
4. Выраженность этнической идентичности	-0,40***	-0,06	-0,16	-
5. Интеграция	0,42***	0,36***	0,24**	-0,02
6. Ассимиляция	0,43***	0,29**	0,06	-0,68***
7. Сепарация	-0,57***	-0,45***	-0,33***	0,39***

Условные обозначения: «***» – $p < 0,001$; «**» – $p < 0,01$; «*» – $p < 0,05$ (двусторонняя).

Для построения путевой модели использовалась программа AMOS. В процессе тестирования модели для оценки связей применялся статистический бутстреп. Показатели путевой модели соответствуют рекомендованным ($1 < \chi^2/df < 3$; CFI $> 0,90$; RMSEA $< 0,10$; SRMR $< 0,09$ [28]) для того, чтобы заключить соответствие модели эмпирическим данным. Полученная путевая модель СЭА мигрантов показана на рис. 3. Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей в модели отражены в табл. 3.

Результаты проведенного путевого анализа показывают, что характер связей в эмпирической модели практически полностью репрезентует предложенную теоретическую модель. Исключением является связь продолжительности пребывания в стране с аккультурационной установкой на интеграцию, которая оказалось не значимой ($\beta = 0,130$; $p = 0,167$). По всей видимости, здесь можно говорить о полной медиации, сама по себе продолжительность пребывания

не влияет на предпочтение интеграции, но продолжительность связана с языковыми навыками, которые имеют более сильное влияние на интеграцию, хотя продолжительность пребывания для языковых навыков ($R^2 = 0,06$) и языковые навыки для интеграции ($R^2 = 0,14$) не являются в модели существенными факторами.

Доля объясненной дисперсии в объясняемой составляет 51%.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что аккультурационные установки мигрантов, независимо от времени прибытия в принимающей стране, связаны с уровнем их СЭА, что согласуется с ранее проведенным исследованием на выборке мигрантов в Греции [13] и Германии [20].

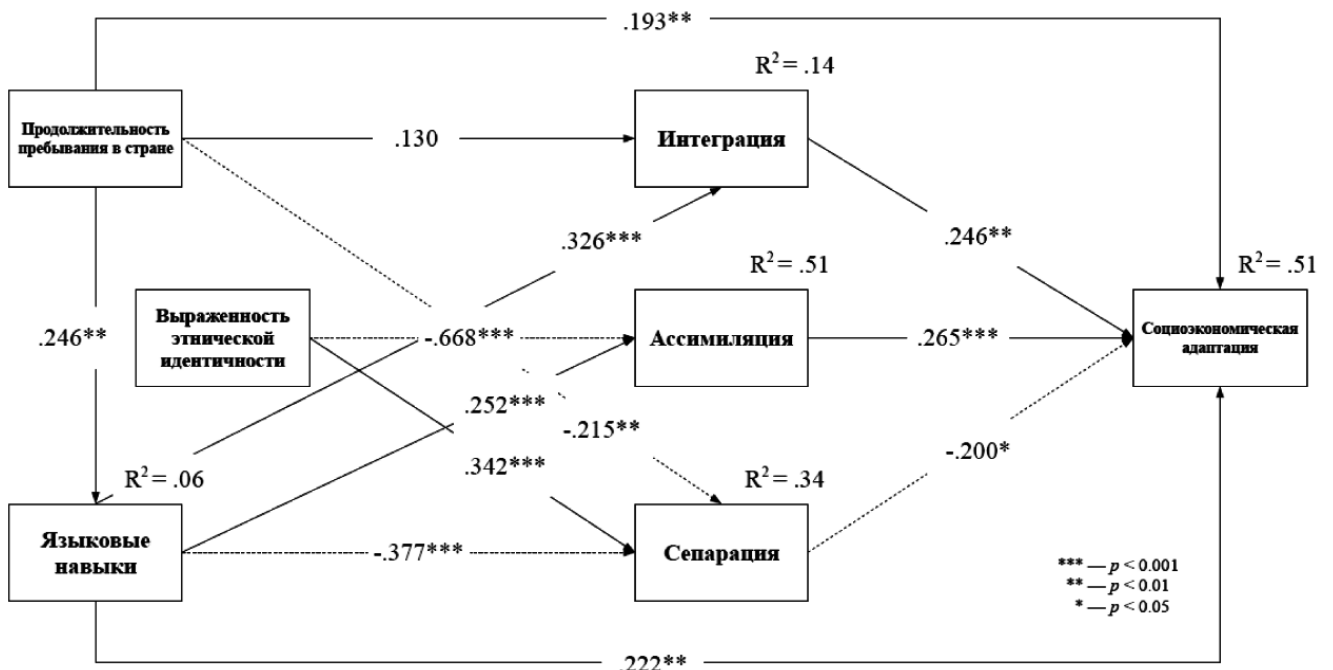

Рис. 3. Путевая модель социоэкономической адаптации мигрантов.

Параметры модели: $\chi^2 = 8,97$; $df = 5$; $p = 0,11$; $\chi^2/df = 1,79$; CFI = 0,98; RMSEA = 0,09; SRMR = 0,05.

Условные обозначения: χ^2 – значение статистики хи-квадрат; df – число степеней свободы; CFI – сравнительный индекс соответствия Бентлера; RMSEA – корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; SRMR – стандартизированный корень среднеквадратического остатка; R^2 – коэффициент детерминации.

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей в модели

Зависимая переменная	Независимая переменная	β	R^2
Социоэкономическая адаптация	Продолжительность пребывания в стране	0,193**	0,51
	Языковые навыки	0,222**	
	Интеграция	0,246**	
	Ассимиляция	0,265***	
	Сепарация	-0,200*	
Интеграция	Продолжительность пребывания в стране	0,130	0,14
	Языковые навыки	0,326***	
Ассимиляция	Выраженность этнической идентичности	-0,668***	0,51
	Языковые навыки	0,252***	
Сепарация	Выраженность этнической идентичности	0,342***	0,34
	Продолжительность пребывания в стране	-0,215**	
	Языковые навыки	-0,377***	
Языковые навыки	Продолжительность пребывания в стране	0,246**	0,06

Условные обозначения: β – стандартизированный коэффициент регрессии; R^2 – коэффициент детерминации; «***» – $p < 0,001$; «**» – $p < 0,01$; «*» – $p < 0,05$

Зависимость низкого уровня СЭА русскоязычных мигрантов в Бельгии от выбранной аккультурационной установки на сепарацию, прежде всего, обусловлена высокой долей безработных среди выбравших этот аккультурационный профиль. Можно предположить, что связь высокого уровня СЭА с установкой на интеграцию обусловлена тем, что мигранты с данным аккультурационным профилем могут иметь доступ к ресурсам как со стороны своей этнической группы, так и общества в целом [13], а установка на ассимиляцию адаптивна, прежде всего, потому что облегчает контакт с доминирующей культурой [70].

Мигранты, выбирающие аккультурационную установку на сепарацию, сталкиваются с трудностями в своих попытках установить контакт с членами принимающей культуры и приобрести основные социальные навыки, такие, как изучение основного языка страны или получение работы [43]. Поэтому мигрантам следует пересматривать их аккультурационную ориентацию в сторону более интегративной или ассимиляционной, и начать активно и самостоятельно искать контакты с представителями принимающей страны, так как в том числе и знание языка в основном приобретается при взаимодействии с его носителями [4].

В будущих исследованиях при рассмотрении аккультурационных установок как факторов адаптации следует еще учитывать и влияние принимающей среды. Так мета-анализ подтвердил, что отношения между аккультурационными установками на интеграцию и адаптацией в целом модулируются условиями в стране проживания [44].

Существует также вопрос о том, следует ли ориентировать исследования аккультурации на изучение установок (аккультурационных установок) или поведения, так как эти понятия не должны быть взаимозаменяемыми [10]. Исследования показывают, что на уровне установок интеграция может быть предпочтительной, но не всегда так легко достигается [66]. В настоящее время разработаны модели, ко-

торые включают как реальные (поведенческие), так и идеальные (аттитюды) варианты аккультурационных ориентаций [см. 42]. В целом, исследования показывают, что поведение является более мощными предиктором психологической и социокультурной адаптации, чем аттитюды [69], и поэтому крайне важно учитывать эти различия в дальнейших исследованиях.

Ранее исследователями уже предполагалось, что низкий уровень владения языком – одно из основных препятствий для трудоустройства по прибытию в страну [11; 29]. В поддержку этого утверждения можно также привести данные исследований, в которых были обнаружены взаимосвязи между языковыми навыками беженцев и возможностью трудоустройства [27]. Если мигрант изначально имеет хороший уровень владения языком принимающей страны, то для него существенно проще либо получить необходимую квалификацию для работы на месте, либо непосредственно устроиться на работу. В противном случае, мигранты должны либо ориентироваться на работу на вторичном рынке труда, либо, в крайнем случае, могут долгое время оставаться безработными [4]. Также начальные языковые навыки способствуют контакту с принимающим обществом, а значит, и выбору более интеграционных установок. Однако в дальнейшем следует также учитывать и обратное последующее влияние установок на языковые навыки.

При этом выбор мигрантами их аккультурационной установки связан с характеристиками социальной идентичности, что согласуется с предположениями, что аккультурационные установки и параметры идентичности должны соотноситься между собой [24]. Выраженность этнической идентичности отрицательно связана с ассимиляцией и положительно – с сепарацией. Полученные результаты хорошо объясняются упомянутой выше линейной биполярной моделью адаптации мигрантов. Однако следует оговориться, что существующая литература, посвященная культурным изменениям, содержит

конкурирующие точки зрения относительно отношений между культурой происхождения мигранта и принимающей культурой в процессе аккультурации. Например, конкурирующая модель предполагает, что некоторые изменения охватывают лишь отдельные аспекты этнической идентификации [34].

Следует также учесть, что основная теоретическая основа для рассмотрения экономической сферы миграции была получена в основном из исследований одной принимающей страны (США). Однако проведенные ранее кросс-культурные исследования продемонстрировали существующие различия в результатах адаптации для схожих групп мигрантов (более того, даже для мигрантов из одной страны происхождения, но пребывающих в различных географических контекстах) [32; 40; 62]. Например, в Канаде было выявлено, что некоторые этнические группы сталкивались с большими трудностями в поиске работы в Монреале, в отличие от любого другого города [49; 50]. Феноменология миграции и экономической адаптации, скорее всего, меняется в зависимости от целого ряда культурных, социальных, политических и исторических факторов [68]. Пытаясь решить эту проблему, некоторые исследователи стали изучать воздействие местных условий в принимающей стране, например, города назначения (например, Лос-Анджелес, Майами, Нью-Йорк), на выборке конкретных групп мигрантов (например, китайцев, кубинцев, доминиканцев и мексиканцев). Эти тематические исследования влияния местных условий приема на модели экономической адаптации предоставляют бесценную информацию об опыте конкретных этнических групп [36].

Несколько попыток обобщить эти результаты были предложены в литературе. Например, можно встретить обобщенные утверждения, что группы мигрантов отличаются по аккультурационным установкам, или обобщения по темам: политика интеграции мигрантов (т. е. активная поддержка против пассивного принятия), условия на рынке труда (т.е. дискриминационное или нейтральное поведение по отношению к мигрантам), охрана труда и промыш-

ленный состав этнической экономики [45; 46]. Тем не менее, если ранее только некоторые ученые предполагали, что возможно нецелесообразно использовать модели, основанные на опыте одной этнической группы, чтобы объяснять опыт другой [см. напр. 54], то сегодня уже многим исследователям стало понятно, что главным ограничением для дальнейшего изучения аккультурации, в целом, является то, что большинство опубликованных исследований базируется на рассмотрении выборки, состоящей из одной этнической группы, взятой из какого-то одного конкретного национального контекста, что, конечно же, ограничивает внешнюю валидность наших теорий и исследований — как по отношению к самим выбранным для исследования группам, так и по отношению к контексту [67]. На сегодня в этом направлении уже работают некоторые исследователи.

Так, согласно исследованиям в Австралии предполагается, что социально-культурные и экономические аспекты адаптации — это чисто культурный навык, который прочно связан с ростом материального благосостояния [53]. В поддержку этого предположения можно привести, например, описание копинг-стратегий, связанных с вопросами экономики и занятости гонконгских мигрантов в Австралии [38]. А недавнее исследование в Сингапуре [35] также позволяет предположить, что сейчас есть смысл в разработке культурно-специфических маркеров аккультурации [67].

Также в будущих исследованиях нужно будет учитывать, что для изучения СЭА второго поколения мигрантов, методика в том виде, в котором она представлена в настоящем исследовании, не подходит. Для этих целей возможно рассмотрение СЭС. В частности, было показано, что высокий СЭС мигрантов связан с установкой на ассимиляцию [41].

Подводя итог, можно заключить: в данном исследовании удалось подтвердить наличие взаимосвязи аккультурационных установок мигрантов с уровнем их СЭА, а также несколько расширить и значимо дополнить представления о роли характеристик социальной идентичности и аккультурационных установок в процессе аккультурации.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Литература

1. Григорьев Д.С. Влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. № 1 (в печати).

2. Григорьев Д.С. Факторы социоэкономической адаптации мигрантов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии / Под общ. ред.: В.В. Гриценко. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014. Т. 2, С. 70–73.

3. Григорьев Д.С. Этносоциальный капитал мигрантов как фактор их социоэкономической адаптации // Психолого-экономические и этнокультурные ресурсы улучшения межнациональных отношений в российских регионах: материалы Международной научно-практической конференции / Научный редактор: А.Д. Карнышев. Иркутск: Издательство ИГУ, 2014. С. 408–413.

4. Григорьев Д.С. Языковые навыки мигрантов как фактор их социоэкономической адаптации // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах РФ / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 362–366.

5. Лебедева Н.М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН. 2009. С. 10–63.
6. Ленишкова З.Х. Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными стратегиями мигрантов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии / Под общ. ред.: В.В. Грищенко. Смоленск: Маджента, 2012. Т. 2(3), С. 107–111.
7. Рябиченко Т.А. Связь индивидуальных ценностей и стратегий аккультурации этнических меньшинств // На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям. М.: МГППУ, 2013. С. 81–83.
8. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 238 с.
9. Alba R.D., Nee V. Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2003, 359 p.
10. Arends-Toth J.V., van de Vijver F.J.R., Poortinga Y.H. The Influence of Method Factors on the Relation between Attitudes and Self-Reported Behaviors in the Assessment of Acculturation // European Journal of Psychological Assessment. 2006. Vol. 22. P. 4–12.
11. Aycan Z., Berry J.W. Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada // Canadian Journal of Behavioural Science. 1996. Vol. 28. P. 240–251.
12. Benish-Weisman M., Shye S. Life Quality of Russian Immigrants to Israel: Patterns of Success and of Unsuccess // Social Indicators Research. 2011. Vol. 101(3). P. 461–479.
13. Besevegis E., Pavlopoulos V. Acculturation Patterns and Adaptation of Immigrants in Greece // Psychosocial Stress in Immigrants & in Members of Minority Groups as a Factor of Terrorist Behavior. 2008. Vol. 40(1). P. 23–34.
14. Berry J.W. Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition / J.W. Berry, L.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder (eds.). Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.
15. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46(1). P. 5–68.
16. Berry J.W., Kim U. Acculturation and Mental Health // Health and Cross-Cultural Psychology: Towards Applications / P. Dasen, J.W. Berry, N. Sartorius (eds.). Beverly Hills: Sage, 1988. P. 207–236.
17. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 2006. Vol. 55. 303–332.
18. Berry J.W., Poortinga Y.H. Segall M.H., Dasen P.R. Cross-Cultural Psychology: Research and Applications (2nd Ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 626 p.
19. Borjas G.J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants // Journal of Labor Economics. 1985. Vol. 3(4). P. 463–489.
20. Constant A.F., Zimmermann K.F. Measuring Ethnic Identity and its Impact on Economic Behavior // Journal of the European Economic Association. 2008. Vol. 6(2–3). P. 424–433.
21. Dovidio J.F., Esses V.M. Immigrants and Immigration: Advancing the Psychological Perspective // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57. P. 375–387.
22. Esser H. Does the New Immigration Require a New Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review. 2004. Vol. 38. P. 1126–1159.
23. Forsander A., Salmenhaara P., Melegh A., Kondrateva E. Economy, Ethnicity and International Migration: The Comparison of Finland, Hungary and Russia // Finnish Yearbook of Population Research. 2007. Vol. 43. P. 85–113.
24. Georgas J., Papastylianou D. Acculturation and Ethnic Identity: The Remigration of Ethnic Greeks to Greece // Key Issues in Cross-Cultural Psychology / H. Grad, A. Blanco, J. Georgas (eds.). Lisse; Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1998. P. 114–127.
25. Guthrie G.M., Tanco P.P. Alienation // Handbook of Cross-Cultural Psychology / H.C. Triandis, J.G. Draguns (eds.). Boston: Allyn & Bacon Inc, 1980. P. 9–61.
26. Haberfeld Y., Semyonov M., Cohen Y. Ethnicity and Labour Market Performance among Recent Immigrants from the Former Soviet Union to Israel // European Sociological Review. 2000. Vol. 16(3). P. 287–299.
27. Hou F., Beiser M. Learning the Language of a New Country: A Ten-Year Study of English Acquisition by South-East Asian Refugees in Canada // International Migration. 2006. Vol. 44. P. 135–165.
28. Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // Structural Equation Modeling. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55.
29. Jasinskaja-Lahti I. Long-term Immigrant Adaptation: Eight-year Follow-up Study among Immigrants from Russia and Estonia Living in Finland // International Journal of Psychology. 2008. Vol. 43(1). P. 6–18.
30. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and Context in the Relationship between Acculturation Attitudes and Adaptation among Russian-Speaking Immigrants in Finland and Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37(9). P. 1423–1440.
31. Kanungo R.N. The Concepts of Alienation and Involvement Revisited // Psychological Bulletin. 1979. Vol. 86. P. 119–138.
32. Kogan I. Labor Market and Economic Incorporation among Recent Immigrants in Europe // Social Forces. 2006. Vol. 85. P. 697–721.
33. Kuhlman T. The Economic Integration of Refugees in Developing Countries: A Research Model // Journal of Refugee Studies. 1991. Vol. 4. P. 1–20.
34. Laroche M., Kim C., Hui M., Tomiuk M. Test of a Nonlinear Relationship between Linguistic Acculturation and Ethnic Identification // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1998. Vol. 29(3). P. 418–433.
35. Leong C.H. Social Markers of Acculturation: A New Research Framework on International Adaptation // International Journal of Intercultural Relations. 2014. Vol. 38(1). P. 120–132.
36. Levanon A. Economic Adaptation of Immigrants: A Comparative Approach: Ph.D. dissertation, Stanford University. CA, USA, 2009. 166 p.
37. Logan J., Richard R., Alba D., Stults B.J. Enclaves and Entrepreneurs: Assessing the Payoff for Immigrants and Minorities // International Migration Review. 2003. Vol. 37. P. 344–388.
38. Mak A. From Elites to Strangers: Employment Coping Styles of Hong Kong Immigrants // Journal of Employment Counseling. 1991. Vol. 28. P. 144–156.
39. Maertz C.P.Jr., Hassan A., Magnusson P. When Learning is Not Enough: A Process Model of Expatriate Adjustment as Cultural Cognitive Dissonance Reduction // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2009. Vol. 108. P. 66–78.

40. *Model S., Lapido D.* Context and Opportunity: Minorities in London and New York // *Social Forces*. 1996. Vol. 75. P. 485–510.
41. *Naumann L.P., Benet-Martinez V., Espinoza P.* Predictors of Political Orientation among US-born Mexican Americans: Cultural Identification, Acculturation Attitudes and Socioeconomic Status // *GRITIM-UPF Working Papers*. 2013. P. 1–27.
42. *Navas M., Garcia M.C., Sanchez J., Rojas A.J., Pumares P., Fernandez J.S.* Relative Acculturation Extended Model (RAEM): New Contributions with Regard to the Study of Acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 21–37.
43. *Nesdale D., Mak A.* Ethnic Identification, Self-Esteem and Immigrant Psychological Health // *International Journal of Intercultural Relations*. 2003. Vol. 27. P. 23–40.
44. *Nguyen A.-M.D., Benet-Martinez V.* Biculturalism is Linked to Adjustment: A Meta-Analysis // *Journal of Cross-cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. P. 122–159.
45. *Portes A., Rumbaut R.G.* *Immigrant America: A Portrait*. (3rd Ed). Berkeley, CA: University of California Press. 2006. 496 p.
46. *Portes A., Zhou M.* The New Second Generation: Segmente Assimilation and Its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530. P. 74–96.
47. *Potocky-Tripodi M.* The Role of Social Capital in Immigrant and Refugee Economic Adaptation // *Journal of Social Service Research*. 2004. Vol. 31(1). P. 59–91.
48. *Pugh S.D., Groth M., Hennig-Thurau T.* Willing and Able to Fake Emotions: A Closer Examination of the Link between Emotional Dissonance and Employee Well-Being // *Journal of Applied Psychology*. 2010. Vol. 96. P. 377–390.
49. *Richmond A.H.* *Aspects of the Absorption and Adaptation of Immigrants*. Ottawa: Manpower and Immigration. 1974. 51 p.
50. *Richmond A.H.* *Caribbean Immigrants: A Demographic Economic Analysis*. Ottawa: Supply and Services Canada. 1989. 85 p.
51. *Samnani A.K., Boekhorst J.A., Harrison J.A.* Acculturation Strategy and Individual Outcomes: Cultural Diversity Implications for Human Resource Management // *Human Resource Management Review*. 2012. Vol. 22(4). P. 323–335.
52. *Sanders J.M., Nee V.* Limits of Ethnic Solidarity in the Enclave Economy // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52. P. 745–773.
53. *Scott W.A., Scott R.* Adaptation of Immigrant and Native Australians // *Australian Psychologist*. 1991. Vol. 26. P. 43–48.
54. *Sellers R.M., Smith M.A., Shelton J.N., Rowley S.A.J., Chavous T.M.* Multidimensional Model of Racial Identity: A Reconceptualization of African American Racial Identity // *Personality and Social Psychology Review*. 1998. Vol. 2. P. 18–39.
55. *Starr P.D., Roberts A.E.* Community Structure and Vietnamese Refugee Adaptation: The Significance of Context // *International Migration Review*. 1982. Vol. 16. P. 595–609.
56. *Swan N., Auer L., Chenard D., dePlaa A., deSilva A., Palmer D., Serjak J.* *Economic and Social Impacts of Immigration*. Ottawa: Economic Council of Canada. 1991. 100 p.
57. *Tartakovsky E.* Cultural Identities of Adolescent Immigrants: A Three-Year Longitudinal Study Including the Pre-Migration Period // *Journal of Youth and Adolescence*. 2009. Vol. 38(5). P. 654–671.
58. *Tartakovsky E.* Factors Affecting Immigrants' Acculturation Intentions: A Theoretical Model and its Assessment among Adolescent Immigrants from Russia and Ukraine in Israel // *International Journal of Intercultural Relations*. 2012. Vol. 36. P. 83–99.
59. *Thomas D.* *Immigrant Integration and Canadian Identity*. Ottawa: Employment and Immigration Canada. 1990. 28 p.
60. *Thomas D.* The Social Integration of Immigrants in Canada // *The Immigration Dilemma* / S. Gliberman (ed.). Vancouver: The Fraser Institute. 1992. P. 211–260.
61. *Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B., Garcia W., Write T.J., Oetzel J.G.* Ethnic/CIS and Conflict Styles in Four US Ethnic Groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. Vol. 24. P. 47–81.
62. *Van Tubergen F.* The Integration of Immigrants in Cross-National Perspective. Ph.D. dissertation, Interuniversity Center for Social Science Theory and Methodology. Utrecht, Netherlands, 2004. 170 p.
63. *Van Tubergen F., Maas I., Flap H.* The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination, and Community Effects // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. P. 704–727.
64. *Verkuyten M., Yildiz A.A.* National (Dis)Identification and Ethnic and Religious Identity: A Study among Turkish-Dutch Muslims // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. P. 1448–1462.
65. *Waldinger R.* *Still the Promised City? African Americans and New Immigrants in Postindustrial*. N.Y., Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
66. *Ward C.* Acculturation and Social Cohesion: Emerging Issues for Asian Immigrants in New Zealand // *Intercultural relations in Asia: Migration and Work Effectiveness* / C.H. Leong, J.W. Berry (eds.). Singapore: World Scientific, 2009. P. 3–24.
67. *Ward C.* Probing Identity, Integration and Adaptation: Big Questions, Little Answers // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 391–404.
68. *Ward C., Bochner S., Furnham A.* *The Psychology of Culture Shock* (2nd Ed.). Hove. UK: Routledge, 2001. 367 p.
69. *Ward C., Kus L.* Back to and Beyond Berry's Basics: The Conceptualization, Operationalization and Classification of Acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2012. Vol. 36. P. 472–485.
70. *Ward C., Rana-Deuba R.* Acculturation and Adaptation Revisited // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1999. Vol. 30 (4). P. 422–442.
71. *Winter-Ebmer R.* Motivation for Migration and Economic Success // *Journal of Economic Psychology*. 1994. Vol. 12. P. 269–284.
72. *Wong W.K.F., Chou K.L., Chow N.W.S.* Correlates of Quality of Life in New Migrants to Hong Kong from Mainland China // *Social Indicators Research*. 2012. Vol. 107(2). P. 373–391.
73. *Wong K.F.E., Yik M., Kwong J.Y.Y.* Understanding the Emotional Aspects of Escalation of Commitment: The Role of Negative Affect // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol. 91. P. 282–297.

Relationship between Ethnic Identification and Acculturation Attitudes of Immigrants with Level of Their Socio-Economic Adaptation

D.S. Grigoryev*

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia,
dgrigoryev@hse.ru

This article describes the construction and testing of theoretical model of socio-economic adaptation (SEA) of immigrants considering psychological factors as the basic ones. In the analysis of previous studies acculturation attitudes of immigrants were identified as key psychological factors of SEA for the construction of the theoretical model; length of stay in the country and language skills were used as control variables; the characteristics of ethnic identity were used as predictors of acculturation attitudes. We carried out the survey of Russian-speaking immigrants in Belgium for verification of our model. Next we used path analysis for testing of the model on the data obtained. According to the study, we found that (1) acculturation attitudes of immigrants associated to their level of SEA themselves regardless of length of stay in the country and their language skills; (2) high level of SEA of immigrants is positively associated with orientation to the host society (integration and assimilation), and negative associated with orientation to their ethnic group (separation); (3) strong ethnic identification may facilitate the orientation of immigrants to their ethnic group and prevent assimilation.

Keywords: socio-economic adaptation, acculturation of migrants, migrants, ethnic identity, attitudes.

Funding

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2015.

References

1. Grigor'ev D.S. Vliyaniye vyrazhennosti etnicheskoy identichnosti na vybor migrantami ikh akkul'turatsionnoy ustanovki [Influence of the Salience of Ethnic Identity on Choice Migrant's Acculturation Attitude]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology]*, 2015, no. 1 (in press)

2. Grigor'ev D.S. Faktory sotsioekonomicheskoy adaptatsiya migrantov [Factors of Socio-Economic Adaptation of Migrants]. In Gritsenko V.V. (ed.) *Teoreticheskie problemy etnicheskoy i kross-kul'turnoy psikhologii [Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology]*. Smolensk: Publ. Smolenskiy gumanitarnyy universitet, 2014, pp. 70–73.

3. Grigor'ev D.S. Etnosotsial'nyy kapital migrantov kak faktor ikh sotsioekonomicheskoy adaptatsii [Ethnic Social Capital of Migrants as a Factor of Their Socio-Economic Adaptation]. *Psikhologo-ekonomicheskie i etnokul'turnye resursy uluchsheniya mezhnatsional'nykh otnosheniy v rossiyskikh regionakh. [Psychological, economic, and ethnocultural resources to improve international relations in the Russian regions]*. Irkutsk: Publ. IGU, 2014, pp. 408–413.

4. Grigor'ev D.S. Yazykovye navyki migrantov kak faktor ikh sotsioekonomicheskoy adaptatsii [Language Skills of Migrants as a Factor of Their Socio-Economic Adaptation]. *Pozitivnyy opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh RF. [The Positive Experience of Regulation of Ethno-Social and Ethno-Cultural Processes in the Regions of the Russian Federation]*. Kazan: Publ. Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2014, pp. 362–366.

5. Lebedeva N.M. Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu vzaimnykh ustanovok i strategiy mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii [Theoretical Approaches to the Study of the Mutual Attitudes and Strategies of Intercultural Interaction of Migrants and the Population of Russia]. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii [Strategy of Intercultural Interaction of Migrants and the Population of Russia]*. Moscow: Publ. RUDN, 2009, pp. 10–63.

6. Lepshokova Z.Kh. Vzaimosvyaz' kharakteristik etnicheskoy i grazhdanskoy identichnosti s akkul'turatsionnymi strategiyami migrantov [Interconnection between Ethnic and Civic Identity Characteristics and Acculturation Strategies of Migrants]. In Gritsenko V.V. (ed.) *Teoreticheskie problemy etnicheskoy i kross-kul'turnoy psikhologii [Theoretical Problems*

For citation:

Grigoryev D.S. Relationship between Ethnic Identification and Acculturation. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 71–85. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Grigoryev Dmitry Sergeevich, Intern researcher, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research of the Expert Institute of the National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia. dgrigoryev@hse.ru

of *Ethnic and Cross-Cultural Psychology*]. Smolensk: Publ. Madzhenta, 2012, pp. 107–111.

7. Ryabichenko T.A. Svyaz' individual'nykh tsennostey i strategiy akkul'turatsii etnicheskikh men'shinstv [Relationship between Individual Values and Strategies of Acculturation of Ethnic Minorities]. *Na perekrestke migratsii: ot teoreticheskikh modeley k prakticheskim resheniyam*. [At the Crossroads of Migration: From Theoretical Models to Practical Solutions]. Moscow: Publ. MGPPU, 2013, pp. 81–83.

8. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Metody etnicheskoy i krosskul'turnoy psikhologii. [Methods of Ethnic and Cross-Cultural Psychology]. Moscow: NIU VShE, 2011, 238 p.

9. Alba R.D., Nee V. Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003, 359 p.

10. Arends-Toth J.V., van de Vijver F.J.R., Poortinga Y.H. The Influence of Method Factors on the Relation between Attitudes and Self-Reported Behaviors in the Assessment of Acculturation. *European Journal of Psychological Assessment*, 2006. Vol. 22, pp. 4–12.

11. Aycan Z., Berry J.W. Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1996. Vol. 28, pp. 240–251.

12. Benish-Weisman M., Shye S. Life Quality of Russian Immigrants to Israel: Patterns of Success and of Unsuccess. *Social Indicators Research*, 2011. Vol. 101, no. 3, pp. 461–479.

13. Besevegis E., Pavlopoulos V. Acculturation Patterns and Adaptation of Immigrants in Greece. *Psychosocial Stress in Immigrants & in Members of Minority Groups as a Factor of Terrorist Behavior*, 2008. Vol. 40, no. 1, pp. 23–34.

14. Berry J.W. Contexts of Acculturation. In Berry J.W., Phinney L.S., Sam D.L., Vedder P. (eds.) *Immigrant Youth in Cultural Transition*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006, pp. 27–42.

15. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997. Vol. 46, no. 1, pp. 5–68.

16. Berry J.W., Kim U. Acculturation and Mental Health. In Dasen P., Berry J.W., Sartorius N. (eds.) *Health and Cross-Cultural Psychology: Towards Applications*. Beverly Hills: Sage, 1988, pp. 207–236.

17. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 2006. Vol. 55, pp. 303–332.

18. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications* (2nd Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 626 p.

19. Borjas G.J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants. *Journal of Labor Economics*, 1985. Vol. 3, no. 4, pp. 463–489.

20. Constant A.F., Zimmermann K.F. Measuring Ethnic Identity and its Impact on Economic Behavior. *Journal of the European Economic Association*, 2008. Vol. 6, no. 2–3, pp. 424–433.

21. Dovidio J.F., Esses V.M. Immigrants and Immigration: Advancing the Psychological Perspective. *Journal of Social Issues*, 2001. Vol. 57, pp. 375–387.

22. Esser H. Does the New Immigration Require a New Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*, 2004. Vol. 38, pp. 1126–1159.

23. Forsander A., Salmenhaara P., Melegh A., Kondratova E. Economy, Ethnicity and International Migration: The Comparison of Finland, Hungary and Russia. *Finnish Yearbook of Population Research*, 2007. Vol. 43, pp. 85–113.

24. Georgas J., Papastyliaou D. Acculturation and Ethnic Identity: The Remigration of Ethnic Greeks to Greece. In Grad H., Blanco A., Georgas J. (eds.) *Key Issues in Cross-Cultural Psychology*. Lisse, Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1998, pp. 114–127.

25. Guthrie G.M., Tanco P.P. Alienation. In Triandis H.C., Draguns J.G. (eds.) *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Boston: Allyn & Bacon Inc., 1980, pp. 9–61.

26. Haberfeld Y., Semyonov M., Cohen Y. Ethnicity and Labour Market Performance among Recent Immigrants from the Former Soviet Union to Israel. *European Sociological Review*, 2000. Vol. 16, no. 3, pp. 287–299.

27. Hou F., Beiser M. Learning the Language of a New Country: A Ten-Year Study of English Acquisition by South-East Asian Refugees in Canada. *International Migration*, 2006. Vol. 44, pp. 135–165.

28. Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55.

29. Jasinskaja-Lahti I. Long-term Immigrant Adaptation: Eight-year Follow-up Study among Immigrants from Russia and Estonia Living in Finland. *International Journal of Psychology*, 2008. Vol. 43, no. 1, pp. 6–18.

30. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and Context in the Relationship between Acculturation Attitudes and Adaptation among Russian-Speaking Immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. Vol. 37, no. 9, pp. 1423–1440.

31. Kanungo R.N. The Concepts of Alienation and Involvement Revisited. *Psychological Bulletin*, 1979. Vol. 86, pp. 119–138.

32. Kogan I. Labor Market and Economic Incorporation among Recent Immigrants in Europe. *Social Forces*, 2006. Vol. 85, pp. 697–721.

33. Kuhlman T. The Economic Integration of Refugees in Developing Countries: A Research Model. *Journal of Refugee Studies*, 1991. Vol. 4, pp. 1–20.

34. Laroche M., Kim C., Hui M., Tomiuk M. Test of a Nonlinear Relationship between Linguistic Acculturation and Ethnic Identification. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1998. Vol. 29, no. 3, pp. 418–433.

35. Leong C.H. Social Markers of Acculturation: A New Research Framework on International Adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2014. Vol. 38, no. 1, pp. 120–132.

36. Levanon A. Economic Adaptation of Immigrants: A Comparative Approach. Ph.D. dissertation, Stanford University, CA, USA, 2009, 166 p.

37. Logan J., Richard R., Alba D., Stults B.J. Enclaves and Entrepreneurs: Assessing the Payoff for Immigrants and Minorities. *International Migration Review*, 2003. Vol. 37, pp. 344–388.

38. Mak A. From Elites to Strangers: Employment Coping Styles of Hong Kong Immigrants. *Journal of Employment Counseling*, 1991. Vol. 28, pp. 144–156.

39. Maertz C.P. Jr., Hassan A., Magnusson P. When Learning is Not Enough: A Process Model of Expatriate Adjustment as Cultural Cognitive Dissonance Reduction. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2009. Vol. 108, pp. 66–78.

40. Model S., Lapido D. Context and Opportunity: Minorities in London and New York. *Social Forces*, 1996. Vol. 75, pp. 485–510.

41. Naumann L.P., Benet-Martinez V., Espinoza P. Predictors of Political Orientation among US-born Mexican

Americans: Cultural Identification, Acculturation Attitudes and Socioeconomic Status. *GRITIM-UPF Working Papers*, 2013. pp. 1–27.

42. Navas M., Garcia M.C., Sanchez J., Rojas A.J., Pumares P., Fernandez J.S. Relative Acculturation Extended Model (RAEM): New Contributions with Regard to the Study of Acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005. Vol. 29, pp. 21–37.

43. Nesdale D., Mak A. Ethnic Identification, Self-Esteem and Immigrant Psychological Health. *International Journal of Intercultural Relations*, 2003. Vol. 27, pp. 23–40.

44. Nguyen A.-M.D., Benet-Martinez V. Biculturalism is Linked to Adjustment: A Meta-Analysis. *Journal of Cross-cultural Psychology*, 2013. Vol. 44, pp. 122–159.

45. Portes A., Rumbaut R.G. *Immigrant America: A Portrait*. (3rd Ed). Berkeley, CA: University of California Press, 2006, 496 p.

46. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segment Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993. Vol. 530, pp. 74–96.

47. Potocky-Tripodi M. The Role of Social Capital in Immigrant and Refugee Economic Adaptation. *Journal of Social Service Research*, 2004. Vol. 31, no. 1, pp. 59–91.

48. Pugh S.D., Groth M., Hennig-Thurau T. Willing and Able to Fake Emotions: A Closer Examination of the Link between Emotional Dissonance and Employee Well-Being. *Journal of Applied Psychology*, 2010. Vol. 96, pp. 377–390.

49. Richmond A.H. *Aspects of the Absorption and Adaptation of Immigrants*. Ottawa: Manpower and Immigration, 1974, 51 p.

50. Richmond A.H. *Caribbean Immigrants: A Demographic and Economic Analysis*. Ottawa: Supply and Services Canada, 1989, 85 p.

51. Samnani A.-K., Boekhorst J.A., Harrison J.A. Acculturation Strategy and Individual Outcomes: Cultural Diversity Implications for Human Resource Management. *Human Resource Management Review*, 2012. Vol. 22, no. 4, pp. 323–335.

52. Sanders J.M., Nee V. Limits of Ethnic Solidarity in the Enclave Economy. *American Sociological Review*, 1987. Vol. 52, pp. 745–773.

53. Scott W.A., Scott R. Adaptation of Immigrant and Native Australians. *Australian Psychologist*, 1991. Vol. 26, pp. 43–48.

54. Sellers R.M., Smith M.A., Shelton J.N., Rowley S.A.J., Chavous T.M. Multidimensional Model of Racial Identity: A Reconceptualization of African American Racial Identity. *Personality and Social Psychology Review*, 1998. Vol. 2, pp. 18–39.

55. Starr P.D., Roberts A.E. Community Structure and Vietnamese Refugee Adaptation: The Significance of Context. *International Migration Review*, 1982. Vol. 16, pp. 595–609.

56. Swan N., Auer L., Chenard D., dePlaa A., deSilva A., Palmer D., Serjak J. *Economic and Social Impacts of Immigration*. Ottawa: Economic Council of Canada, 1991, 100 p.

57. Tartakovsky E. Cultural Identities of Adolescent Immigrants: A Three-Year Longitudinal Study Including the Pre-Migration Period. *Journal of Youth and Adolescence*, 2009. Vol. 38, no. 5, pp. 654–671.

58. Tartakovsky E. Factors Affecting Immigrants' Acculturation Intentions: A Theoretical Model and its Assessment among Adolescent Immigrants from Russia and Ukraine in Israel. *International Journal of Intercultural Relations*, 2012. Vol. 36, pp. 83–99.

59. Thomas D. *Immigrant Integration and Canadian Identity*. Ottawa: Employment and Immigration Canada, 1990, 28 p.

60. Thomas D. The Social Integration of Immigrants in Canada. In Gliberman S. (ed.) *The Immigration Dilemma*. Vancouver: *The Fraser Institute*, 1992, pp. 211–260.

61. Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B., Garcia W., Write T.J., Oetzel J.G. Ethnic/CIS and Conflict Styles in Four US Ethnic Groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 2000. Vol. 24, pp. 47–81.

62. van Tubergen, F. *The Integration of Immigrants in Cross-National Perspective*. Ph.D. dissertation, Interuniversity Center for Social Science Theory and Methodology. Utrecht, Netherlands, 2004.

63. van Tubergen F., Maas I., Flap H. The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination, and Community Effects. *American Sociological Review*, 2004. Vol. 69, pp. 704–727.

64. Verkuyten M., Yildiz A.A. National (Dis) Identification and Ethnic and Religious Identity: A Study among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007. Vol. 33, pp. 1448–1462.

65. Waldinger R. *Still the Promised City? African Americans and New Immigrants in Postindustrial New York*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

66. Ward C. Acculturation and Social Cohesion: Emerging Issues for Asian Immigrants in New Zealand. In Leong C.-H., Berry J.W. (eds.) *Intercultural relations in Asia: Migration and Work Effectiveness*. Singapore: World Scientific, 2009, pp. 3–24

67. Ward C. Probing Identity, Integration and Adaptation: Big Questions, Little Answers. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 391–404.

68. Ward C., Bochner S., Furnham, A. *The Psychology of Culture Shock* (2nd Ed.). Hove, UK: Routledge, 2001, 367 p.

69. Ward C., Kus L. Back to and Beyond Berry's Basics: The Conceptualization, Operationalization and Classification of Acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2012. Vol. 36, pp. 472–485.

70. Ward C., Rana-Deuba R. Acculturation and Adaptation Revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1999. Vol. 30, no. 4, pp. 422–442.

71. Winter-Ebmer R. Motivation for Migration and Economic Success. *Journal of Economic Psychology*, 1994. Vol. 12, pp. 269–284.

72. Wong W.K.F., Chou K.L., Chow, N.W.S. Correlates of Quality of Life in New Migrants to Hong Kong from Mainland China. *Social Indicators Research*, 2012. Vol. 107, no. 2, pp. 373–391.

73. Wong K.F.E., Yik M., Kwong J.Y.Y. Understanding the Emotional Aspects of Escalation of Commitment: The Role of Negative Affect. *Journal of Applied Psychology*, 2006. Vol. 91, pp. 282–297.

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА
PSYCHOLOGY OF ART

Театр и революция¹

Л.С. Выготский

1

У русского театра нет заслуг перед революцией. К стыду это или к чести — можно спорить, но это так. Стоит только вспомнить картину театральной жизни недавнего прошлого, чтобы убедиться в справедливости этого.

Речь идет не о том только, что театр наш накануне революции оставался совершенно вне политики в противоположность театру французскому, политическая роль которого очень значительна. Историки французской революции недаром уделяют столько внимания сцене, в известной мере подготовившей приход революции. Она была общественной трибуной, с которой задолго до взятия Бастилии раздавалось протестующее и призывное слово: она служила таким же проводником революционных идей, как и печатная брошюра, книжка журнала или агитационная речь оратора. Вместе со всеми и театр зажигал огни революции².

Не только в этом смысле ничего не дал русский театр: в своих творческих устремлениях он не выявил даже бледнейшей тени предчувствия того рокового, великого и страшного, что надвигалось, что было уже в пути, что стучалось в двери, и что очень скоро вышло за узкие пределы политики и захватило все области человеческой жизни и творческого духа.

То, что обычно называлось «кризисом театра»³, и что было в действительности изживанием и развалом старых форм театрального искусства, проявилось с наибольшей силой за время войны и, в особенности, накануне революции.

Последние достижения натуралистического театра (то, что Станиславский назвал «душевым натурализмом»⁴) привели в безысходный тупик психологического эксперимента, где кончается всякое искусство⁵. Идеи банкротство и художественный крах декадентского, т. наз. условного или символического театра⁶, извратившего в угоду литературе самую природу театральной, обнаружили с непрекаемой ясностью. Безудержный импрессионизм, старающийся играть какими угодно средствами на впечат-

лительности зрителя, расплывший драматическое действие в «настроение» («драма только лирика, случайно отлившаяся в форму диалога»⁷), да еще эпигонство старой славной традициями, но бедной творческими силами реалистической сцены⁸ дополняют картину развала серьезного театра.

И суровый приговор Ал. Блока, прознесенный им над драматургами, справедливо распространить на всех художников театра: они «низошли в наши будни, разучились будить высокие чувства, охладели к театральному действию и углубились в безысходную психологию»⁹.

Если прибавить к этому небывалое процветание кабаре, театров миниатюр (что стало преобладающим типом театра) станет вполне ясен увеселительный характер театральных зрелищ, которые недаром назывались «развлечениями». Нигде, ни в одной другой области искусства идейный маразм военного времени со всеми его ужасными порождениями не отразился в такой мере, как в театре.

И бесконечные слова о кризисе, и теории, теории, теории. Крайние точки этой театральной словесности: отрицание театра Айхенвальда¹⁰ и «театр для себя» Евреинова¹¹. Дальше идти некуда.

Достаточно вспомнить одни имена всех этих бесцветных, пустых и ничтожных пьес, которыми мы жили накануне: «Вера Мирцева»¹², «Враги»¹³, «Ложь»¹⁴, «Хищница»¹⁵, «Благодать»¹⁶. И многие, и многие... Серое, серое.

2

Но революция, вызвавшая такие глубокие изменения во всем строе жизни, — что дала она театру?

Пока ничего. Или почти ничего.

Прежде всего, принесла она ему раскрепощение и свободу от цензурных запретов. И первая, кто воспользовалась этой свободой, была обнаженная Леда Каменского¹⁷. Потом репертуар серьезного театра постепенно «обогащался» ранее запрещенными пьеса-

Для цитаты:

Выготский Л.С. Театр и революция // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 86–90.

ми. «К представлению не дозволено» — это теперь была хорошая марка для пьесы. Были поставлены «Павел I» Мережковского¹⁸, «Царь Иудейский» К.Р.¹⁹, шедший ранее только в придворном эрмитажном театре, запрещенный по религиозным мотивам; провинция увидела «Анатему»²⁰ Л. Андреева. И еще кое-что. Существенно нового для искусства театра во всех этих пьесах ничего не оказалось, и первый дар свободы был не то чтобы уж очень значителен.

Здесь, кстати, уместно упомянуть, что за время революции театр опять узнал, что такое «к представлению не дозволено». После октябрьского переворота были неоднократные случаи запрещения пьес, как «явно направленных против существующего строя» или «несоответствующих политическому моменту». (Напр., запрещение Литейному театру в Петербурге ставить комедию Сарду «Коммивояжер свободы»).

Пожалуй, более крупным событием, потому что более действенным, оказалось развитие национального театра меньшинств²¹, напр., украинского. Этот, бывший до революции в загоне, влачивший жалкое существование театр широко использовал открывшиеся возможности строительства. Открылся ряд украинских театров (Киев, Москва), в том числе одно время и государственный. Наряду с национально-бытовым возник и новаторский «Молодой Театр»²², в репертуар которого вошли пьесы Софокла, Грильпарцера, Шиллера, Шекспира, Ибсена, Мольера и Винниченко, Олеса, Леси Украинки. Украинское национальное искусство соединилось с новыми театральными приемами на почве форм и идей, выработанных украинским историческим прошлым.

Третьим и наиболее значительным изменением, вызванным революцией в театре, несомненно, надо признать то обстоятельство, что в театр пришел новый зритель. Спору нет, искусство внеклассовое. Но настоящее, подлинное искусство. Мы же знаем и другое «искусство» с явно классовым отпечатком. И в театре больше, чем в какой-либо другой области, оно было накануне революции охвачено знаком вызвавшего его к жизни класса, оно было в известной своей части буржуазным в худшем смысле этого слова; и театры, бывшие, прежде всего, крупными коммерческими предприятиями, отвечали вкусам заказчиков и потребителей. Теперь искусство театра, более чем всякое другое, встретилось с другим потребителем. Оно пошло вширь. Открытие целого ряда рабочих театров, изменение состава публики в уже существующих — все это факты огромной значительности, влияние которых пока еще не может быть учтено с достаточной точностью, но в которых таится зерно будущей театральной революции²³.

Правда, до сих пор это было только движением театрального искусства вширь, но не вглубь, как и чрезвычайное развитие театрального образования: открытие целой сети студий («Студия опытов»), рабочих оперных, драматических, балетных школ, школ пластики, художественное образование артистов арены и открытой сцены, издание книг и журналов по вопросам театра.

Вот, пожалуй, все, чем революция одарила театр, если не считать всех тех мелких фактиков, чисто внешних изменений, которые усиленно собирались театральной прессой: императорские театры стали государственными; изменилось управление, — появились комитеты, художественные советы, новые государственные органы, ведающие делом театра, много сделано в области профессионального объединения труженников сцены. Но что все это театру, как таковому? То же, что и жалобы на падение дисциплины в хоре и оркестре, который, по выражению одного из дирижеров, «может сыграть Парсифаля с листа» да еще снятие «Жизни за царя» (предполагалось изменить либретто в «Смерть Сусанина»)²⁴; вместо гимна «Боже царя храни» — Марсельеза и Интернационал и Шаляпинская «Дубинушка».

Все это и не затронуло вовсе театра, который при множестве перемен остался под новыми именами и при новых управляющих тем же, что был и раньше.

3

Напрасно вы стали бы искать в театре революционного времени того, что Гамлет в речи к актерам назвал «складом, формой и отпечатком эпохи»²⁵. Вы опять наткнулись бы на одни внешние и незначительные следы современности в театре.

Чем откликнулся театр на революцию? «Крахом Торгового дома Романов и К-о»²⁶, бесконечной макулатурой, грязной и бездарной волной, которая залила подмостки театров миниатюр, где одно имя Распутина было признаком и гарантией занимательного зрелища²⁷. Потом назидательно-разоблачительный «Дезертир»²⁸, политическая сатира в куплетах и обозрениях, имитация героев революции. Но самого театра не коснулось веяние современности — в худшем газетном и уличном смысле политической злобы дня, — то трагическое веяние, от которого не ушел никто и которое задело творческий дух художников других искусств. Искусство только часть жизни, а художник питается современностью, как все мы — «зрители высоких зрелищ — роковых минут мира»²⁹. Между тем жизнь сцены ни в малейшей степени не прониклась тем, от чего не могло уйти живое искусство. Тот же репертуар, те же постановки. По-прежнему увлекался зритель балетом, и старый набивший оскомину репертуар драматического театра оказался совершенно неприступной и запрещенной от всяких ударов цитаделью.

Напрасно правительственный комиссар по делам искусства В. Фриче³⁰ рекомендовал ставить только «пьесы, способные закалить бунтарский дух, поднять революционную волю, закрепить социалистическое мировоззрение зрителей» («Революционный театр»), пытался создать театр определенного политического направления, тенденциозный³¹.

Из старого репертуара выбирались пьесы социального характера: напр., Художественный театр и его Студия³² ставили усиленно «На дне»³³ и «Гибель Надежды»³⁴ Гейерманса. Или «Ткачи»³⁵ Гауптмана, его

же «Бобровая шуба»³⁶ и др. Революционные пьесы представлены иностранными авторами. В Москве с успехом шла «современная» трагедия из эпохи французской революции К. Бюхнера «Смерть Дантона»³⁷ в переделке и переводе Ал.Н. Толстого. Пьеса эта нередко вызывала истерику в зрительном зале (сцена казни) благодаря чрезвычайной ее «современности»³⁸ и разыгрывалась на нервах зрителей, соответственно настроенных улицей. Намечено к постановке было «Взятие Бастилии»³⁹. Комедия обогатилась постановками (Петербург, Киев) пьесы Сарду «Коммивояжер свободы»⁴⁰, высмеивающей революцию в Монако, где ее делают только потому, что так везде делается.

И сатирическое, и трагическое освещение революции нашел театр в иностранных пьесах. И современность шла из зрительного зала на сцену, та в худшем смысле слова современность, которая сказала и в игре артистов, и в постановках. Фразы о «явном превосходстве монархии» зритель встречает аплодисментами, и актер произносит не без расчета на политический момент (Киев)⁴¹, «товарищи» звучит и принимается как высшая степень издевки над революцией («Коммивояж.»). Бедная сатира. Бедный зритель: он в жажде и погоне за современностью осивистывал вначале⁴² «фараонов» в «На дне», потом устраивал овации городовому в «Днях вашей жизни» — в тоске по твердой власти⁴³.

И можно было бы сказать, что драматическая литература, значит, и театр в том виде, в каком мы его знаем, т.е. непосредственно зависимый от нее, были глухи к современности, если не считать произведений двух поэтов-футуристов: переделанной для сцены поэмы Вас. Каменского «Стенька Разин»⁴⁴, где едва ли отпечатался и нашел свое выражение подлинный дух времени, где он был скорее притянут и пришит, и «Мистерия-буфф» Вл. Маяковского⁴⁵.

Но о «Мистерии» следует говорить особо.

4

«Мистерия-буфф», героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи⁴⁶, сделанное Владимиром Маяковским в 1918 г. — это ли не самая современная современность? И в самом деле, «Мистерия» вся от начала до конца родилась из духа современности.

Славим
Восстаний,
Бунтов,
революций день —
тебя,
идуший, черепа можжа!

Это из пролога, но у каждой строки пьесы «по жилам бунта бес снует, бунта вечного дух непреклонный», она — законное детище революции. То же и в отношении чисто театрального.

Там
в гардеробах театров
блестки оперных этуалей
да плащ мефистофельский —
все, что есть там!

<...>

Нам место!
Сегодня
над пылью театров
наш загорится девиз:
«Все заново!»
Стой и дивись!
Занавес!

(Раздирают занавес, замалеванный реликвиями старого театра)

Все заново: мистерия буфф!⁴⁷

Действуют «семь пар чистых» (абиссинский негус, индийский раджа, турецкий паша, немецкий и итальянский офицеры, наш купец, студент и др.), и «семь пар нечистых» (трубочист, фонарщик, швея, кузнец, плотник и др.), дама-истерика, черти, святые, вещи: машина, хлеб, пила; человек просто. Место первого действия: вся вселенная. По канатам долгот и широт сваливаются, спасаются на северный полюс от потопа все — австралийцы, негус, раджа, офицер итальянский и немецкий. Всемирный потоп: утонули Персия, Китай, Турция, Париж, Европа. Семь пар чистых и семь пар нечистых решают построить ковчег, чтобы спастись от потопа. Нечистые строят ковчег. Второе действие на ковчеге. Чистые выбирают негуса царем. Но негус один обжирается всем, съедает все, на что метили и остальные чистые. Чистые вызывают из трюма нечистых и устраивают революцию, негуса выбрасывают за борт. «Ура Учредительному Собранию». Вместо царя — демократическая республика. Но нечистые убеждаются, что это еще хуже прежнего:

Раньше жрал один рот, а теперь
обжирают ротой
Республика-то оказалась тот же царь,
да только сторотый.

Новый мятеж. Всех чистых выбрасывают за борт. Нечистые одни. Перед ними встает призрак голода. Но они твердо надеются доплыть до Арарата. Пловцы замечают «человека просто», идущего по волнам. Это «идеальный человек», который пришел возвестить новую проповедь нагорную, откровение человека.

В ваши мускулы
я себя одеть
пришел.
Готовьте тела колонны

И человек исчезает: каждому кажется, что этот «дух неვნемный» вселился в него. Он возвестил, что «Араратов нету, приснились во сне. И если гора не идет к Магомету — то и черт с ней!» Через тучи зовет он идти в землю обетованную. Третье действие — путь в землю обетованную — через ад, где нечистые ужасают чертей земной жутью.

Твой глупый ад все равно что мед нам: человечиною, которую перегоняют в шоколад, окопами и пулеметным огнем; через рай, где нечистых угощают бутафорией и ломтиками нарезанного облачного хлеба, гостей, жаждущих в раю увидеть стул и что-нибудь посущественней.

III картина — на земле обетованной, которая оканчивается не то Вознесенском, не то Манчестером, или Шуйей, но землей знакомой. Рай оказывается тут

же под боком, «земля кругла». В земле обетованной:
бутыли горящие ходят, булкая...

Дерево цветет,
да не цветком, а булкою!

Там встречаются их вещи, с которыми рабочие за-
ключают договор:

Товарищи вещи,
знаете что?

Довольно судьбу пытаться!
Давайте, мы будем вас делать,
а вы нас питать.

И заканчивается мистерия так:

Хлебьтесь, поля!
Дымьтесь, фабрики
Славься!

Сияй!
Солнечная наша

Коммуна!

Написана пьеса обычным языком Маяковского. Есть пафос ужаса в сцене ада, в словах о земной жути; есть юмор в сатирическом изображении рая и смены царя и республики на ковчеге; есть героические ноты в прологе и в проповеди, и в речах нечистых. Но есть много и газетно-злободневного: все эти «совнебо»⁴⁸.

Товарищи!
Это нож в спину!
И вилка!

Есть аллегоричность и тенденциозность в пьесе — невыносимые на сцене. Этот всемирный потоп — символ социальной революции; этот интернационал чистых; эти слова о том, что «пролетариату терять нечего», переложенные в стихи, это противопоставление плачу о родине:

По свету всему гоняться
Привык наш бродячий народина.
Мы никаких наций:
Труд наш — наша родина.

И все, что есть в пьесе от мистерии — мировой социальной революции от начала и до апофеоза — неудачно, от ума написано а these⁴⁹. Прозрачно-аллегорично. Не все удачно и то, что от буффа. Но многое запомнится:

Обещали и делим поровну
одному бублик, другому дырка
от бублика.
Это и есть демократическая
республика..

Есть грубая сила в примитивности идеологической стороны пьесы.

Новое Евангелие и Коран:

Нам надоели небесные сласти —
хлебище дайте жрать ржаной!
Нам надоели бумажные страсти —
дайте жить с живой женой.

Или из проповеди человека:

Судите сами: Христово небо ль,
евангелистов голодное небо ли?
В раю моем залы ломит мебель,
услуг электрических покой фешенебелен.

Эта бедность духа — дерево с булкой! — вот идеологическая сторона пьесы. Духа трагического нет в ней⁵⁰.

Н. Пунин назвал пьесу классической⁵¹. Бунтарство духа кончилось у Маяковского. Он же назвал ее самой веселой вещью в русской литературе после «Горя от ума».

Пьеса — неудачное творение Маяковского: веселые вещи не удаются ему. Есть веселые слова, стихи, сцены, характеристики: («поп-шкаф с бородой»), но в целом произведение неудачное.

В чисто театральном смысле — эта пьеса дает новое отдельными сторонами своими: самый стих ее, соединение мистерии с буффом было бы чрезвычайно значительно для театра, если бы мистерия не была так слаба.

5

Выводы?

Но прежде, чем делать выводы, нужно выяснить, чего, собственно, можно было ждать, что могло произойти в искусстве театра в связи с революцией.

Старый театр разлагался и умирал своей смертью. Только великие произведения искусства не умирают; только самое искусство вечно; формы искусства нарождаются и отмирают. Каждая эпоха имеет свой театр.

Второе: художники всех искусств — люди сегодняшнего дня. Их творчество не может не быть отмечено знаком современности, теснейшим образом не быть связанным с ней. Художник всегда творит новое, до него не бывшее; он не повторяет и не перепевает старого. А новый дух ищет новых форм для своего воплощения, как новое вино нельзя влить в мехи ветхие⁵².

И естественно было поэтому ожидать, что революция вызовет поворот в театре в двух направлениях. Первое: творческий отклик драматической литературы, и второе: ломка и перестроение самых форм театрального искусства.

Ведь случилось это в других областях искусства. Ведь не умолкли поэзия и живопись. Пусть можно спорить о достоинствах новых созданий, но ведь их глубокий интерес, их высокая значительность, их творческая напряженность — вне всяких сомнений.

Поэты создали ряд вещей, исполненных необычайной остроты. Живописцы вынесли свои кисти и краски на улицы и площади⁵³. Это они праздновали грандиозные народные празднества; это они вместо комнат и сцен декорировали площади, парки, проспекты, колонны.

Всего этого можно было ждать и в театре. «Революция вызвала большой поворот во всех областях творчества, а значит, и в области театрального искусства», — заявлял Озаровский⁵⁴, — «Театр, как явление суммарное, в противоположность элементарным явлениям, эволюционирует всегда последним» И, в самом деле, как мы видели, драматурги не создали ничего, если не считать «Мистерии». Не были продиктованы театру драматургией новые формы, новые приемы творчества. Не было создано нового репертуара.

Но даже репертуар старый мог быть по-новому использован театром. Великие создания искусства живут — это значит — они движутся и изменяются; неподвижное мертво. По-новому, иными глазами, иной ду-

шой смотрим мы на древние создания⁵⁵. Древнее изречение гласит: «Всякому, и юноше, и старцу Гомер дает столько, сколько они могут взять»⁵⁶. Прибавим и распространим: всякое истинное создание искусства дает каждому *то и так, что и как* он берет. Читатель и зритель *воссоздают* поэму, и трагедию, и статую. У каждой эпохи свой Гамлет. Само произведение только возможность, которую осуществляет своим творчеством зритель, читатель⁵⁷. «Нет Гамлета вообще, есть Гамлет мой, твой, Гервинуса, Мунэ-Сюлли» (А. Горнфельд)⁵⁸. Гамлет в постановке Шекспировского театра⁵⁹, Гамлет Крэга⁶⁰, Каратыгина⁶¹ — это все разные создания театра не в рабской зависимости от литературы.

И если в театр пришел новый зритель, если театр перестал обращаться к сидящим за буфетными столиками, если из комнат-студий и расширенных салонов-зал — двинулся на площадь, — можно было ждать появления нового приема в этом искусстве. Иначе говорят в зале или комнате⁶² и иначе на площади; иначе танцуют в балагане и иначе в гостиной. Можно было ждать перестройки театральных форм театра на котурнах, в маске и с рупором⁶³ — не в смысле возрождения технических приемов античного театра, а в смысле восприятия и усвоения его монументальной грандиозности, его величественной огромности — приподнятых, преувеличенных движений, возвышенного усиленного голоса, раскрашенного облика. Можно было ждать героического театра, человеческого множества взамен изображения того, как люди едят, пьют, любят, носят пиджаки⁶⁴ — взамен театра уединенной мечты.

Вместо этого: старые формы театра не только не уступают места новым, но, напротив, развиваются и увеличиваются. Москва увлекается Диккенсом⁶⁵. Необычайно распространяется искусство Московск. Худож. театра в том виде, в каком мы знаем его по работе Студии. Там искусство это идет не вперед, а назад, кристаллизуется в примитивы, разлагается на элементы — от сложного к простому. Это — комнатное искусство в полном смысле слова. Недаром уничтожена здесь всякая видимость театра, и зритель попадает в обыкновенные комнаты, где разобраны даже подмости, чтобы уничтожить последний след приподнятости. Действие разыгрывается тут же на полу. Такова же и внутренняя сторона этого искусства, названного одним критиком толстовским⁶⁶. Оно будит круг чувств добрых, но ни глубоких бездн духа, ни вершин, ни творческих взлетов, ни выси, ни дали, ни шири, ни глубины оно не знает.

Те незначительные попытки, которые были сделаны, не в силах изменить общей картины. Новый театр трагедии в Петербурге⁶⁷, открытый при учас-

тии Юрьева, Горького, Андреевой; Красный театр⁶⁸ там же, где карусель и Петрушка, балаганный дивертисмент и драматическое представление — все это бессильное и малое. В области искусства постановки нельзя назвать ничего почти, что говорило бы о театре, рассчитанном на иную публику, не на комнату и расширенный салон, а на площадь. «Драма родилась на площади»⁶⁹, — сказал Пушкин. В комнате она умерла — в книге, за рабочим домашним столом, куда перенес ее Айхенвальд⁷⁰, когда Евреинов объявил чтение тайной театрализацией, «театром для себя»⁷¹.

В одном еженедельнике прочел я о новшествах в советском театре (б. опера Зимина)⁷² в Москве, где режиссер Ф.Ф. Комиссаржевский сделал из «Бориса Годунова»⁷³ карикатуру на современные политические темы. Достаточно указать, что на хоругвях во II картине изображены главы прежнего правительства в пьяном виде, а в другой сцене народ выходит с красными флагами.

Были отдельные попытки, напр., «Театр 4 масок»⁷⁴ в Москве, который предполагал выйти на улицы и площади со старинными французскими фарсами; кукольный театр, ставивший «Войну королей» в стиле карточных фигур, где войну вели короли, а двойки и тройки отказывались драться (художник Кандауров)⁷⁵.

Но все это не меняло дела. Даже постановка «Мистерии-буфф» — увы! — не дала ничего. Вот что писал о ней Н. Пунин в «Искусстве коммуны»: «Новый театр может быть, и он, по многим признакам, близок. Симптоматично хотя бы уже то, что вместо режиссерских теорий появляются пьесы, вместо постановок — театральные произведения, которые диктуют, как нужно их ставить. К числу этих диктаторов-пьес принадлежит обозрение Маяковского, поставленное Мейерхольдом в октябрьскую годовщину на сцене Музыкальной Драмы. Старый Мейерхольд, от кого автор и не ждал ничего, но и Малевич был — «Головин»⁷⁶.

...Так и надо было ухнуть сцену в зрительный зал. Почему не разломали барьер, не расшатали кулис. Подумать только, небо было, как у Айвазовского»⁷⁷.

Новый театр, который расшатает кулисы, — это то, чего не было, но что должно быть, что идет и будет. И он не будет ждать диктаторов-пьес, которые диктуют, как нужно их ставить. Он Шекспира из комнаты вынесет на площадь, и его величественная гипербола, героический стиль, приподнятый торжественный танец действия, подавляющая грандиозность слова, все это, монументальное, рассчитанное не на «театр для себя», — великолепный материал для нового театра, который из русла комнатного, домашнего искусства перейдет в искусство большое, всенародное.

По этому пути ведет театр революция⁷⁷.

Theatre and Revolution

L.S. Vygotsky

For citation:

Vygotsky L.S. Theatre and Revolution. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 86–90. (In Russ., abstr. in Engl.).

Комментарии к статье Л.С. Выготского «Театр и революция»

В.С. Собкин*

институт социологии образования РАО, Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

В.С. Мазанова**

институт социологии образования РАО, Москва, Россия,
valery.mazanova@gmail.com

В работе приведены комментарии и примечания к статье Л.С. Выготского «Театр и революции» (1919), которая посвящена анализу реакции театрального искусства на общественно-политические процессы, происходящие в России в период революции. В статье особое внимание уделяется нескольким аспектам: историческому контексту; влиянию социокультурной ситуации на динамику развития театрального искусства и репертуарную политику; социальным изменениям состава театральной публики; зарождению новых театральных форм, связанных с политическими преобразованиями. Примечания и комментарии к данной статье касаются как биографических сведений, так и материалов из истории театра, культуры и психологии. Это позволяет реконструировать тот социокультурный контекст, обращение к которому необходимо для понимания как данной статьи Л.С. Выготского, так и становления его взглядов как основателя культурно-исторической психологии.

Ключевые слова: историко-культурный контекст, тенденциозное искусство, буффонада, мистерия, театр национальных меньшинств, актерское переживание, механизмы цензуры, зрительская реакция.

Статья «Театр и революция» была опубликована Л.С. Выготским в сборнике «Стихи и проза русской революции», который вышел в Киеве в 1919 г. Сборник включал в себя произведения видных писателей и поэтов, принадлежавших к различным литературным направлениям (А. Блок, А. Белый, Н. Венгров, Э. Гиппиус, М. Горький, Н. Клюев, В. Маяковский, Л. Никулин, А. Ремизов, В. Ропшин (псевдоним Б. Савинкова), И. Эренбург и др.). Уже сам отбор авторов позволяет говорить о своеобразии замысла составителей сборника: показать неоднозначное понимание, а порой диаметрально противоположный опыт переживаний и художественного отображения событий русской революции. Наряду с литературными произведениями в сборнике были помещены также и три критические статьи: «Русская

сатира и революция» М. Кольцова, «Театр и революция» Л. Выготского, «Литературные заметки» В. Агатова. Следует подчеркнуть, что позднее специальным Приказом Главлита этот сборник был запрещен, поскольку в нем публиковались произведения врагов народа: П. Орешина, Б. Савинкова, М. Кольцова, Н. Клюева.

С нашей точки зрения, публикация данной статьи имеет особое значение для понимания становления научных интересов Выготского и его ценностных ориентаций непосредственно в послереволюционный период. Дело в том, что, как правило, этот этап его биографии оценивается преимущественно в бытовом аспекте: возвращение к семье из Москвы в Гомель, который в то время находился под немецкой оккупацией; болезнь матери, а затем и брата; необхо-

Для цитаты:

Собкин В.С., Мазанова В.С. Комментарии к статье Л.С. Выготского «Театр и революция» // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 91–113.

* *Собкин Владимир Самуилович*, Заслуженный деятель науки РФ, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, директор, институт социологии образования РАО, Москва, Россия. *sobkin@mail.ru*

** *Мазанова Валерия Сергеевна*, аспирантка лаборатории социокультурных проблем образования и воспитания, институт социологии образования РАО, Москва, Россия. *valery.mazanova@gmail.com*

димось материальной поддержки семьи; занятия различными видами деятельности (педагогика, художественная критика, общественная деятельность); раскрытие отдельных моментов его личной жизни. Между тем, содержание публикуемой статьи показывает, что в это время Выготский прорабатывает широкий круг социокультурных проблем, касающихся разнообразных взаимосвязей общественных социальных изменений и театрального искусства. Отметим лишь некоторые наиболее важные.

Статья «Театр и революция» состоит из пяти частей. В первой части Выготский, пытаясь найти исторические аналоги современной ситуации в стране, сопоставляет своеобразие отношений театра и общества времен французской революции с предреволюционным периодом в России. Само по себе подобное обращение Выготского к истории важно, поскольку свидетельствует о сформировавшейся у него ориентации на рассмотрение социальных явлений в историко-культурном контексте. Вместе с тем, он ищет не только прямые аналогии, но и стремится показать в своем кратком анализе кардинальные отличия между этими двумя ситуациями. Если во Франции театр был проводником революционных идей и выступал «общественной трибуной... зажигая огни революции», то в России основной круг театральных проблем обсуждался не в контексте общественных преобразований, а в логике художественно-эстетических экспериментов: основное напряжение здесь задавалось путем рассмотрения своеобразия отношений между содержанием и формой художественного произведения, сопоставлением различных психотехник актерской игры, характеристикой неоднозначности художественных переживаний при восприятии спектаклей разных жанров и т.п.

Следующий этап анализа, и этому посвящена вторая часть статьи, касается обсуждения вопроса о влиянии революционных общественных преобразований на процессы функционирования театра. Здесь Выготский обсуждает несколько моментов.

Один из них относится к проблемам снятия запретов на целый ряд тем и произведений, которые ранее подвергались жесткой цензуре: это и свобода проявления эротики на сцене, и снятие ранее существовавших запретов по религиозным мотивам, и возможность критики царского режима и т.д. Вместе с тем Выготский пронизательно отмечает, что снятие запретов на ранее табуированные темы связано и с введением нового типа цензуры. По сути дела, здесь Выготский затрагивает вопрос о существовании особых социальных фильтров и нормативных механизмов, которые играют важную роль в процессах социокультурной динамики искусства.

Другой момент касается роли революционных преобразований в развитии театра национальных меньшинств. Поскольку статья написана для сборника, издававшегося в Киеве, то здесь специальный акцент ставится на развитие украинского театра, возникновение национальных театральных школ и студий.

Особое внимание уделяется социальному анализу театральной публики. Это, пожалуй, одна из центральных тем, поскольку, с социологической точки зрения, включение в театральную жизнь новых социальных групп задает особый вектор развития театра. Новый зритель со своими специфическими классовыми идеологическими установками и ожиданиями влияет не только на репертуарную политику, но и на весь строй театральной жизни (язык театрального искусства, способы актерского и зрительского переживания, отношения актер—персонаж—зритель, критерии оценки художественного произведения). В этом контексте Выготский обсуждает такие послереволюционные тенденции, как открытие «рабочих театров», а также изменение классового состава театральной публики. Именно это, по мнению Выготского, «определяет зерно будущей театральной революции».

И наконец, специальное внимание при рассмотрении общих социальных преобразований театра Выготский уделяет новым формам театральной политики и управления театром: появление общественных художественных комитетов, коллегий, советов, театральных профсоюзов и т.п.

Третья часть статьи посвящена специальному обсуждению вопросов новой послереволюционной репертуарной театральной политики. С одной стороны, по мнению Выготского, на первый план выступают темы, касающиеся назидательно-разоблачительной критики предыдущего политического строя (пьесы, связанные с домом Романовых, личностью Григория Распутина и т.п.) и политической сатирой на злобу дня. С другой стороны, это выбор из старого репертуара пьес, в первую очередь, социальной направленности («На дне», «Гибель «Надежды», «Смерть Дантона», «Взятие Бастилии» и др.). И здесь Выготский проявляет себя как тонкий театральный критик, исследующий не только художественные особенности спектакля (происходящее на сцене), но и своеобразие эмоциональных переживаний, происходящих именно в зрительном зале. Отметим, в частности, такие социально-психологические феномены, которые он фиксирует, обращаясь к особенностям зрительского восприятия: возможность публичной негативной реакции зрителя на новую революционную власть, в силу чувства социальной защищенности публики, находящейся в зрительном зале; проявление бурных эмоциональных реакций (доходящих до массовой истерики среди зрителей), в основе которых лежат механизмы зрительской идентификации; смещение смысловых акцентов в театральной постановке, которые провоцируются открытой реакцией зрительного зала.

Четвертая часть статьи посвящена содержательному анализу пьесы В.В. Маяковского «Мистерия-буфф», поскольку, по мнению Выготского, это произведение является действительно новым, отражающим стремление к революционным преобразованиям театрального искусства. При этом Выготский делает акцент на жанровом («революционном»)

своеобразии сочетания ранее несовместимых жанров мистерии и буффонады. Если мистерия предполагает *закрытость* (поскольку генетически связана с «таинством», к участию в котором допускаются лишь посвященные), то буффонада, наоборот, — *открытое* площадное искусство, где манера актерской игры носит утрированно-комический характер и прямое обращение к зрителю. Достаточно подробно разбирая сюжет пьесы и ее языковые стилевые особенности, Выготский дает ей, вместе с тем, весьма критическую оценку, показывая несовместимость сочетания традиционных аллегорий и современной злободневности, поскольку это сочетание явно подчинено тенденциозности социального заказа, идеологической конъюнктуре. В результате вместо высокого духовного идеала революции оказывается лишь «дерево с булкой!».

И наконец, в пятой, завершающей статью, части Выготский переводит анализ проблемы соотношения театра и революции, говоря современным языком, в проектную плоскость: «что могло произойти в искусстве театра в связи с революцией». Причем эти изменения, по мнению Выготского, должны были произойти как в драматической литературе, так и в перестройке форм театрального искусства («новое вино должно быть влито в новые меха»). С его точки зрения, духу происходящих грандиозных социальных преобразований должен отвечать «героический театр». Однако и в этом Выготский видит фундаментальное социокультурное противоречие, вместо появления новых театрально-трагедийных форм актуализируются, развиваются и распространяются именно старые, которые и задают своеобразное противоречие социально-общественным преобразованиям: «...искусство это идет не вперед, а назад, кристаллизуется в примитивы, разлагается на элементы — от сложного к простому. Это — комнатное искусство в полном смысле слова». Но, несмотря на это противоречие, будущее театра, по мнению Выготского, лежит в создании монументального, грандиозного, всенародного искусства.

Предваряя комментарии к статье «Театр и революция», заметим, что она крайне интересна и в методологическом отношении, поскольку здесь проявляется своеобразие исследовательского подхода Выготского. Его анализ движется от поиска исторических аналогов интересующего его социокультурного явления (театр времен Великой французской революции) к исследованию функционирования этого явления в современной реальности (выявление стимулирующих факторов развития и блокирующих социальных механизмов), к поиску новых социальных источников развития (приход в театр нового зрителя), к поиску новых «зародышевых» форм, соответствующих тенденциям развития (пьеса «Мистерия-буфф») и, наконец, собственно к проектированию возможной формы, отвечающей основным тенденциям развития.

1. Статья опубликована в книге «Стихи и проза русской революции. Сборник первый» (Киев: Книго-

издательский кооператив «Современная мысль», 1919; статья подписана Л. Выгодский). Обложка оформлена Борисом Ефимовым (наст. фамилия — Фридлянд; 1900—2008), известным художником-графиком и мастером политической карикатуры, родным братом Михаила Кольцова, статья которого также помещена в настоящем сборнике. В сборнике представлены следующие авторы: Александр Блок, Андрей Белый, Натан Венгров, Александр Вознесенский, Эммануил Герман (литературный псевдоним — Эмиль Кроткий), Зинаида Гиппиус, Максим Горький, Валентин Горянский, Ефим Зозуля, Николай Клюев, Владимир Лидин, Владимир Маяковский, Лев Никулин, Петр Орешин, Алексей Ремизов, Александр Рославлев, В. Ропшин (литературный псевдоним эсера Бориса Савинкова), Илья Эренбург. В сборнике произведения перечисленных авторов сопровождаются краткими комментариями, например: «Стихи Б. Савинкова-Ропшина глубоко интересны как документы. В них ярко выразилась персональная правда конкретного типа революционера, в которой все-таки просвечиваются черты поэта. По внутренней своей обнаженности стихи эти являются, чуть ли не единственными в своем роде». К сожалению, установить автора(ов) комментариев не удалось.

Нетрудно заметить, что подбор писателей и поэтов, включенных в сборник, дает объемную картину понимания и переживания событий русской революции: авторы не только придерживаются разных эстетических позиций, но и отличаются идеологическими взглядами на революцию.

Помимо литературных произведений указанных авторов в сборнике были также напечатаны и критические статьи: «Русская сатира и революция» Михаила Кольцова, «Театр и революция» Льва Выготского, «Литературные заметки» Владимира Агатова.

Важно иметь в виду, что сборник готовился к изданию в Киеве в 1918 г., когда связь с Россией была затруднена, поскольку на тот период был заключен Брестский мир, в соответствии с которым территория Украины была оккупирована германскими и австрийскими войсками. В предисловии к сборнику его составители пишут: «Совершенно отрезанные от Великороссии, мы не только не могли сноситься с авторами интересующих нас произведений, но даже не могли найти и самих произведений, напечатанных в большинстве случаев в северных газетах и журналах, не дошедших до Киева». В 1919 г. картина резко меняется, поскольку Красная армия начинает занимать территорию Украины; 6 января 1919 г. провозглашается Украинская Советская Республика. Поэтому, предваряя сборник, составители отмечают: «Восстановление связи с Великороссией обнадеживает нас и, надо полагать, во 2-м сборнике — даст возможность полнее представить многих авторов, поневоле скудно представленных здесь, а также дополнить его произведениями целого ряда крупных авторов, в этот сборник не вошедших». Однако второй сборник издан не был. Стоит добавить, что позднее Приказом Главлита книга была запрещена из-за по-

мещенных в ней произведений врагов народа: П. Орешина, Б. Савинкова, М. Кольцова, Н. Клюева, а также из-за положительных упоминаний на страницах сборника писателя, политического и общественного деятеля Украины В.К. Винниченко, который в 1933 г. направил открытое письмо ВКП (б) с обвинением И. Сталина и П. Постышева в геноциде украинского народа и голодоморе.

Для восприятия комментируемой статьи, с нашей точки зрения, следует дать дополнительную информацию относительно авторов двух критических статей, которые представлены в данном сборнике помимо Л.С. Выготского. Один из них — Михаил Ефимович Кольцов (наст. фамилия — Фридлянд; 1898—1940, по другой версии — 1942) — известный советский публицист, журналист, писатель. В 1915 г. поступил в Психоневрологический институт (Петроград); активно участвовал в Февральской и Октябрьской революциях; член РКП (б) с 1918 г. (рекомендован А.В. Луначарским); с 1919 г. служил в Красной Армии; с 1920 г. работал в отделе печати Наркомата иностранных дел. Во время Гражданской войны в Испании (1936—1939) был направлен туда как корреспондент «Правды» и представитель СССР при республиканском правительстве; был активным организатором сопротивления франкистам. В 1938 г. отозван из Испании и арестован по обвинению в шпионаже (в пользу Англии — по показаниям арестованного наркома Н. Ежова; в пользу Германии — за «связь с немецкой шпионкой Марией Грессгенер»). Более вероятно, что реально он был устранен как свидетель тайных операций НКВД в Испании; возможно, здесь сыграл свою роль и опубликованный им в начале 1920-х гг. очерк о Льве Троцком: «Солдатам Троцкий чужд, нов и интересен. Таких они еще не видали... Когда Троцкий говорит, это вулкан, изрыгающий ледяные глыбы. Это Анатэма, пришедший мириться с людьми. Что он им, умный, отважно-находчивый еврей, этим славянам, неожиданно серым, лесным скифам? Чужое — дорого. Они верят Троцкому. Он им нужен. Он даст хлеб и мир» (Красный Китеж. Троцкий. Кольцов М. // Куранты искусства, литературы, театра и общественной жизни [еженед. изд.]. Киев, 1918. № 8 (сентябрь). С. 8—9). В 1954 г. М. Кольцов был реабилитирован.

Автор другой критической статьи — Владимир Гаринович Агапов (наст. имя и фамилия — Вэлвл Исидорович Гуревич; 1901—1967) — менее известен. Между тем, он является автором стихов песен из кинофильма «Два бойца» (1942; реж. Л. Луков; музыка Н. Богословского). Его песни «Темная ночь» («Тёмная ночь, только пули свистят по степи, / Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают. / В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь, / И у детской кровати тайком ты слезу утираешь...») и «Шаланды, полные кефали...» («Шаланды, полные кефали, / В Одессу Костя приводил, / И все биндюжники вставали, / Когда в пивную он входил... Я вам не скажу за всю Одессу, / Вся Одесса очень велика, / Но и Молдаванка, и Пересыпь / Обожают

Костю-моряка...»), исполненные в фильме Марком Бернесом, получили общенародное признание, их пели тогда и поют сегодня. С 1919 г. он работал в киевских газетах «Пролетарская правда» и «Киевский пролетарий». Впоследствии работал в газетах «Правда», «Гудок», «Рабочая Москва», журнале «Огонек». Агаповым написаны стихотворные сборники «Зеркала» (1923), «Гога» (1940), а также известная песня «Одесская блатная» («Ох, уж повезло косому Ваньке, / Удачный, падла, сделал он рывок, / Открыл закусочную в центре Молдаванки, / Туда стекался весь блатной народ...»), которую исполнял и В. Высоцкий. Помимо этого, Агапову приписывается авторство текста песни «Кокаинетка» («Что Вы плачете здесь, одинокая глухая деточка, / Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы? / Вашу тонкую шейку едва прикрывает горжеточка, / Облысевшая, мокрая вся и смешная, как Вы...»), которая входила в репертуар А. Вертинского.

Судьба В. Агапова, так же, как и судьба М. Кольцова, сложилась трагически — в 1949 г. он был репрессирован. Отбывая свой срок в лагере, Агапов организовал лагерный театр, где одновременно был директором, администратором и завлитом, и за это время смог помочь многим талантливым людям. В 1956 г. был реабилитирован, в 1957 г. восстановлен в Союзе писателей.

В контексте биографии Л.С. Выготского следует отметить, что в 1918 г., в связи с обострившимся заболеванием туберкулезом младшего брата, он отправился с ним и матерью в Ялту, остановившись в Киеве. «Дорога в Крым лежала через Киев. <...> Но когда с огромным трудом им удалось добраться до Киева, состояние ребенка резко ухудшилось, и о дальнейшей дороге в Крым нечего было и мечтать. Большого пришлое поместить в клинику, а Лев Семенович с матерью сняли комнату рядом, чтобы целый день иметь возможность находиться вместе с ребенком. Через несколько месяцев мальчику стало как будто бы немного лучше, однако врачи считали, что тяжелую дорогу в Крым он не перенесет, и рекомендовали забрать его домой. Прислушавшись к их совету, Лев Семенович вернулся с матерью и братом в Гомель» (Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996. С. 45). Обращаясь к этому же эпизоду биографии Выготского, И. Рейф отмечает и романтическую линию этой поездки: в Киеве Выготский встречался с Надеждой Фридман (в девичестве — Пресман), которая приезжала к своим родственникам на летние каникулы в 1915 и 1916 гг. в Гомель и общалась в это время с Выготским. Рейф полагает, что за собирательным словом «врачи», скорее всего, стоит отец Надежды З.А. Пресман, самый популярный в ту пору частнопрактикующий врач в Киеве. В архиве семьи Выготского хранится переданный Пресманами сборник А. Блока «Соловьиный сад» с автографом Выготского, состоящим из семи заглавных букв — Б.Т.Л.З.М.Н.Р. Рейфом было установлено, что эти буквы являются шифровкой

двух строк стихотворения Надежды Пресман, написанном в 1918 г.: «Благодарю тебя, любовь, за мне нанесенную рану...» (*Рейф И.* Мысль и судьба психолога Выготского. М.: Генезис, 2011). Подобная шифровка явно отсылает нас к любовному диалогу из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», где Кити и Левин общаются посредством использования начальных букв слов: «Вот, — сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: «когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?» (*Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Мышление и речь. М.: Педагогика, 1984. С. 334). Заметим, что этот феномен смыслового общения был для Выготского крайне важен, и он использовал его в своей последней работе «Мышление и речь»: «Яркие примеры таких сокращений внешней речи и сведения ее к одним предикатам мы находим в романах Толстого, не раз возвращавшегося к психологии понимания <...> При одинаковости мыслей собеседников, при одинаковой направленности их сознания роль речевых раздражений сводится до минимума. Но между тем, понимание происходит безошибочно» (там же, с. 334).

Таким образом, появление данной статьи позволяет зафиксировать еще одну линию в личной биографии Выготского (помимо приезда в Киев в связи с лечением брата и романтической встречей здесь с Надеждой Пресман) — собственно творческую, связанную с попыткой осмысления отражения реальных событий революции в театральном искусстве: насколько театр соответствует духу революции и изменению массового сознания.

2. «...театр зажег огни революции» — здесь Л.С. Выготский имеет в виду то, что стало называться «политическим театром», когда театральная постановка превращается в событие общественно-политической жизни, когда театр активно вовлекается в революционную борьбу. В этом отношении социальная функция театра состоит в революционизации масс. Так, на начальном этапе Великой французской революции во время представлений в зрительном зале разыгрывались настоящие демонстрации, когда из лож кричали: «Да здравствует король!», а партер в ответ отвечал: «Да здравствует народ!». Важно также и то, что новые общественно-политические реалии выдвигали особые требования и к репертуарной политике. Так, Конвентом были приняты декреты, которыми театры обязали регулярно давать спектакли, повествующие о революционных событиях и прославляющие достоинства защитников свободы. В их репертуаре, в частности, должны были появиться трагедии «Вильгельм Телль» Лемьера, «Брут» Вольтера, «Кай Гракх» Шенье и другие пьесы республиканского содержания, согласованные с местной властью, которая имела право закрывать театры, «развращавшие общественную мораль». Французская революция провозгласила театр важным средством просвещения, агитации, идейного и эмоционального воздействия на народ с целью воспитания идеальных

граждан, «сынов отечества» (Васильев С.С. Развлекательный театр во Французской революции XVIII века: между политикой и искусством [электронный ресурс] // Художественная культура / Гл. ред. Е.В. Дуков М.: ГИИ, 2012. № 5. URL:<http://sias.ru/magazine/vypusk-5-2012/>). При этом важно подчеркнуть, что основным стилем французского театра был признан революционный классицизм, согласно которому Античность используется для героического возвеличивания революции. По выражению Маркса, «как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества». Вместе с тем они «в классически строгих традициях Римской республики... нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы» (цит. по: *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1980. Т. 48).

3. «кризисом театра» — скорее всего, здесь, в первую очередь, имеется в виду отсылка к объемному сборнику статей «Кризис театра». В этом сборнике были опубликованы статьи «Театр или кукольная комедия?» Ю. Стеклова, «Мистерия или быт» В. Базарова, «Новая сцена и новая драма» В. Шулятикова, «Художественный театр» В. Чарского, «Театр в современном и будущем обществе» В. Фриче (Кризис театра: Сборник статей. М.: Проблемы искусства, 1908.). Основанием для этого предположения может служить цитирование чуть ниже в данной рецензии Л.С. Выготским статьи Фриче. Помимо этого о кризисе театра писали Ю. Айхенвальд, Н. Евреинов, которых также упоминает в своей рецензии Выготский. Стоит добавить, что о кризисе театра писали такие видные практики и теоретики театра как А. Кугель, Д. Овсяннико-Куликовский, Н. Эфрос, Вяч. Иванов, В. Мейерхольд, Б. Глаголин и многие другие. Приведем в этой связи характерное, на наш взгляд, высказывание Н. Эфроса: «Слова о “кризисе театра” еще не были сказаны и подхвачены. В ту пору, к концу девяностых годов прошлого века, они не вошли еще сколько-нибудь широко и прочно в наш словесный оборот, не стали еще хотя бы монетой русских разговоров и писаний о театральном искусстве и театральном деле. “Крылатыми” эти слова сделались лишь позднее. Но то, что было потом обозначено как “кризис театра”, — оно, во всей ли полноте, или в значительной части своего содержания, уже ощущалось. Было это почувствовано отчетливо и остро как в самом театре, так и вне его, в воспринимающей его творчество среде. Констатировалось непосредственным восприятием лиц, близких к театру, отдающих ему свои силы или свое преимущественное внимание и интерес. И непосредственность такого чувствования уже оформлялась в сознание, подводился под это ощущение некоторый теоретический

кий, принципиальный базис. В отношениях к театру, к тому, что он делал, к тому, что давал, как результат своего творчества, — все явственнее проступала неудовлетворенность, готовая обратиться в горькое разочарование. Театр переставал радовать; во всяком случае, в радость от него (а радость — неперменная атмосфера оправданного в своем бытии театра, тот воздух, вне которого нет для него подлинной жизни и нет в нем подлинной нужности) все сильнее просачивалась какая-то горечь и без всякого теоретизирования, непосредственным своим языком говорила, что не все тут обстоит благополучно, что истощается магическая сила театра, и какие-то запросы к нему, все настойчивее требующие удовлетворения, остаются непокрытыми. Такая окраска отношений становилась все более сильной, и сгушалось предчувствие «кризиса» (Эфрос Н.Е. Московский Художественный театр: 1898—1923. М.; Пг.: Государственное издательство, 1924. С. 11—12).

4. «...то, что Станиславский назвал “душевым натурализмом”...» — термин теории сценического искусства К.С. Станиславского: «Новый реализм не есть реализм быта и внешней жизни, а реализм ее внутренней правды, — то, что, по-моему, лучше всего выражается словами: “душевный натурализм”» (К.С. Станиславский о Художественном театре (наша беседа) // Театр [ежедн. газ.]. 13.10.1913). Этот аспект в системе Станиславского будет затрагиваться Выготским и в более поздних его рецензиях (напр., см.: Наш понедельник. 1923. № 39. С. 3).

5. «...где кончается всякое искусство» — основная критика системы, как правило, сводится к тому, что само по себе воспроизведение психологической реальности еще не является фактом искусства, а принцип «четвертой стены», формально исключаящий взаимодействие актера и зрителя, не соответствует природе театральности.

6. «...крах декадентского, т. наз. условного или символического театра...» — в данном случае, Л.С. Выготский, скорее всего, имеет в виду статью В.Э. Мейерхольда «Русские драматурги» (1911), где, с одной стороны, противопоставляются «декаденты», как символисты, которые пишут преимущественно для чтения, а не для сцены, и с другой, — представители «новой сцены», ориентированные именно на театр и восстанавливающие архитектуру античного театра (Вяч. Иванов), комедии дель арте (А. Блок), средневековой мистерии (А. Ремизов) (подробнее см.: Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч. / Коммент. А.В. Февральского. М.: Искусство, 1968. Ч. 1. С. 181—189).

7. «драма только лирика, случайно отлившаяся в форму диалога» — здесь Л.С. Выготский отсылает нас к статье В. Фриче, где обсуждается проблема театрального импрессионизма: «Импрессионистическая формула должна была совершенно видоизменить не только внешний облик драмы, но и ее внутреннюю сущность. Если целью театрального представления является уже не изображение действия, а возбуждение настроения, то очевидно драма ничем

не отличается от лирики, смешивается с ней, другими словами, как самостоятельный вид поэзии, упраздняется. В эстетическом манифесте мюнхенских модернистов, помещенном в журнале «Blätter fuer die Kunst», так прямо и было сказано, что драма — «это только лирика, случайно отлившаяся в форму диалога» [выделено ред.]. Импрессионистическая формула приводила логически не только к уничтожению драмы, а также и к упразднению актера. Если театральное зрелище призвано возбуждать в зрителе только известные настроения, то нет надобности выпускать на сцену живых людей, а совершенно достаточно дергать за веревочки марионетки и сопровождать их жесты чтением пьесы. Такой последовательный импрессионист, как Метерлинк (в первый период своей деятельности), и писал свои драмы не для настоящей, а для кукольной сцены. Импрессионизм приводил неизбежно не только к упразднению актера, а также к уничтожению театра в обычном смысле этого слова» (Фриче В. Театр в современном и будущем обществе // Кризис театра: Сборник статей. М.: Проблемы искусства, 1908. С. 170—171).

Следует добавить, что к работам одного из крупнейших социологов-марксистов того времени Владимира Максимовича Фриче (1870—1929) Л.С. Выготский обращался и в более поздних своих психологических исследованиях. Так, например, цитированием работы Фриче «Очерки социальной истории искусства» (1923) фактически завершается монография Выготского «Психология искусства» (1925): «В грядущем положение и роль искусства, — говорит Фриче, — едва ли значительно изменятся по сравнению с настоящим, и социалистическое общество представит в этом отношении не противоположность капиталистического, а его органическое продолжение» (Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 330). Возражая именно этому тезису, Выготский отмечает, что «поскольку в плане будущего несомненно лежит не только переустройство всего человечества на новых началах, не только овладение социальными и хозяйственными процессами, но и «переплавка человека», постольку несомненно переменится и роль искусства. Нельзя и представить себе, какую роль в этой переплавке человека призвано будет сыграть искусство, какие уже существующие, но бездействующие в нашем организме силы оно призовет к формированию нового человека. Несомненно только то, что в этом процессе искусство скажет самое веское и решающее слово. Без нового искусства не будет нового человека» (Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 331).

8. «...силами реалистической сцены...» — имеется в виду основной принцип реалистического театрального искусства, который заключается в требовании правдивого воспроизведения текущей действительности во всей ее неприглядности, особой, по выражению В. Майкова, «прикрепленности человека к жизни». Реалистические принципы русского театрального искусства нашли свое отражение и в драматур-

гии, и в актерской игре, и в организации театрального дела. Важную роль в становлении реалистического русского театра сыграла драматургия А.Н. Островского, А.В. Сухово-Кобылина и других. Традиции реалистической актерской игры заложены М.С. Щепкиным и его последователями А.Е. Мартыновым, П.М. Садовским, С.В. Шумским, С.В. и П.В. Васильевыми, Л.П. Никулиной-Косицкой и другими. Реалистическое театральное искусство нашло свое воплощение, в первую очередь, на сценах императорских театров — Малого (Москва) и Александринского (Петербург).

9. «...и углубились в безысходную психологию» — цитата из статьи А. Блока «О Театре», опубликованной в литературно-критическом журнале «Золотое руно» в 1908 г.: «Вы говорите мне: не вы ли сами создали тепловатую атмосферу в театре? Ваши драматурги снизошли в наши будни, променяли снежные горы на наши мирные долины, разучились будить в нас высокие чувства, охладели к театральному действию и углубились в безысходную психологию; ваши актеры потеряли темпераменты и голоса, стали бездарными граммофонами, утратили чувство сцены. И вот — мы перестали нуждаться в вашем театре и ничего, кроме развлечения, от него не требуем» (Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 4. С. 86). Следует подчеркнуть, что вся статья Блока ориентирована именно на подчеркивание важности пробуждения с помощью театра «высоких чувств», «потрясения зрительного зала громами гениальной страсти», и это Блок, в первую очередь, связывал с социальными изменениями, появлением нового зрителя с новыми ценностями и устремлениями. Именно этим он и заканчивает свою статью: «И весна наша — поздняя весна, и на небе уж грозовые тучи. Слова героини великой символической драмы Островского сбываются, ибо идет на нас Гроза, плывет дыхание сжигающей страсти и стало нам душно и страшно. Не сегодня-завтра постучится в двери наших театров уже не эта пресыщенная толпа современной интеллигенции, а новая, живая, требовательная, дерзкая. Будем готовы встретить эту юность. Она разрешит наши противоречия, она снимет груз с усталых плеч, окрылит или погубит. И мы вовеки не забудем пророческих слов великого строителя Сольнеса, проникнутых вещим, грозовым трепетом: Юность — это возмездие» (там же, с. 99). Добавим, что статья Блока, с нашей точки зрения, имеет важное значение для понимания механизмов революционных преобразований в театральном искусстве. В ней он системно рассматривает взаимоотношения драматургии и театра — отношения писателя с актером, режиссером и зрителем, используя модель двух типов театра: «театр прямой» и «театр-треугольник», которую ввел В. Мейерхольд (*Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч. / Коммент. А.В. Февральского. М.: Искусство, 1968. Ч. 1. С. 129—131). Однако, в отличие от Мейерхольда, он строит свое рассуждение на анализе ценностей, акцентируя вни-

мание на социальных ожиданиях театральной публики как «незыблемой основы театра».

10. «...отрицание театра Айхенвальда...» — имеет в виду статья Ю. Айхенвальда «Отрицание театра», где автор отрицает театр как искусство и утверждает, что театр является лишь «подделкой жизни»: «...внутренне и теоретически он не нужен вообще. Конец театра наступил потому, что театр и не начинался. Эстетически он не может быть оправдан. <...> Искусство свободно, театр — нет. Он не самостоятелен. Он безнадежно зависит от литературы; не будь ее, не было бы и его. Между тем, не будь театра, литература, пьеса, все равно была бы (я разумею не историческое, а идеальное взаимоотношение театра и драматической словесности). <...> актер же автору подчинен. Спутник, только спутник драмы, театр ничего не прибавляет к ее существу. Он не дает внутренне-нового, действительно-нового. Кант назвал бы его суждением аналитическим, а не синтетическим, т.е. его сказуемое (спектакль) дает лишь то, что уже есть в подлежащем (пьеса). <...> Ведь и до сценического воплощения, помимо него, пьеса во все не страдает отсутствием яркости, живой красочности. Здесь не приходится потенциальную энергию претворять в кинетическую: написанная драма уже сама энергична вполне; она совсем закончена, и ей больше ничего не нужно. К великому прибавлять нечего. А в искусстве, что не прибавляет, то отнимает; что не плюс, то минус» (*Айхенвальд Ю.И.* Отрицание театра // В спорах о театре: Сборник статей. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. С. 13—14).

Учитывая значимость личности Айхенвальда для формирования мировоззрения Выготского, стоит, на наш взгляд, дать расширенную биографическую справку.

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — литературный критик-импрессионист; профессор народного университета им. А.Л. Шанявского по кафедре русской словесности; ученый секретарь Московского психологического общества, сотрудник журнала «Вопросы философии и психологии»; переводчик Полного собрания сочинений А. Шопенгауэра (1901—1910).

В 1921 г. опубликовал в литературно-художественном журнале «Записки мечтателей», объединявшем символистов во главе с Андреем Белым, статью, где сравнивал расстрел Н. Гумилева с казнью А.М. Шенье; позднее Айхенвальд вернулся к этой теме, в частности, в своей статье «Литературные заметки»: «Каждая революция, должна, по-видимому, иметь своего Андре Шенье. До казни Гумилева казалось, что в России на эту печальную честь может претендовать именно Блок. <...> В застенках Чека, где застрелили Гумилева, наверное, не знали его стихотворений — там занимались не поэзией; но бесспорно, что продолжением и выводом из поэзии была жизнь Гумилева и его бесстрашное поведение перед палачами — все то, что привело его к казни. В этой казни была своя естественная логика, в этой казни был, надо сказать, политический смысл. Жизнь и смерть Гумилева с творчеством Гумилева связаны.

И хотя от реальной политики он был далек, но самая поэзия его — уже политика. <...> Художник-дворянин, певец аристократизма, благородное сердце сравнивший с «гербом отошедших времен», ценивший какой-то человеческий геральдизм и тонкие руки, которые не знали плуга, Гумилев, однако, был тем настоящим аристократом, который тяготеет к дорогой простоте и именно в ней усматривает последние корни внутренней знатности. Дворянство духа признавал он, то, которое обязывает (*noblesse oblige*), то, которое означает известную, уже достигнутую и осуществленную степень душевного изящества» (Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Рувль. 1926. № 1729, 11 августа. С. 3).

Статья Айхенвальда (1921) вызвала резкую критику Л.Д. Троцкого, который опубликовал в газете «Правда» ответную статью «Диктатура, где твой хлыст?»: «...философия чистого искусства и литературная критика, стоящие под тем же знаком, всегда и неизменно обнаруживали ослиные уши реакции. И уши эти отличались в разные периоды только длиной. У господина Ю. Айхенвальда уши длины непомерной, и первое впечатление от его книги — это удивление: как это в советской России — даже в момент десятилетнего перемирия с буржуазным миром — нашлись бумага, шрифт и типографские чернила для того, чтобы дать столь полное отражение длинейшим ушам айхенвальдовского «чистого» искусства. Мы здесь не литературную критику или антикритику собираемся писать. Мы ставим чисто политический вопрос. Или вернее — мы зовем к политическому ответу. Книжка Айхенвальда [скорее всего, имеется в виду книга Ю. Айхенвальда «Поэты и поэтессы», опубликованная в 1922 г. — *Прим. ред.*] насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся, гнилой, гнойной ненавистью к Октябрю и к России, какой она вышла из Октября. Сей жрец чистого искусства подходит к поэтам и поэтессам, прежде всего, с той бескорыстной эстетической целью, чтобы найти у них чуть-чуть замаскированный булжик, которым можно было бы запустить в глаз или в висок рабочей революции. <...> Он благоговеет перед красотой воина-дворянина и хотел бы всегда оставаться при нем в роли литературного приживала — но пускай же тот победит. Это философский, эстетический, литературный, религиозный блюдолиз, то есть мразь и дрянь. Во внутренних борениях трусости с надеждой он и не успел, очевидно, в свое время бежать из пределов «бесславия». Пять лет он накапливал свой гной низверженного приживала. А теперь НЭП открыл шлюзы его творчеству. И он осмелел. И вынес в литературу свои длинные уши, свои эстетические копыта и злобный скрип своих изъеденных пеньков. Старый мир был «родовит», в этом Айхенвальд подобострастно прав. Но представители, защитники, адвокаты и эстеты старого мира в рабочей республике — безродные псы. В этом великолепно прав Блок. Безродные псы — несмотря на НЭП, на десятилетнее перемирие с буржуазной Европой... Безродные псы! У диктатуры не нашлось в свое время для подколодного эстета, —

он не один! — свободного удара хотя бы дровком копыта. Но у нее, у диктатуры, есть в запасе хлыст и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить айхенвальдов убраться бы к черту в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежат по праву — со всей своей эстетикой и со своей религией». (Троцкий Л.Д. Диктатура, где твой хлыст? // Правда. 1922, № 121, 2 июня). Вскоре после публикации этой статьи Айхенвальд был арестован, а 29 сентября 1922 г. был выслан за границу на философском пароходе; после эмиграции жил в Берлине.

11. «...«театр для себя» Евреинова» — здесь Л.С. Выготский делает отсылку к теоретическому принципу театральности Н.Н. Евреинова, согласно которому «инстинкт театральности» свойственен человеку так же, как инстинкты самосохранения, половой и другие. Это инстинкт *преображения*, «т.е. инстинкт противопоставления образам, принимаемым извне, образов, произвольно творимых человеком» (Евреинов Н.Н. Демон театральности. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 118).

12. «Вера Мирцева» — пьеса Л.Н. Урванцева «Вера Мирцева. (Уголовное дело)» (1915).

13. «Враги» — пьеса М. Горького (1906). Позднее Л.С. Выготский дал рецензию на спектакль «Враги» в постановке гомельского театра (Наш понедельник. 1923. № 28, 12.03. С. 3).

14. «Ложь» — точно установить не удалось. Возможно, имеется в виду пьеса Е. Дубельт-Зеланд «Ложь» (1897), премьера которой состоялась в 1899 г. в Малом театре; пьеса также с успехом шла на сценах провинциальных театров.

15. «Хищница» — пьеса О. Миртова (псевдоним Ольги Копылевой-Розенфельд); написана в 1917 г.

16. «Благодать» — пьеса Л.Н. Урванцева; другое название пьесы — «Ее черновая работа» (1916). Более подробно см. рецензию Л.С. Выготского на спектакль «Благодать» в газете «Полеская правда», №1057 от 25.11.1923 г., с. 4.

17. «...обнаженная Леда Каменского» — имеются в виду театральные постановки по рассказу Анатолия Каменского (1876—1941) «Леда». Этот рассказ, опубликованный в 1907 г., считался самым скандальным произведением русской словесности; в нем обнаженная героиня философствует по поводу новых морально-нравственных принципов поведения. В литературоведческих статьях отмечается, что «в рассказе «Леда», где красавица-героиня ходила обнаженной по «идейным соображениям», большинство критиков также увидели эротизм, переходящий в порнографию. По сути же, это было одно из немногих произведений Каменского, основанных на философской базе идей Ф. Достоевского (сновидение героя рассказа «Сон смешного человека» о «золотом веке») и Ф. Ницше (идея о «дальнем» — сверхчеловеке будущего, противостоящем совр. мещанам). Эпатажное поведение Леды было первым намеком на новые отношения между людьми. Она являлась как бы представительницей этого чаемого грядущего и поэтому не имела реальных возлюбленных, жи-

дая, как она говорила, «будущего <...> сообщника, <...> нового, мудрого и свободного человека». Ряд критиков увидели в рассказе попытку воплощения новых отношений, а в Леде — набросок женщины будущего: «своей «Ледой» он как бы раздвинул покровы над первым моментом сказочного осуществления. <...> Еще солнечной поэмы существования нет. Но Леда уже ходит нагая» (Каменский Анатолий Павлович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: в 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. Т. 2. С. 146–148). В рассказе появление обнаженной героини описано следующим образом: «Кедров кашлянул и переступил порог. Вдруг что-то с силой толкнуло его в сердце, на минуту ослепило глаза, и он едва не лишился чувств, — увидел Леду совершенно нагую, увидел тело поразительной чистоты и белизны, в одних золоченых туфельках на высоких каблуках, увидел гордо поднятую прекрасную голову с тяжелой, падающей на спину прической. Блеснул тонкий браслет у плеча. Блеснули большие, ясные и гордые глаза. “А-а, это вы, меценат... — спокойно говорила она, останавливаясь и выбирая в вазочке виноград. — Данчич, наверное, заснул. Что же вы не уходите?.. Боже, как ошеломлены! Разве вас не предупреждал Капитон, почему здесь такая жара? Представьте себе, какой ужас! Я осмеливаюсь ходить у себя дома так, как мне нравится. Влюблена в свое тело и позволяю смотреть другим. Боже, какая преступница!.. Сейчас вы уедете, но на одну минуту вам разрешается присесть и выпить вина”» (Каменский А.П. Рассказы о любви. СПб.: Росток, 2004. С. 232–244).

После Февральской революции 1917 г. в ряде театров Москвы, Петрограда и провинциальных городов России были осуществлены постановки по этому рассказу Каменского. Так, в апреле 1917 г. состоялась премьера спектакля «Леда» в Камерном театре с предваряющей лекцией самого Каменского, в которой он говорил о возможности публичного показа живого обнаженного тела как реализации принципа «социализации красоты». После лекции на сцене появлялась обнаженная актриса, которая, прогуливаясь по сцене, произносила длинный монолог. В 1918 г. в репертуаре московского Театра культов «Изида» шел спектакль «Леда» в постановке Н.Н. Фореггера, оформленный известным художником, участником группы «Бубновый валет» А.А. Осмеркиным. Справедливости ради следует добавить, что наряду с театральными постановками еще до революции в 1914 г. Анатолием Каменским совместно с Ж. Буржуа в Париже была снята кинодрама «Трагедия Леды», куда на главную роль первоначально приглашалась известная балерина Ида Рубинштейн. Однако в результате главную роль в нем сыграла другая известная русская танцовщица Наталья Труханова. Каменский еще до Революции привез фильм в Россию и после значительной цензуры он был показан широкой публике.

18. «...“Павел I” Мережковского...» — пьеса Д.С. Мережковского (1865–1941), написана в

1908 г.; сразу же после выхода была запрещена и конфискована как проявление «дерзостного неуважения к Высшей Власти...».

19. «...“Царь иудейский” К.Р...» — пьеса Великого князя Константина Романова (1858–1915), написанная в 1913 г. и повествующая о Страстной неделе.

20. «...провинция увидела “Анатему”...» — пьеса Л.Н. Андреева (1871–1919), написанная им в 1908 г.; премьера пьесы состоялась на сцене МХТ в 1909 г. (реж. В.И. Немирович-Данченко и В.В. Лужский; в роли Анатемы — В.И. Качалов). Отсылка к этой пьесе Л. Андреева встречается и в более поздней театральной рецензии Л.С. Выготского по поводу гастролей в Гомеле театра «Кривое зеркало» (Наш понедельник. 1923. № 42, 25.06. С. 3).

21. «...развитие национального театра меньшинств...» — следует отметить особый интерес Л.С. Выготского к развитию национального театра. Так, например, в цикле рецензий, опубликованных в газете «Наш понедельник», специально обсуждаются проблемы еврейского театра (Наш понедельник. 1923. № 30, 26.03. С.3; № 32, 09.04. С. 4; № 3., 16.04. С. 3; № 34, 23.04. С. 3; № 36, 14.05. С.3; № 37. 21.05, С. 4); отдельные рецензии посвящены также белорусскому театру (Наш понедельник. 1923. № 40, 11.06. С. 4; № 42, 25.06. С. 3). В данной рецензии Выготский акцентирует внимание на крайне важном моменте, который связан с особой линией культурного развития театра, когда новаторские приемы органично возникают «на почве форм и идей», выработанных национально-историческим прошлым.

22. «Молодой театр» — театр в Киеве под руководством Леся Курбаса (1887–1937), возникший на основе собранной им в 1916 г. театральной студии. «Молодой театр» работал в двух направлениях: с одной стороны, он, как отмечает Л.С. Выготский, ввел в свой репертуар произведения западной драматургии (Шекспира, Ибсена, Мольера и др.), которые впервые исполнялись на украинском языке; с другой, — театр в борьбе с натурализмом стремился к использованию новых театральных форм. Леся Курбаса принято относить к театральным реформаторам; его новаторские эксперименты в театре шли в том же направлении, что и постановки В. Мейерхольда, Б. Брехта и др. На основе театра-студии «Березиль» в 1922 г. Курбас организовал товарищеское объединение, которое в своей декларации объявляло борьбу против рутинности, штампа, косности (название происходит от украинского «березень» — первый весенний месяц, март). В художественное объединение входило шесть актерских студий (в Киеве, Белой Церкви, Умани, Одессе), более 400 актеров и сотрудников, режиссерская лаборатория, театральный музей, журнал «Баррикады театра», различные комитеты, в том числе и «психологически-технический» комитет, который применял методы прикладной психологии для разработки новых методик обучения актеров и режиссеров. В своей деятельности Курбас стремился преодолеть этнографизм натуралистически-бытового театра, создать театральное искусство,

созвучное новой революционной эпохе, театр политической агитации. В апреле—мае 1926 г. было принято решение о переименовании киевского театра «Березиль» в Центральный украинский театр Республики и переводу его в Харьков. Творчество Курбаса эволюционирует в сторону авангардизма, экспрессионизма, конструктивизма и необарочного символизма. При этом Курбас уделяет особое внимание эрудиции актеров, особым возможностям включения в сценическое действие фотографии, кино и музыки. В 30-е гг. Курбас был приглашен в Москву в Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), где осуществил постановку «Короля Лира» с Соломоном Михоэлсом в главной роли. Премьера спектакля (1935) состоялась в отсутствие режиссера, который на тот момент был уже арестован и сослан на Соловки; расстрелян в 1937 г.

Упоминание в данной рецензии 1919 г. «Молодого театра», которым руководил Лесь Курбас, имеет, на наш взгляд, важное значение для последующей истории развития психологической школы Л.С. Выготского. Здесь стоит обратить внимание на два обстоятельства. Одно из них связано с созданием в начале 1930-х гг. в Харькове Сектора психологии при Украинской психоневрологической академии под руководством А. Лурия, который включал в себя отделы общей (заведующий отделом — П. Гальперин), клинической (заведующий отделом — М. Лебединский) и генетической (детской и возрастной; заведующий отделом — А. Леонтьев) психологии. Позднее к ним присоединились приехавшие из Москвы Т. Гиневская, Л. Божович и А. Запорожец. Впоследствии этот период был обозначен как Харьковская психологическая школа. Нетрудно предположить, что члены этого коллектива посещали спектакли театра «Березиль» в Харькове. И здесь мы подходим ко второму важному обстоятельству. Дело в том, что А.В. Запорожец до начала своей психологической карьеры был актером и учеником Леся Курбаса и, скорее всего, он старался приобщить своих коллег-психологов к творчеству этого режиссера и своего первого учителя. Возможно, что театральные опыты Запорожца, его учеба у Курбаса привлекли особое внимание к нему и Л. Выготского, который, как видно из данной рецензии, позитивно оценивал новаторские тенденции «Молодого театра». Добавим, что сам Запорожец высоко оценивал роль обоих своих учителей — Курбаса и Выготского — не только в своей личной биографии, но и подчеркивал сходство их представлений о психических явлениях: «Курбас своей идеей строительства философского театра, утверждением того, что творчество актера и режиссера должно строиться не на голой интуиции, а на сознательном отношении к изображаемым событиям, на глубоком понимании их внутреннего смысла, пробудил во мне, может быть, сам того не подозревая, интерес к психологии, к научному познанию внутреннего мира человека, к исследованию возникновения его мыслей и эмоциональных переживаний, процесса становления его личностных качеств. Все это по-

будило меня, в конце концов, уйти из театра, поступить во 2-й Московский университет и заняться изучением психологии. Я стал учеником знаменитого советского психолога Л.С. Выготского... Обнаружилось, что, несмотря на глубокое различие между моей предшествующей актерской и последующей научной деятельностью, между ними существует какая-то внутренняя связь и то, что раньше постигалось интуитивно, теперь должно было стать предметом объективного экспериментального изучения и концептуального осмысления» (цит. по: *Запорожец А.В. Избранные психологические труды*: в 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 1).

23. «...зерно будущей театральной революции» — к этому стоит добавить развитие новых форм театральности, которые выражались в массовых действиях — театрализованных зрелищах, где участвуют большие массы народа (исполнители и зрители), — проводящихся под открытым небом. В рамках новых монументальных форм народного массового празднества после Октябрьской революции 1917 г. были осуществлены масштабные представления: «Действо о III Интернационале», «Мистерия освобожденного труда», «К мировой коммуне», «Взятие Зимнего дворца» (все в Петрограде), «Борьба труда и капитала» (Иркутск). В постановке подобных действий участвовали крупнейшие режиссеры — Н. Петров, К. Марджанов, Н. Охлопков, Н. Евреинов и другие (*Дубинская А.И. Массовые действия // История советского театра*. Л.: Ленингр. отд. гос. изд-ва худож. лит-ры, 1933. Т. 1. С. 264—290).

24. «...изменить либретто в “Смерть Сусанина”...» — после Февральской Революции опера Ф. Глинки была исключена из репертуара Большого театра. Идея героического подвига Ивана Сусанина, отдавшего «Жизнь за царя», не отвечала духу времени. Однако позже в 1920-е гг. предпринимались попытки кардинальной переделки либретто оперы. Например, по одной из версий «Иван Сусанин обратился в «предсельсовета» — в передового крестьянина, стоящего за советскую родину. Ваня обращен был в комсомольца. Поляки остались на месте потому, что в это время как раз была война с Польшей, где выдвинулся Тухачевский. Конечный апофеоз анархии и новой династии превратился в гимн и апофеоз новой власти: «Славься, славься, советский строй» — так, по моим воспоминаниям, был перефразирован финальный гимн» (цит. по: *Сабанев Л.Л. Воспоминания о России*. М.: Классика—XXI, 2005). Действительно, подобные переделки были связаны с тем, что новая власть остро нуждалась в действенных идеологических символах в целях пропаганды своих идей и воспитания «нового человека». В этой связи А.В. Луначарский отмечал: «Мы пока еще очень бедны символами. У нас нет новой музыки, которая выражала бы собою нашу революцию, мы должны пользоваться, в сущности говоря, одним-единственным гимном, да и то несколько устарелым в музыкальном отношении. У нас нет образов, которые с такой же отчетливостью выражали бы наши переживания, как, скажем, для мелко-

буржуазной Швейцарии выражал их шиллеровский «Вильгельм Телль» или как для монархистов выражала их опера «Жизнь за царя» (Луначарский А.В. Почему мы сохраняем Большой театр? Л.: Управление Государственных академических театров, 1925). Поэтому Луначарский полагал, что героика гениальной оперы Глинки вполне соответствует героике послереволюционной России и либретто оперы нуждается лишь в небольших изменениях.

25. «складом, формой и отпечатком эпохи» — в указании актерам Гамлет говорит, что они должны действовать без лишней скованности и во всем слушаться внутреннему голосу: «сообразуйте действие с речью, речь с действием, причем особенно наблюдайте, чтобы не переступить простоты природы; ибо все, что так преувеличено, противно назначению лицедейства, чья цель как прежде, так и теперь была и есть — держать как бы зеркало перед природой, являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток. Если это переступить или же этого не достигнуть, то хотя невежда это и рассмешит, однако же ценитель будет огорчен...». Заметим, что в своей более ранней работе «Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира», обращаясь к данному эпизоду, Л.С. Выготский акцентирует внимание на несколько ином моменте — на значении «сцены на сцене» для общего хода трагедии. При этом для него важна именно символика сцены — «законы этого зеркала жизни», когда актер, играя заданную роль, «переживая ее», постигает тайный смысл трагедии. Подобная символика сцены, «ее смысл, закон ее действия здесь вынесены наружу», позволяют «уловить смысл» реальной жизни. Эта более ранняя интерпретация сцены обращения к актерам, с нашей точки зрения, позволяет уточнить мысль Выготского о том, что «театр революционного времени» должен отражать (выражать) именно глубинный смысл данного исторического периода (Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 435—436).

26. «Крах Торгового дома Романовых и К-о» — пьеса М. Линского, где Государственную думу и Россию изображали в фривольных тонах, шла в репертуаре Литейного театра в 1917 г.

27. «...одно имя Распутина было признаком и гарантией занимательного зрелища» — в этой связи, можно отметить пьесы «Как Гришку с Николкой мир рассудил» А. Курбского, «Гришкин гарем (Распутин, женщины и Ко)» В. Леонидова, «Голос с того света, или Гришка Распутин в гостях сатаны» Р. Меч (Менделевича), «Ночные оргии Распутина» В. Рамазанова и др., которые шли на сценах петроградских театров в 1917 г.

28. «Дезертир» — возможно, имеется в виду пьеса крестьянского писателя И.И. Макарова «Дезертир».

29. «зрители высоких зрелищ — роковых минут мира» — неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Цицерон» (1831).

...Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!

Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

30. «Напрасно правительственный комиссар по делам искусства В. Фриче рекомендовал...» — здесь Л.С. Выготский допускает неточность, поскольку В.М. Фриче в 1918 г. был назначен комиссаром по иностранным делам Московской области. Должности комиссара по делам искусства на тот период вообще не существовало: был Комиссариат народного просвещения, где должность Наркома просвещения с 1917 по 1929 г. занимал А.В. Луначарский. Декретом СНК РСФСР от 26.08.1919 г. «Об объединении театрального дела» руководство театральным делом России возлагалось на Центральный Комитет (Центротетра) при Народном Комиссариате по Просвещению, где исполнительным аппаратом являлся Театральный Отдел (ТЕО). Первоначально руководила отделом Вера Рудольфовна Менжинская (1872—1944), которая не имела прямого отношения к театральному искусству; в сентябре 1920 г. руководителем ТЕО был назначен В.Э. Мейерхольд, занимавший эту должность до февраля 1921 г., который и выдвинул программу реформирования театрального дела в послереволюционной России, политизации театра — «Театральный Октябрь» (1920).

Учитывая вышесказанное, можно с высокой долей вероятности предположить, что в приведенной фразе содержится явная опечатка, и ее надо читать следующим образом: «Напрасно правительственному комиссару по делам искусства В. Фриче рекомендовал...». Правомочность подобного исправления подтверждается тем, что в 1908 г. в своей статье «Театр в современном и будущем обществе» В. Фриче действительно обсуждает намеченные А.В. Луначарским две тенденции развития театра в социалистическом обществе: театр «коллективный» и театр «интимный». Однако, по мнению Фриче, ссылавшегося на опыт Германии, коллективный театр, по сути дела, означает бесплатный, общедоступный, народный театр. Театр же интимный, — «театр для немногих, для богатой, избранной публики». В этой связи основная критика Фриче взглядов Луначарского заключалась в том, что предложенное последним разделение театра на два типа («коллективный» и «интимный») не устраняет классового неравенства и ориентировано на наличие «классовой организации общества со всеми ее интеллектуальными, моральными и эстетическими последствиями». По мнению Фриче, в социалистическом же (бесклассовом) обществе: «сцена должна снова слиться с публикой и театральные зрелища с их разделением на зрителей и актеров уступят место коллективным празднествам, торжественным процессиям, массовым хорам и т.п.» (Фриче В. Театр в современном и будущем обществе // Кризис театра: Сборник статей. М.: Проблемы искусства, 1908. С. 185).

31. «...театр определенного политического направления, тенденциозный» — следует заметить, что Л.С. Выготский еще в 1919 г. уловил важность темы тенденциозности искусства, которая станет одной из наиболее остро обсуждаемых в 1920-е гг. Так, в программе «Театрального Октября» (1920) В.Э. Мейерхольд высказал тезис о необходимости строить театр открыто тенденциозный, агитационный, подчиненный политическим задачам эпохи. С его точки зрения, необходимо было разрушить старые театральные формы и создать новые — революционные. Возражая мнению о том, что агитационность искусства разрушает художественность, «чистоту искусства» и ограничивает свободу творчества, он парировал: «Лучшие образцы драматургии так называемого классического репертуара всегда были явно тенденциозны и явно агитационны. Таковы все комедии Аристофана, все комедии Мольера, «Генрих V» и многое у Шекспира, «Горе от ума», «Ревизор», «Смерть Тарелкина», Ибсен, Оскар Уайльд, Чехов, и еще, и еще, и еще. Не о чем тут толковать, всякий должен согласиться с тем, что вся драматургия прежде всего тенденциозна и, прежде всего, агитационна» (Мейерхольд В.Э. Театральные листки // Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч. / Комментар. А.В. Февральского. М.: Искусство, 1968. Ч. 2. С. 27).

Более сдержанную позицию в этом вопросе занимал А.В. Луначарский, отмечавший, что «тенденциозностью называется обыкновенно в искусстве проведение идеи, так сказать, насильственно. Произведение тенденциозное навязывает свою тенденцию, идея не вытекает сама собой из глубоко правдивого, внутренне гармоничного, в себе самом потрясающего зрелища, а как бы пришивается белыми нитками к нему, искажая часто самый ход событий и последствия развития характера. Чем менее замечаем мы такое нахлобучивание колпака тенденции на голову пьесы, чем более вложенная автором идея слита с самым действием и, так сказать, подсказывается им не только нашей голове, но и вкрадывается в самое наше сердце, взволнованное зрелищем, — тем более имеем мы перед собою не тенденциозную, а просто глубоко идейную пьесу» (Луначарский А.В. Театр и революция // Луначарский А.В. Собрание сочинений: в 8 т. Литературоведение, критика, эстетика. М.: Художественная литература, 1964. Т. 3. С. 90—91). Поэтому, не отрицая важность для воспитания зрителя агитационных, плакатных пьес, с его точки зрения, революционная, социальная пьеса вовсе не обязательно должна быть тенденциозной: «Мы имеем большое количество пьес прошлого, которые в меньшей мере, но, тем не менее, несомненно, воспитывают чувство собственного достоинства в человеке, ненависть ко всякой тирании, эксплуатации, которые презирают лицемерие, малодушие, которые зачастую очень глубоко вскрывают пороки буржуазии, чиновников и их министров и т. д., которые жгуче изображают если не самую борьбу, то, по крайней мере, страдание пролетариата и т. д. и т. д.» (там же, с. 91).

32. «...Художественный театр и его Студия...» — здесь имеется в виду Первая студия Художественного театра, организованная в 1912 г. под руководством К.С. Станиславского и Л.А. Сулержицкого. Среди актеров студии были М. Чехов, Е. Вахтангов, А. Дикий, С. Бирман и другие. Более подробно см. прим. 7 к рецензии Л.С. Выготского «Гастроли второй студии МХАТ» (Наш понедельник. 1923. № 51, 27.08. С. 3).

33. «На дне» — премьера пьесы М. Горького в Художественном театре состоялась в 1902 г. (режиссеры: К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко, художник В.А. Симов; роли исполняли: Сатин — К. Станиславский, Лука — И. Москвин, Барон — В. Качалов, Настя — О. Книппер, Бубнов — В. Лужский и др.).

34. «Гибель «Надежды»» — постановка пьесы Г. Гейерманса в Первой студии Художественного театра была осуществлена Р. Болеславским в 1913 г. (в ролях: Баренд — А. Дикий, Симон — А. Чебан и др.).

35. «Ткачи» — в первые годы после Октябрьской революции эта пьеса Г. Гауптмана была широко популярна, в частности, в 1918 г. премьерой «Ткачей» открылся Дом рабочих Петроградской коммуны.

36. «Бобровая шуба» — пьеса Г. Гауптмана ставилась, например, в Замоскворецком театре в Москве в 1918 г.

37. «Смерть Дантона» — в декабре 1917 г. дирекция театра Корша предложила А. Толстому написать инсценировку для романтической трагедии Г. Бюхнера; премьера спектакля на сцене театра Корша состоялась в 1918 г. (режиссер — А.П. Петровский, художник — Е. Соколов, в главной роли — М. Нароков). Поскольку комментируемая статья была опубликована Л.С. Выготским в Киеве, то стоит добавить, что в сезоне 1918/1919 пьеса готовилась к постановке в Одесском драматическом театре (режиссер — Г.В. Гловацкий). В это же время в Одессе находился и А.Н. Толстой, который публично читал пьесу на своих концертах во время гастролей по городам Украины. Инсценировка Толстого трагедии Бюхнера активно обсуждалась на страницах украинских газет и журналов. В частности, В. Катаев полагал, что она может иметь большой успех у зрителей, отмечая, что отдельные сцены показались ему особенно впечатляющими — например, та, где Робеспьер говорит: «В последнее время мне часто снится сон, будто я пишу длинный список тех, кто должен быть казнен, в конце списка ставлю — Максимилиан Робеспьер, и рука моя не может остановиться. И в холодном поту я просыпаюсь». В чтении это место производит очень сильное впечатление, и, надо полагать, на сцене оно будет потрясающим. Таких мест в пьесе очень много» (Жизнь, 1918. № 20, 10. С. 8—9).

38. «Пьеса эта нередко вызывала истерику в зрительном зале (сцена казни) благодаря чрезвычайной ее «современности»...» — здесь Л.С. Выготский фиксирует крайне важный феномен зрительского восприятия, когда события пьесы отождествляются с современной реальностью, и исчезает дистанция между сценой и жизнью; пропадает магическое «как

бы», и зритель переживает не характерный для восприятия искусства эстетический катарсис, а «реальную истерику». Зритель не видит, не чувствует формы, художественной условности.

Актуальность событий, происходящих на сцене, как пишет Выготский «их современность», обуславливает проявления истерических реакций в зрительном зале. По сути дела, Выготский фиксирует проявление феномена психического заражения, который основан на действии механизма идентификации. Подчеркнем, что Выготский весьма точно диагностирует своеобразие этого феномена как проявление *истерики*. В этой связи сопоставим описание механизма идентификации при интерпретации истерического припадка, как действия психической инфекции у З. Фрейда: «Третьим особенно частым и важным случаем образования [истерического. — *Ред.*] симптома является тот случай, когда идентификация совершенно не обращает внимания на объектное соотношение к лицу, которое она копирует. Когда, например, девушка, живущая в пансионате, получает письмо от своего тайного возлюбленного, возбуждающее ее ревность, и реагирует на него истерическим припадком, то некоторые из ее подруг, знающие об этом, заражаются этим припадком, как мы говорим, путем психической инфекции. Здесь действует механизм идентификации, происходящей на почве желания или возможности находиться в таком же положении. Другие тоже хотели бы иметь тайную любовную связь и соглашались под влиянием сознания своей виновности также и на связанное с ней страдание. Было бы неправильно утверждать, что они присваивают себе этот симптом из сострадания. Наоборот, сострадание возникает лишь из идентификации, и доказательством этого является тот факт, что такая инфекция или имитация возникает и при таких обстоятельствах, когда предшествующая симпатия меньше той, которая имеет обычно место между подругами по пансионату. Одно “Я” почувствовало в другом существенную аналогию в одном пункте, в нашем примере — в одной и той же готовности к чувству; на основании этого создается идентификация в этом пункте, и под влиянием патогенной ситуации идентификация передвигается на симптом, продуцируемый человеческим “Я”. Идентификация через симптом становится, таким образом, признаком скрытого места у обоих “Я”, которое должно было бы быть вытеснено» (цит. по: *Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»*. М.: Современные проблемы, 1926).

39. «*Взятие Бастилии*» — под таким названием была поставлена в 1918 г. пьеса Р. Роллана «Четырнадцатое июля» (1902) к празднованию годовщины Октябрьской революции Театральной ареной Пролеткульта в Петрограде. Для постановок Арены Пролеткульта было характерно использование коллективной декламации, ритмо-пластических движений, аллегорий и символов, подчиненных агитационным задачам.

40. «*Коммивояжер свободы*» — в библиографии Викторьена Сарду (1831—1908) пьесу с таким назва-

нием обнаружить не удалось. Вместе с тем отметим, что его пьесы «Запретный плод», «Нервные люди», «Граф де Ризоор» (оригинальное название: «Родина!»), «Термидор», «Мадам Сан-Жен» были весьма популярны в России. Во время пребывания Л.С. Выготского в Киеве в 1918—1919 гг. пьесы Сарду были в репертуаре Железнодорожного театра под руководством С. Кабузана.

41. «*Фразы о «явном превосходстве монархии» зритель встречает аплодисментами, и актер произносит не без расчета на политический момент (Киев)...»* — подчеркнем, что здесь Л.С. Выготский ссылается на свои впечатления о посещении спектаклей в Киеве, который в то время был оккупирован германскими и австрийскими войсками. Как видно из этих заметок, значительная часть театральной публики Киева явно отрицательно относилась к Советской власти и поддерживала монархию. В этой связи данный фрагмент в соответствии с общей темой статьи («Театр и революция») проявляет, скорее, негативное отношение публики, пришедшей в театр, к революции: театр как социальный институт дает возможность эмоционального публичного проявления своей позиции именно тем группам и слоям, которые не принимают революционных преобразований. Это и есть «выход современности из зрительного зала на сцену». При этом подобный *выход*, как открытая эмоциональная реакция, в социально-психологическом плане выполняет своеобразную *социально-психологическую компенсаторную* роль, обуславливая возможность выражения своей политической позиции. Заметим, что возможна и иная ситуация, когда проявление зрителем открытой эмоциональной реакции во время театрального действия связано с особым типом протестного поведения. В этом случае зритель проявляет свое позитивное отношение к цензурируемым и запрещенным властью темам. Так, сидя в зрительном зале, он оказывается защищенным, поскольку ситуация, по поводу которой проявляется открытая эмоциональная реакция, является *условной*, и зритель не выражает прямого политического протеста. Подобный тип эмоциональной реакции носит явный игровой характер: зритель выражает протест официальной власти, но, в то же время, его в этом власть не может обвинить, поскольку реакция не носит прямого характера и выражена в отношении не реального, а «вымышленного» (театрального действия). Поэтому театр является крайне притягательным, поскольку гарантирует зрителю возможность публично выразить свое несогласие и протест в отношении существующей власти, при этом, не подвергаясь санкциям.

42. «*Бедная сатира. Бедный зритель: он в жажде и погоне за современностью освистывал вначале...*» — заметим, что скептическая оценка Л.С. Выготским современной сатиры перекликается с анализом сатирических журналов, газет и сборников в период революции М. Кольцова, который представлен в его статье «Русская сатира и революция», помещенной в данном сборнике: «С осени наша сатира открыто от-

шатнулась от демократии, пролетариата, социальной революции, пожалуй, и от просто революции. Классовая борьба, настоящая, неприкрытая, кровавая — испугала. Она, оказывается, страшная и совсем не смешная... <...> У сатиры исчез ее задорный пыл. Потянуло назад — к теплым берлогам вчерашней подъяремной культуры. Сатира придвинулась поближе к интеллигенции, раньше уродливой и осмеянной, теперь благородной, невинно-несчастной» (*Кольцов М. Русская сатира и революция // Стихи и проза русской революции. Сборник первый. Киев: Книгоиздательский кооператив «Современная мысль», 1919).*

43. «...потом устроивал овалы городовому в «Днях нашей жизни» — в тоске по твердой власти» — премьера пьесы Л.Н. Андреева состоялась на сцене петербургского Нового театра в 1908 г. Также она ставилась в Одесском драматическом театре (1908), Киевском театре «Соловцов» (1908) и в Театре Корша (1909). Скорее всего, Л.С. Выготский ссылается здесь на свои театральные впечатления при просмотре данного спектакля по пьесе Андреева в театре «Соловцов».

Заметим, что городского в списке действующих лиц пьесы нет, однако эта фигура присутствует в авторских ремарках и эпизодически появляется во время спектакля: «Действие второе. Тверской бульвар. Время к вечеру. Играет военный оркестр. В стороне от главной аллеи, на которой тесной толпой движутся гуляющие, на одной из боковых дорожек сидят на скамейке Ольга Николаевна, Глуховцев, Мишка, Онуфрий и Блохин. Изредка по одному, по двое проходят гуляющие. В стороне прохаживается *постовой городской* [выделено ред.] в сером кителе. Звучит оркестра, играющего вальс «Клико», «Тореадора и Андалузку», вальс «Ожидание» и др., доносятся откуда-то слева <...> Сторож идет жаловаться *городовому*. Тот равнодушно, через плечо, взглядывает на студентов и отмахивается от сторожа рукою <...> Проходит сильно подкрашенная женщина, по виду из гулящих, замечает пристальный взгляд *городового* и резко поворачивает назад. Походка развалистая и ленивая. Поглядывает на студента и напевает: «Я обожаю, я обожаю...»» (*Андреев Л.Н. Драматические произведения: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 2. С. 3—62).*

Таким образом, зафиксированные Выготским «овации городовому» характеризуют крайне интересный психологический феномен явного смещения смыслового акцента при восприятии спектакля зрителем. Как мы видим, здесь на первый план выступает молчаливая, эпизодическая, третьестепенная фигура. Проявление же открытой позитивной реакции (явно неадекватной предложенному драматургом контексту сценического действия) к этой незначительной фигуре, одетой в форменный китель, лишь усиливает смысловой акцент, — реакцию позитивного принятия зрителем не просто твердой, а именно *старой* власти. Заметим, что сам по себе этот феномен *смысловой переакцентуации* определяет не только изменение содержания за счет подключения нового социального контекста, но характеризует и особый

способ публичного поведения театрального зрителя как участника сценического действия, когда он подобным открытым проявлением своей эмоциональной реакции становится и явным соавтором спектакля. Подчеркнем, что в основе подобной публичной реакции в данном случае лежит самоутверждение своей социальной позиции. Иными словами, приводя подобный пример, Выготский намечает особый сюжет, связанный с выявлением смысловой позиции зрителя при восприятии спектакля, шире, — реконструкции смысловой партитуры зрительского восприятия. И это особый предмет работы театрального критика в отличие от режиссера, который выстраивает смысловую партитуру спектакля.

44. «...переделанной для сцены поэмы Вас. Каменского «Стенька Разин»...» — поэма русского поэта-футуриста В.В. Каменского «Стенька Разин» написана в 1915 г.; в 1919 г. она переработана в пьесу; в 1928 г. написан роман. Из известных театральных постановок стоит отметить постановку «Стеньки Разина» во Дворце Октябрьской революции (Москва; реж.: В.Г. Сахновский; 1918 г.) и постановку в Волковском театре (Ярославль; реж.: Ф.Д. Субботин; 1919 г.). Добавим, что к поэме Каменского «Стенька Разин» Л.С. Выготский также обращается и позднее в своей рецензии на гастроли в Гомеле артиста Максимова, который включал фрагменты из этого произведения в своей репертуар (см. рецензию Л.С. Выготского «Гастроли Максимова» в газете «Полесская правда» № 1072 от 13.12.1923. С. 3).

45. «...«Мистерия-буфф» Вл. Маяковского» — поскольку в данной статье Л.С. Выготский уделяет этой пьесе особое место, дадим развернутый комментарий, касающийся первой постановки «Мистерии-буфф».

Первая читка пьесы состоялась в сентябре 1918 г. на квартире Осипа и Лилии Брик, где присутствовали А. Луначарский, С. Альтман, А. Лурье, Н. Пунин, В. Мейерхольд и другие. Пьеса произвела на присутствующих сильное впечатление; чуть позднее Луначарский публично заявил, что содержание «Мистерии-буфф» соответствует «гигантским переживаниям настоящей современности». Центральное бюро по организации празднования первой годовщины Октябрьской революции приняло решение о постановке пьесы. Первоначально постановку планировалось осуществить на сцене Александринского театра, однако «эту мысль очень скоро пришлось оставить. Старое актерство Александринского театра в своей значительной части было настроено в то время реакционно, и в его глазах эта пьеса была величайшим кощунством. Отношение слушателей — актеров Александринского театра — к «Мистерии-буфф» показывает такой, например, факт, что во время чтения кое-кто из актеров крестился и повторял: «Свят, свят» (*Февральский А. Комментарии // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1939—1949. Т. 3. С. 420).* В результате, пьесу решено было ставить в Театре музыкальной драмы силами сборных актеров, к которым было

опубликовано следующее обращение: «Товарищи актеры! Вы обязаны великий праздник революции ознаменовать революционным спектаклем. Вами должна быть разыграна «Мистерия-Буфф», героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное В. Маяковским. Приходите все в воскресенье 13 октября в концертный зал Тенишевского училища (Моховая, 33). Автор прочтет «Мистерию», режиссер изложит план постановки, художник покажет эскизы, а те из вас, кто загорятся этой работой, будут исполнителями...» (там же, с. 421).

Режиссером-постановщиком был назначен В. Мейерхольд, художником-постановщиком стал К. Малевич. Маяковский исполнял в спектакле три роли: «человека просто», Мафусаила и одного из чертей. За два дня до премьеры в «Петроградской правде» Луначарский писал: «...Единственной пьесой, которая задумана под влиянием нашей революции и поэтому носит на себе ее печать, задорную, дерзкую, мажорную, вызывающую, является “Мистерия-Буфф” Маяковского. Я, конечно, не поручусь за ее успех, я только слышал ее в чтении автора и перечел сам. Как литературное произведение, это очень оригинально, сильно и красиво. <...> Это веселое символическое путешествие рабочего класса, после революционного потопа постепенно освобождающегося от своих паразитов, через рай и ад, в землю обетованную, которая оказывается нашей же грешной землей, только омытой революционным потоком, и на которой все «товарищи вещи» ждут с нетерпением своего брата, трудящегося человека. И написано все это острым, пряным, звонким языком. Так что на каждом шагу попадают такие выражения, которые, быть может, станут ходячими. Я от души желаю успеха этой молодой, почти мальчишеской, но такой искренней, шумной, торжествующей, безусловно, демократической и революционной пьесе. Я от души желаю, чтобы в зале Музыкальной драмы и Народного дома как можно больше было нашей, настоящей публики, нашей рабочей, красноармейской, крестьянской» (Петроградская правда [ежедн. изд.]. 1918. № 243, 5.11).

Стоит заметить, что оценка спектакля не была однозначной. Так, Андрей Левинсон писал: «Я принадлежу к тем, кого громкий неуспех «Мистерии-буфф» Маяковского не смог изумить нисколько. <...> Футуристы не ведут, а сами влекутся за моментом. Им надобно угодить новому хозяину, оттого они так грубы и запальчивы. <...> Что сказать о гулкой и красочной словесной массе, образующей текст мистерии, о громких и полых, как барабаны, стихах? То, что мы слышали, — сплошная и часто курьезная игра в «буриме» — подыскание начала строк к искусственным, редкостным или впрямь невозможным рифмам. И ранее поэты забавлялись на досуге этими поэтическими головоломками.<...> Поэтическое призвание Маяковского — дар формальный, и никакой гений мистификации не в силах подделать отсутствующего духа.<...> Подавляющее чувство ненужности, вымученности совершающегося на сцене еще усугубля-

лось исполнением. <...> В лирических местах режиссеры (автор и В.Э. Мейерхольд) применили хоровую читку, что, как известно из многократного опыта, неизменно приводит к неудаче. Такие приемы, как выход актера на сцену через зрительный зал, удручают банальностью мнимой новизны.<...> Декорации были писаны Малевичем; очень живописен сводчатый “Ад”, багровый и зеленый; зато невразумителен и уныл явленный им лик “Обетованной земли”, города радостного труда; веселы в “Раю” пестрые пузыри облаков» (Левинсон А. «Мистерия-буфф» Маяковского // Жизнь искусства [ежедн. изд.]. 1918,11,11).

Эта критическая статья возмутила Маяковского, и он опубликовал открытое письмо Луначарскому: «Товарищ! Вами была принята к постановке и опубликованию “Мистерия-буфф”. Я пригласил вас и ваших товарищей на первое чтение “Мистерии”, чтобы получить подтверждение в необходимости ее появления от тех людей, чьей быть она претендовала. Вы назвали “Мистерию-буфф” единственной пьесой революции. После этого у вас было достаточно и времени, и материала для пересмотра вашего мнения. У вас был экземпляр “Мистерии”, вы присутствовали на генеральной репетиции, но вы не только не изменили своим словам, но даже еще укрепили их — сначала статей в “Правде”, а затем приветственной речью в театре перед поднятием занавеса. Очевидно, товарищ, вы были не один, а точно выражали желания коммуны, ибо “Мистерия” была единогласно принята Центральным бюро к постановке в Октябрьские дни. Отношение аудитории первых двух дней не пошло в разрез с вашим; вспомните хотя бы шумную радость после пролога. Из этого ясно, что задача советской печати заключается в пропагандировании “Мистерии” в пролетарских кругах, в случае же недостатков в постановке — приложении всех усилий к их искоренению. Иначе смотрит на это единственная в настоящее время театральная газета “Жизнь искусства”, официальный орган отдела театров и зрелищ ком<иссариата> нар<одного> прос<вещения>. В единственной этой театральной советской газете появление этой советской властью принятой и проводимой “Мистерии” объяснено желанием подлизаться, “желанием угодить новым хозяевам людей, еще вчера мечтавших вернуться к допетровской России”. <...> Я возмущен возможностью появления подобной инсинуации в газете советской власти, принявшей “Мистерию”. Дело не в эстетической оценке — она в статье не заметна и, во всяком случае, допустима в любой форме, — дело в моральном осуждении “Мистерии”. Если автор статьи прав, и “Мистерия” вызывает только “подавляющее чувство ненужности, вымученности совершающегося на сцене”, то преступление тратить деньги на ее постановку, обманывая доверие рабочего класса; если же верно сделали вы, ставя “Мистерию”, — тогда достойно оборвите речистую клевету. Требуя к общественному суду за грязную клевету и оскорбление революционного чувства редакцию газеты и автора статьи, я обращаю на это и ваше внимание, тов. ко-

миссар, ибо вижу в этом организованную черную травлю революционного искусства» (*Маяковский В.* Открытое письмо народному комиссару по просвещению тов. Луначарскому // Петроградская правда [ежедн. изд.]. 1918. № 254 (480), 21.11).

Следует добавить, что помимо Петрограда Маяковским была предпринята попытка поставить «Мистерию-буфф» в Москве. Театральный отдел Наркомпроса рекомендовал пьесу к постановке; поручение было дано А.Я. Таирову и Н.Н. Фореггеру. Однако в 1918 г. «Мистерия-буфф» в Москве поставлена не была. Маяковский неоднократно пытался добиться постановки «Мистерии-буфф», перерабатывал текст, но ведущие театры Москвы и Петербурга не включали ее в свой репертуар. В начале 1920-х гг. пьеса ставилась в других городах: в 1921 г. — в театрах Томска, Тамбова, Екатеринбурга; в 1922 г. — в Иркутске; в 1923 г. — в Казани.

46. «...героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи...» — это буквально повторенный Л.С. Выготским подзаголовок, данный В.В. Маяковским к пьесе «Мистерия-буфф».

47. «Все заново: мистерия буфф!» — здесь Л.С. Выготский специально акцентирует внимание на собственно театральной новизне произведения, подчеркивая, что оно строится на синтезе двух исходно различных театральных жанров — мистерии и буффонады. Так, если мистерия генетически связана с «тайнством» (тайным священнодействием) и происходит от богослужения, совокупности тайных культовых мероприятий, к участию в которых допускались лишь посвященные, то буффонада основана на резком преувеличении, гротеске, утрированно-комической манере актерской игры (окарикатуривании действий, явлений, характера персонажей) и построена на приемах народного площадного театра. Таким образом, театральная революционность новой пьесы В.В. Маяковского связана, действительно, с синтезом двух генетически разных линий театрального искусства: тайного священнодействия и народного площадного театра.

48. «Но есть много и газетно-злободневного: все эти «совнебо» — в данном случае Л.С. Выготский четко улавливает особую ориентацию В.В. Маяковского на злободневность и тенденциозность, которые отчетливо проявились при переработке пьесы, где она существенно трансформируется в жанр политического обозрения: «Новая политическая обстановка заставила автора включить в пьесу новое действие (пятое), в котором была отражена борьба советского государства с разрухой. Затем на протяжении всей пьесы были вставлены в текст многочисленные упоминания о трудностях, характерных для эпохи «военного коммунизма»: продовольственный кризис с пайками, карточками и спекуляцией, бюрократизм, спецы-саботажики, блокада РСФСР, а также замечания об электрификации и о концессиях в связи с обсуждением этих вопросов на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. и намеки на дискуссию о профсоюзах 1920—1921 гг. Был введен и даже

проведен через всю пьесу существенный персонаж — соглашатель-меньшевик» (*Февральский А.* Комментарии // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1939—1949. Т. 3. С. 426—427).

49. «...от ума написано a these» — «a these» в переводе с французского означает дидактическое произведение или произведение, которое излагает теорию. Таким образом, всю фразу можно читать как: «...от ума написано, дидактично (теоретично)».

50. «Эта бедность духа — дерево с булкой! — вот идеологическая сторона пьесы. Духа трагического нет в ней» — заметим, что Л.С. Выготский, начиная свой анализ «Мистерии-буфф» подчеркивает, что она «от начала до конца родилась из духа современности». Заканчивая же разбор пьесы, он фиксирует напротив, — отсутствие в ней трагического духа; трагический дух современности из произведения выветрился и заменен «деревом с булкой». В этом отношении можно говорить о своеобразии проведенного анализа, результатом которого является отрицание исходного тезиса, что само по себе является основой диалектического мышления. Вместе с тем стоит добавить, что Выготский соглашается здесь и с негативной оценкой, высказанной по этому поводу А. Левинсоном: «Поэтическое призвание Маяковского — дар формальный, и никакой гений мистификации не в силах подделать отсутствующего духа» (*Левинсон А.* «Мистерия-буфф» Маяковского // Жизнь искусства [ежедн. изд.]. 1918, 11.11.).

51. «Н. Пунин назвал пьесу классической» — имеется в виду статья Пунина «О “Мистерии-буфф” Вл. Маяковского», где он дал оценку пьесе как «самой веселой вещи в русской литературе после “Горя от ума”» (*Пунин Н.* О «Мистерии-буфф» Вл. Маяковского // Искусство коммуны [еженед. изд.]. 1918. № 2.).

Здесь стоит добавить несколько фактов, касающихся творческой и личной биографии Н.Н. Пунина (1888—1953). С 1913 по 1916 г. — сотрудник журнала «Аполлон»; в 1913—1934 работал в Русском музее, а после революции — комиссар при Русском музее и Государственном Эрмитаже; в 1918—1919 гг. — заведующий Петроградским отделом изобразительных искусств Наркомпроса; в 1917—1919 гг. — главный редактор петербургской газеты «Искусство коммуны», на страницах которой публиковались В. Маяковский, О. Брик, М. Шагал, К. Малевич, В. Шкловский и другие. Был также заведующим отделом общей идеологии и заместителем директора Ленинградского государственного института художественной культуры (ГИНХУК) в 1923—1926 гг. Автор книг: «Татлин» (1921), «Современное искусство (цикл лекций)» (1920), «Новейшие течения в русском искусстве» (1927—1928) и др.

Из фактов личной жизни Пунина следует отметить, что с 1917 г. он состоял в браке с Анной Аренс; известно, что в 1920 г. у него был роман с Лилией Брик, что подтверждается дневниковыми записями; с 1923 г. состоял в гражданском браке с Анной Ахма-

товой. Был арестован в 1921 г. по делу «Петроградской боевой организации»; отпущен по ходатайству А. Луначарского. К середине 1920-х гг. относится его известная фраза: «Хорошую тюрьму придумали, сразу для всех и без решеток» (*Пушин Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000). В 1935 г. вновь арестован, но вскоре отпущен по ходатайству А. Ахматовой и Б. Пастернака; в 1949–1953 гг. — репрессирован. Посмертно реабилитирован.

52. «...новый дух ищет новых форм для своего воплощения, как новое вино нельзя влить в мехи ветхые» — фраза «Новое вино в ветхие мехи» встречается в Евангелии от Матфея (Мф. 9:17), от Марка (Мк. 2:21–22), от Луки (Лк. 5:37–39). В Евангелии от Луки к фразе добавлены следующие слова: «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то, и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше». Притча опирается на образ, взятый из повседневной жизни: новые мехи растягиваются вместе с молодым вином, которое налито в них, а потом затвердевают после прекращения брожения. Если молодое вино налить в старые, уже затвердевшие мехи, мехи могут лопнуть из-за продолжающегося брожения. Ветхими мехами Христос образно обозначил иудейскую религию. Притча о новом вине в ветхих мехах часто понимается в том смысле, что новое учение Христа не может уместиться в рамках иудейской религии. Новое учение не вливается в ветхих иудеев. Требование соблюдения старых норм (мехи) бессмысленно при новой идеологии, «духовности» (вино). Заметим, что в Евангелии от Луки содержится два смысла. Один очевидный и понятный: новое содержание требует новых форм. Второй не столь очевиден: старое настоявшееся вино лучше молодого, поэтому новое первоначально отвергается, оно должно «настояться».

Следует отметить, что эта притча использовалась Л.С. Выготским и в его более поздних психологических работах. Так, свое «Предисловие» к книге А.Ф. Лазурского Выготский заканчивает словами: «...до тех пор, пока новая система не создана, нам остается критически временно принять и в науке, и в преподавании прежний аппарат науки, помня, что это единственный способ реализовать и перевести в новую науку те неоспоримые ценности объективных наблюдений, точных экспериментов, которые накоплены в вековой работе эмпирической психологии. Надо только все время помнить условность этой терминологии, тот новый угол, которым повернуто каждое понятие и слово, то новое содержание, которое в него вложено. Надо ни на минуту не забывать, что каждое слово эмпирической психологии есть старые мехи, в которые должно быть влито новое вино» (*Выготский Л.С.* Предисловие // Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. Л.: Госиздат, 1925. С. 23). В своей более поздней фундаментальной рабо-

те «Педология подростка», обсуждая особенности подросткового мышления, Выготский пишет: «Мы можем констатировать, что все изменения в содержании, как неоднократно указывалось, необходимо предполагают и изменение форм мышления. Здесь как нельзя более подходит общий психологический закон, гласящий, что новое содержание не заполняет механически пустую форму, но содержание и форма являются моментами единого процесса интеллектуального развития. Нельзя влить новое вино в старые мехи» (*Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. С. 77).

53. «Живописцы вынесли свои кисти и краски на улицы и площади» — возможно, здесь содержится неявная отсылка к стихотворению В.В. Маяковского «Приказ по армии искусства» (1918): «Улицы — наши кисти. / Площади — наши палитры. / Книгой времени / тысячелистой революции дни не воспеты. / На улицы, футуристы, / барабанщики и поэты!».

54. *Озаровский Юрий Эрастович* (1869–1924) — драматический актер, педагог, театровед, режиссер Александринского театра. После революции эмигрировал в Париж, где основал русскую драматическую школу. Автор ряда фундаментальных работ по технике художественной речи: брошюра «Мелодекламация» (1913), «Музыка мысли и чувства в искусстве живой речи» (1913, статьи в журнале «Аполлон», № 8–10), книга «Музыка живого слова. Основы русского художественного чтения» (1914). Можно предположить, что к работам Озаровского по сценической речи Л.С. Выготский обращался в своих театральных рецензиях (1922–1923 гг.) при анализе и оценке техники речи актеров, выступавших на сцене гомельских театров.

55. «По-новому, иными глазами, иной душой смотрим мы на древние создания» — на наш взгляд, данное высказывание соотносимо с той дискуссией, которая развернулась в конце 1919 г. между Н.И. Бухариным и А.В. Луначарским по поводу роли старой культуры в формировании нового человека. Так, Бухарин в своей статье «Мстителю» писал: «Старый театр нужно сломать. Кто не понимает этого, тот не понимает ничего» (Правда [ежедн. изд.]. 1919. № 282, 16.12.). Более того, чуть позже в 1920 г. в своей книге «Экономика переходного периода» он уже не ограничивался цензурой и «сломом» старой культуры, а считал вполне правомерным использование жестких репрессивных мер: «С точки зрения большого по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (*Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. М.: Госиздат, 1920). Позиция же Луначарского была более взвешенной. Через неделю после появления статьи Бухарина был опубликован ответ: «Гов. Бухарин думает, что знакомство со всем прошлым человечества через великие произведения гениев всех народов и

всех эпох, из которых очень и очень многое только невежда может втиснуть в рамки “буржуазности”, — означает собой “плен” у буржуазной культуры. Мы же считаем, что это называется образованностью, что это называется овладением культурой прошлого, в том числе и буржуазного прошлого, как части культурного прошлого вообще. Мы думаем, что пролетариат не только имеет право, но даже в некоторой степени обязан, как наследник всего этого прошлого, быть с ним знаком. Ввиду этого мы сохраняем театральные традиции, театральное мастерство и гордимся тем, что мы подняли репертуар московских театров на возможную высоту» (Вестник театра [еженед. изд.]. 1919. № 47, 23—28 декабря).

Ссылка на эту дискуссию, с нашей точки зрения, проясняет политический контекст того напряженного идеологического и мировоззренческого противостояния, когда Л.С. Выготский писал свою статью «Театр и революция». Добавим, что позднее в своих театральных рецензиях вопрос о восприятии традиционной культуры новым, пришедшим в театр зрителем, и тех особых идеологических задачах, которые связаны с его воспитанием, поднимался Выготским в газетных статьях гомельского периода (Наш понедельник. 1923. № 37, 21.05. С. 4).

56. «*Всякому, и юноше, и старцу Гомер дает столько, сколько они могут взять*» — фраза принадлежит древнеримскому философу и оратору I в. н.э. Диону Хрисостому «Златоусту». Более точный перевод: «Гомер каждому: и мужу, и юноше, и старцу — дает столько, сколько каждый из них может взять» (перевод Н.И. Гнедича).

57. «*Само произведение только возможность, которую осуществляет своим творчеством зритель, читатель*» — в методологическом отношении это высказывание Л.С. Выготского крайне важно, поскольку вводит представление о художественном восприятии как *творческом акте*, где само произведение выступает как *пространство возможностей для личностной самореализации* зрителя, читателя. Подобная методологическая установка явно перекликается с работами М.М. Бахтина по эстетике словесного творчества, которые были начаты им в начале 1920-х гг. в период его нахождения в Витебске (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979). Характерно и то, что подобная творческая позиция восприятия искусства была реализована самим Выготским в его работе «Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира» (1915—1916) и продолжена в монографии «Психология искусства» (1925) при анализе конкретных литературных произведений. Добавим, что в своих театральных рецензиях гомельского периода он также использует прием «мысленного эксперимента», предлагая возможный вариант актерской игры или режиссерской интерпретации при анализе того или иного спектакля.

58. «*Нет Гамлета вообще, есть Гамлет мой, твой, Гервинуса, Мунэ-Сюлли*» (А. Горнфельд) — у А.Г. Горнфельда в его работе «О толковании художе-

ственного произведения» (1912) эта мысль выражена несколько иначе: «Каждое приближение к нему [к художественному произведению. — *Ред.*] есть его воссоздание, каждый новый читатель Гамлета есть как бы его новый автор, каждое новое поколение есть новая страница в истории художественного произведения. <...> Если представление о том, что художественный образ имеет один смысл есть иллюзия, то это не всегда вредная иллюзия. Для творчества истолкования она прямо необходима. Без известного фанатизма невозможно найти, защищать, воплощать истину. <...> Критик или артист, создающий своего Гамлета, должен быть его фанатиком. Мой Гамлет есть абсолютная истина — другого нет и не может быть: только в таком настроении можно создать что-нибудь действительно свое. <...> И, конечно, мой Гамлет есть Гамлет Шекспира. Мысль воспринимающего всегда будет восходить к автору: автентическое понимание всегда будет его идеалом, которого нельзя воплотить, но к которому нельзя не стремиться» (Горнфельд А.Г. О толковании художественного произведения. СПб.: тип. Первой СПб. трудовой артели, 1912). Заметим, что на эти представления Горнфельда Л.С. Выготский ссылается и в своей ранней работе о «Гамлете»: «И как бы я ни понимал, что возможны разные точки зрения на художественное произведение, я всегда буду считать, что моя точка зрения единственно правильная... Без известного фанатизма невозможно найти, защищать, воплощать истину... Отойдя на известное расстояние, мы можем чисто теоретически, я бы сказал, рассудочно, признавать, что нет Гамлета Шекспира, что есть Гамлет мой, твой, Гамлет Берне, Гервинуса, Барная, Росси, Мунэ-Сюлли — и что все они равноправны; один нам ближе, другой дальше, но более или менее они все верны. Но это точка зрения чисто рациональная: в подъеме творчества она губительна. Критик или артист, создающий своего Гамлета, должен быть фанатиком. Мой Гамлет есть абсолютная истина — другого нет и не может быть: только в таком настроении можно создать что-нибудь действительно свое (Горнфельд)» (Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 346).

59. «*Шекспировский театр*» — английский драматический Королевский Шекспировский театр; открыт в 1879 г. в Стратфорде-на-Эйвоне. В театре ставятся пьесы У. Шекспира и проходят шекспировские фестивали (с 1886 г. они стали регулярными).

60. «*...Гамлет Крэга...*» — имеется в виду постановка пьесы «Гамлет» Г. Крэгом в Художественном театре в 1911 г.; роль Гамлета исполнял В.И. Качалов. На эту постановку Л.С. Выготский ссылается также в своей работе «Гамлет, принц Датский, трагедия У. Шекспира» (1915—1916).

61. *Каратыгин Василий Андреевич* (1802—1853) — актер Александринского театра; исполнение роли Гамлета Каратыгиным считается одним из самых значимых в истории русского театра. Так, после посещения спектакля А.И. Герцен писал: «Я сейчас возвратился с «Гамлета», и, поверишь ли, не токмо

слезы лились из глаз моих, но я рыдал... Я воротился домой весь взволнованный... Теперь вижу темную ночь, и бледный Гамлет показывает на конце шпаги череп и говорит: «Тут были губы, а теперь ха-ха-ха!» (Герцен А.И. Письмо к Н.А. Герцен. 18–19 декабря 1839 года).

62. «Иначе говорят в зале или комнате...» — заметим, что особое внимание соотносению речевых функций с литературными и бытовыми установками уделял в 1920-е гг. Ю.Н. Тынянов: «Установка оды Ломоносова, ее речевая функция — ораторская. Слово «установлено» на произнесение. Дальнейшие бытовые ассоциации — произнесение в большом, в дворцовом зале. Ко времени Карамзина ода «износилась» литературно. Погибла или сузилась в своем значении установка, которая пошла на другие, уже бытовые формы. Оды поздравительные и всякие другие стали «шинельными стихами», делом только бытовым. Готовых литературных жанров нет. И вот их место занимают бытовые речевые явления. Речевая функция, установка ищет формы и находит ее в романсе, шутке, игре с рифмами, буриме, шараде и т.д. И здесь свое эволюционное значение получает момент генезиса, наличие тех или иных бытовых речевых форм. Дальнейшие бытовые ряды этих речевых явлений в эпоху Карамзина — салон. Салон — факт бытовой — становится в это время литературным фактом. Таково закрепление бытовых форм за литературной функцией» (Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 278–279). Характерно, что учет различных функций речи являлся для Л.С. Выготского исходным моментом при разработке проблематики мышления и речи. Это касалось как различения коммуникативной и интеллектуальной функций (общения и обобщения), так и генезиса соотношения социальной и эгоцентрической речи, а также различных видов речи (устная, письменная и т.д.) (Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.).

63. «...на котурнах, в маске и с рупором...» — здесь нужно сделать несколько уточнений, касающихся сценического образа актера в древнегреческом театре. Котурны представляли собой высокие башмаки со шнуровкой с очень толстой пробковой подошвой для придания более высокого роста актерам, исполнявшим роли героев и античных богов. Маска была существенно больше человеческого лица и могла передать только типическое выражение, производящее впечатление полной неподвижности. Маски мужских персонажей всегда были темными, женских — белыми и светлыми. Раздражительность обозначалась багровым цветом маски, хитрость — рыжим, болезненность — желтым и т.д. Все маски были с раскрытыми ртами, чтобы свободно мог звучать голос актера, при этом открытый рот маски служил и особым резонатором (рупором), который усиливал голос исполнителя для зрителей дальних рядов. Таким образом, наличие котурн и маски существенно изме-

няло пластику и речь актера, что и отмечает Л.С. Выготский, говоря чуть ниже о монументальной грандиозности греческой трагедии — «приподнятых, преувеличенных движениях, возвышенном усиленном голосе, раскрашенном облике».

64. «...взамен изображения того, как люди едят, пьют, любят, носят пиджаки...» — реплика из монолога Треплева в пьесе А.П. Чехова «Чайка» (1896): «Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки [выделено ред.]; когда из пошлых картин и фраз стараясь выудить мораль — маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе...» (Чехов А.П. Чайка: Комедия в четырех действиях // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / Редкол.: Н.Ф. Бельчиков и др., Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. Т. 13. С. 8). Позднее эту реплику Л.С. Выготский также приводит в своих гомельских газетных рецензиях (Наш понедельник. 1922. № 10, 30.10. С. 3; 1923. № 38, 28.05. С. 3).

65. «Москва увлекается Диккенсом» — имеется в виду постановка Первой студией МХТ в 1914 г. спектакля «Сверчок на печи» по повести Ч. Диккенса «Сверчок за очагом. Семейная сказка» (1845). Более подробно см. наши примечания к рецензии Л.С. Выготского «Гастроли “Красного Факела”. Сверчок на печи — Собака на сене — Океан — Победа смерти» (Наш понедельник. 1923. №39, 04.06. С. 3. Прим. 3).

66. «Такова же и внутренняя сторона этого искусства, названного одним критиком толстовским» — близость МХТ к нравственно-этическим принципам Л.Н. Толстого отмечалась в то время отнюдь не «одним» критиком. Дело в том, что Л.А. Сулержицкий (1872–1916), сыгравший важную роль в создании Первой студии МХТ, был толстовцем и культивировал идеи и моральные принципы Толстого в организации студийной жизни: «Известна его стойкая приверженность к толстовству, к толстовским идеям непротивления злу, к исповедуемой Толстым вере в природную честность и доброту человека, искаженную цивилизацией...» (Рудницкий К.Л. Русское режиссерское искусство: 1908–1917. М.: Наука, 1990. С. 178). И для самого К.С. Станиславского Толстой был также моральным авторитетом: «При жизни его мы говорили: “Какое счастье жить в одно время с Толстым!” А когда становилось плохо на душе или в жизни и люди казались зверями, мы утешали себя мыслью, что там, в Ясной Поляне, живет он — Лев Толстой! — И снова хотелось жить» (Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Искусство, 1988. Т. 1. С. 198). Следует подчеркнуть, что в после-революционные годы этика Толстого, его моральный принцип «непротивления злу» были непопулярны, поэтому коннотация «толстовское искусство» выражала в то время негативную оценку.

67. «Театр трагедии в Петербурге» — был создан при поддержке Петроградского Театрального отде-

ла, которым руководила на тот период гражданская жена М. Горького актриса М.Ф. Андреева (1868—1953). «Театром трагедии» руководил известный актер Ю.М. Юрьев (1872—1948); спектакли игрались на арене цирка Чинизелли. Основной эстетический принцип театра состоял в возрождении античной трагедии. Театр открылся постановкой «Царь Эдип» Софокла; второй и последней постановкой был спектакль «Макбет» У. Шекспира.

68. *Красный театр* — реально как театр оформился только в 1924 г. До этого существовал как самодеятельная студия под патронажем Пролеткульта. На его основе в 1936 г., после ряда организационных преобразований, был создан Театр имени Ленинского комсомола (ныне театр «Балтийский дом»).

69. «Драма родилась на площади» — Л.С. Выготский цитирует работу А.С. Пушкина, которая была посвящена принципам народной драмы и, в частности, анализу исторической повести Н.М. Карамзина «Марфа-посадница, или покорение Новгорода». Для прояснения мысли Выготского расширим цитату: «Драма родилась на площади [выделено ред.] и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия. Драма представляет ему необыкновенное, странное происшествие. Народ требует сильных ощущений, для него и казни — зрелище. Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия. Древние трагики пренебрегали сею пружиной. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую, более как пародию. Таким образом, родилась комедия, со временем столь усовершенствованная. Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что нередко близко подходит к трагедии» (Пушкин А.С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. Т. 7. С. 147).

Приведенный фрагмент показывает, что для Выготского, если следовать Пушкину, важна не только публичность и «площадной» характер драмы как зрелища, но, по меньшей мере, и еще три момента. Во-первых, необычность и «занимательность» действия. Во-вторых, сила ощущений и переживаний, сочетающих «смех, жалость и ужас», которые вызываются драматическим действием и потрясают наше воображение. В-третьих, «развитие характеров».

70. «...в книге, за рабочим домашним столом, куда перенес ее Айхенвальд...» — здесь Л.С. Выготский неявно цитирует приводимое нами выше место из статьи Ю.И. Айхенвальда «Отрицание театра»: «...написанная драма уже сама энергична вполне; она совсем закончена, и ей больше ничего не нужно. К великому прибавляет нечего. А в искусстве, что не прибавляет, то отнимает; что не плюс, то минус. Итак, драма без театра мыслима, театр без драмы немислим» (Айхенвальд Ю.И. Отрицание театра // В спорах о театре:

Сборник статей. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. С. 14).

71. «...когда Евреинов объявил чтение тайной театрализацией, «театром для себя» — в данном случае имеется в виду «театральное открытие («инвенция»)» Н.Н. Евреинова, которое постулирует чтение как тайную театрализацию: «Романы и фантастические повести больше всего читаются людьми, ведущими уединенную, замкнутую жизнь, скромными и мало что «представляющими» собой в жизни. Это всепоглощающее чтение — своего рода корректив природы таких людей, слишком осторожных с инстинктом преобразования в жизни, театрализовать которую, вдобавок, им не всегда позволяют окружающая их «тюрьма» и условия их «каторжного» существования. А хочется, а нужно! — Остается чтение произведений, с героями которых так сладко жить второю жизнью, т.е. заниматься тайной театрализацией» (Евреинов Н.Н. Демон театральности. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 85).

72. «...в советском театре (б. опера Зимина)...» — частный оперный театр (опера Зимина), создан в 1904 г. в Москве русским театральным деятелем, меценатом С.И. Зиминим. В репертуаре театра были в основном классические оперы: «Майская ночь» Н.А. Римского-Корсакова, «Орлеанская дева» П.И. Чайковского, «Чио-Чио-Сан» Дж. Пуччини, «Аида» Дж. Верди и др. В 1917 г. театр был национализирован и получил новое название Театр Совета рабочих депутатов (это название театра и имеет в виду Л.С. Выготский в своей статье, говоря о «советском театре»), с 1919 г. — Малая государственная опера, с 1921 — Театр музыкальной драмы, в 1924 г. преобразован в филиал Большого театра.

73. «...режиссер Ф.Ф. Комиссаржевский сделал из «Бориса Годунова»...» — эта постановка оперы М. Мусоргского «Борис Годунов» (1869) состоялась в Театре Совета рабочих депутатов (б. театре Зимина) в сезоне 1918/1919 гг. В послереволюционный период, помимо постановки в театре Совета рабочих депутатов оперы «Борис Годунов», Ф.Ф. Комиссаржевский поставил «Лоэнгрин» Р. Вагнера, «Орестейю» С. Танеева, «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова. В это же время он работал режиссером в Большом театре, где поставил к первой годовщине Октябрьской революции «Фиделио» Л. Бетховена; другая его постановка — «Парсифаль» Р. Вагнера — не вошла в репертуар в связи с протестами артистов театра против ее «левизны».

Приведем в этой связи оценку творчества Ф.Ф. Комиссаржевского в послереволюционный период, которую дает А.В. Луначарский: «Правее [по сравнению с В.Э. Мейерхольдом. — Ред.] стоял Ф.Ф. Комиссаржевский, в начале революции раскрепощенный ею и давший несколько полных вкуса движения и правильно намеченных новшеств, хотя в декоративном отношении сильно зараженных футуристической модой. От Комиссаржевского можно было ждать значительной роли в истории русского театра. Однако он предпочел уехать из России <...>, чем он и

вычеркнул себя из самых замечательных, быть может, годов театрального строительства, которые мы за это время пережили и какие переживем в ближайшее десятилетие» (*Луначарский А.В.* Театр РСФСР // Печать и революция [ежемесяч. изд.]. 1922. № 7).

74. «*Театр 4 масок*» — театр, организованный в Москве Н.Н. Фореггером в 1918 г. в одной из комнат своей квартиры (зрительный зал со скамейками на сорок человек). Название театра и его основные принципы были связаны с проведенным Фореггером в 1915 г. исследованием о демократических формах французского ярмарочного «театра четырех масок». Французский фарс вбирает в себя традиции итальянской комедии дель арте, где существовали два квартета основных персонажей-масок — северный и южный. В северном (венецианском) это: Панталоне (венецианский купец, скупой старик), Доктор (псевдочуженый доктор права), Бригела (умный слуга) и Арлекин (глупый слуга); в южном (неаполитанском) квартете масок: Тартарлья (судья-заика), Скарамучча (хвастливый вояка, трус), Ковьелло (умный слуга), Пульчинелла (глупый слуга). Помимо квартета в фарсах участвовали также персонажи, не надевавшие масок: юный влюбленный и юная влюбленная, девушки-служанки, а также благородные дамы и кавалеры.

Дебютной постановкой театра «Четырех масок» Фореггера стал французский фарс XVII века «Каракатака и Каракатат» А. Табарена. Вот что писала критика по поводу этого театра и его постановки: «В Москве обосновался очень занятный театр «Четырех масок», занимающийся постановкой старинных французских фарсов, так называемых «шарлатенерий» и «парадов». Руководитель «мастерской» (так претенциозно называется этот театр) с большим вкусом, похвальной чуткостью и с несомненным увлечением работает над воспроизведением всех тех ярких черт, что присущи народному представлению XVII столетия. Первый спектакль, имевший вполне заслуженный успех, обнаружил в лице г. Фореггера очень неплохого режиссера, отдающего своему трудному мастерству не только с запасом знаний, но и со всем пылом искренней влюбленности в этот причудливый мир старых масок. Неплохих результатов добились и исполнители. Правда, многим из них не хватало легкости, непосредственности и той изощренной и как бы эксцентричной техники, требующей ритма быстрого и бурного, ибо то, что изображается в этих пародиях, есть по существу своему гротеск и буффонада. Звонкие пощечины, откровенные шутки, резкие жесты, нарушение всякой театральной традиции в ее застывшем виде, вольное обращение со зрителями, которые втягиваются в представление — вот что характерно для «народного балагана», воссоздать типические черты которого является задачей «Четырех масок» (Театрал (Туркин Никандр). Всенародное и интимное // Театр. 1918. № 2112. С. 2—3).

Однако по поводу отмечаемой Л.С. Выготским попытки выхода этого театра «на улицы и площади со старинными французскими фарсами» высказыва-

лись серьезные сомнения: «И г. Фореггер и, кажется, некоторые зрители, занимающие, так сказать, официальные посты, — серьезно полагают, что представление этой «Каракатака» можно перенести на площадь. Таким образом, руководители театра полагают за своей мастерской значение не интимного творчества, а некоего народного творчества. Какое заблуждение! То, что было нам показано в мастерской «Четырех масок» и то, что было нами с таким удовольствием принято, — отнюдь не может стать зрелищем для широких народных масс. Заметим, кстати, что «мастерская» помещается в чудесном барском особняке, что весьма способствует созданию интимного уюта, что зрительная зала рассчитана на 40 человек и что, наконец, актеры, играющие «Каракатака» привыкли к студиям и не имеют решительно никаких навыков для выступлений на площадях. Затем вспомним состав зрителей этих спектаклей: на первом были театральные критики, художники, литераторы. Они будировали это воскрешение старика Рабле, дух которого живет в народных фарсах, — им, гурманам, отравленным ядом всяческих «изысков» показалось представление приятной забавой утонченного вкуса. И они знали, что очарование стилизованного «балагана» в этой интимности, которая была создана и этим особнячком, и этой залой на 40 человек. И я лично не представляю себе ни иного помещения, ни иной публики для этой мастерской. Если ее спектакли будут перенесены на бульвары или на площади — весь аромат их исчезнет. До народа не дойдут ни эти латинские остроты, ни самое содержание этих пьес, в которых причудливо сочетались веяния средневековья со светской улыбкой Возрождения. На бульваре — для бульварной публики — нельзя играть, притворяясь. Никто не поверит громкой затрепине, и никто не рассмеется на грубую шутку лицедея, имитирующего веселье. К ремеслу актера бродячей труппы, дававшей в XVIII столетии свои спектакли на ярмарке, приучали с детства, поэтому и были так очаровательно легки и так непосредственно забавны выходки Мага, проделки слуг, фокусы шарлатанов. В этих стремлениях приобщить широкие народные массы к искусству, доселе доступному только избранным, надо видеть, конечно, самые добрые намерения. Однако практически эти попытки приводят всегда к неудачам. Нечто подобное уже наблюдалось и в Москве и в Петрограде, где усиленно ухаживали за художниками самого «левого» направления, полагая, что именно их футуристические ухищрения будут с радостью восприняты народной аудиторией. И это привело к неожиданному протесту: публика одного из народных театров потребовала убрать роспись стен и барельефы, сработанные футуристами. Столько же фальшивым кажется нам и усиленное сотрудничество В.Э. Мейерхольда, который вряд ли сможет создать спектакль, доступный именно народу... «Всенародное искусство» и «Каракатака» — две вещи несовместимые» (там же).

Заметим, что вскоре после премьеры Фореггер был приглашен в качестве участника агитпоезда в

Воронеж, и «Театр четырех масок» так и остался «студией одного спектакля» (Марков П.А. О театре: в 4 т. М.: Искусство, 1974. С. 454). Добавим, что к творчеству Н.Н. Фореггера Л.С. Выготский еще раз обращается в своей рецензии «Гастролы Утесова и Фореггера» (Наш понедельник 1923. № 46, 23.07. С. 3).

75. «...“Войну королей” в стиле карточных фигур, где войну вели короли, а двойки и тройки отказывались драться (художник Кандауров)» — имеется в виду постановка «Война карточных королей» по агитпьесе «Война королей», написанной в 1918 г. Ю.Л. Оболенской (1889—1945) с иллюстрациями К.В. Кандаурова для студии «Петрушка» (при Театральном отделе Наркомпроса). Студия была создана как драматургическая лаборатория агитационного кукольного театра. Послеревolutionционная агитпьеса — это симбиоз площадных спектаклей о Петрушке, действующими персонажами которой были карточные короли, политические фигуры того периода — Деникин, Юденич, Колчак, «многоголовая гидра» Антанта, «Мировой империализм». Именно с ними по сюжету боролся Петрушка в буденовке, бил их дубинкой и колол штыками при помощи младших карт, — «двоек», «троек» и «шестерок»: «Мы — бубны, вы — пики, / Люди мы невелики. / А чтоб нам не мешали короли, / Изгнать их из нашей земли. / Хоть будет неполная колода — / Да зато будет полная свобода. / Вперед, / Вперед, / Рабочий народ!». В финале побежденные короли восклицали: «Свои козыри были на руках, а остались мы в дураках». Постановка «Войны карточных королей» была приурочена к первому юбилею Октября, а ее премьера состоялась в Москве 7 ноября 1918 г. при открытии артистического клуба «Красный петух».

76. Головин Александр Яковлевич (1863—1930) — русский художник, сценограф-модернист, народный артист РСФСР (1928); с 1900 г. работал в Большом театре; в 1902 был приглашен на должность главного художника императорских театров в Петербурге (оформлял спектакли в Мариинском и Александринском театрах). В 1908 г. был художником «Русских сезонов» С.П. Дягилева в Париже (опера «Борис Годунов» М.П. Мусоргского, 1908; балет «Жарптица» И.Ф. Стравинского, 1910). Занимая должность главного художника Александринского театра, Головин сотрудничал с В.Э. Мейерхольдом, чей творческий принцип «чистой театральности», разделял и он сам. Среди их совместных постановок: «У врат царства» К. Гамсуна (Александринский театр, 1908); «Дон-Жуан» Ж.Б. Мольера (Александринский театр, 1910), опера «Орфей и Эвридика» К.В. Глюка (Мариинский театр, 1911). Все спектакли были оформлены в традициях классического теа-

тра, воскрешения старых сценических средств и приемов для обновления театральной эстетики. Главным событием творческого союза Головина и Мейерхольда стал спектакль «Маскарад» по драме М.Ю. Лермонтова (Александринский театр, 1917). Углубленное изучение эпохи, сложные и «торжественные» декорации, преобразование цвета сценографии в соответствии с действием спектакля, детальная проработка костюмов и грима актеров, — все это позволило создать фантастическую атмосферу театрального действия и реализовать идеи режиссера. «Маскарад» Головина завершил целую эпоху русской сценографии, подготовив ее выход на новые рубежи в следующем десятилетии.

Учитывая сотрудничество Мейерхольда и Головина, которое было ориентировано на «воскрешение» старых сценических средств и приемов, фраза Н. Пунина «но и Малевич — был “Головин”» подчеркивает, что и художник спектакля «Мистерии-буфф» супрематист К. Малевич, и режиссер В. Мейерхольд не привнесли в постановку ничего нового, а работали в рамках сложившихся приемов дореволюционного театра.

77. «Подумать только, небо было, как у Айвазовского» — эта фраза Н. Пунина, на наш взгляд, не случайна, поскольку в самой структуре пьесы «небо» играет важную роль. Во-первых, это особое место сценического действия: «Картина вторая. Рай. Облако на облаке. Белесо. По самой середине, чинно рассевшись по облачку, райские жители». Во-вторых, небо и облака выступают как самостоятельный художественный образ:

«Мафусаил: ...Доишь облака, сын мой?

Ангел: Да, дою.

Мафусаил: Надоишь — и на стол. / Нарезьте да же / облачко одно, / каждому по ломтику».

Наконец, в-третьих, напомним, что в этой статье чуть выше Л.С. Выготский обратил внимание на использование В.В. Маяковским игрового языкового приема, подчеркивающего своеобразие советского новояза: «совнебо». По мнению Выготского, подобный прием нужен был Маяковскому для усиления «газетной злободневности» произведения.

Что касается изобразительной стороны спектакля, то, к сожалению, эскизы декораций К. Малевича к спектаклю не сохранились, однако можно предположить, что сам образ неба играл важную роль в художественном решении. При этом если Н. Пунин фиксирует внимание на реалистичности изображения («небо, как у Айвазовского»), то А. Левинсон в своей рецензии на спектакль, напротив, подчеркивает гротескность: «...веселы в “Раю” пестрые пузыри облаков».

Commentary on the paper by L.S. Vygotsky "Theatre and Revolution"

V.S. Sobkin*

Institute of Sociology of Education RAE, Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

V.S. Mazanova**

Institute of Sociology of Education RAE, Moscow, Russia,
valery.mazanova@gmail.com

The authors provide comments on the paper by L.S. Vygotsky "Theatre and Revolution" (1919) which analyzes the reaction of the theatre to the social and political processes that took place in Russia in the course of the revolution. The paper focuses in particular on the following aspects: the historical context; the influence of sociocultural situation on the development of the theatre and its choice of repertoire; the social changes in theatre audiences; the emergence of new theatrical forms induced by political changes. The comments to the paper refer to the biographical events as well as to the history of the theatre, culture and psychology. This enables the authors to reconstruct the sociocultural context necessary for understanding not only this very paper by L.S. Vygotsky, but also the process of formation of his views as the founder of cultural-historical psychology.

Keywords: cultural-historical context, tendentious art, slapstick, mystery, theatre of national minorities, actor's feelings, mechanisms of censorship, viewer's reaction.

For citation:

Sobkin V.S., Mazanova V.S. Commentary on the paper by L.S. Vygotsky "Theatre and Revolution". *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 91–113. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Sobkin Vladimir Samuilovich*, PhD in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE), director of the Institute of Sociology of Education RAE, Moscow, Russia. *sobkin@mail.ru*

** *Mazanova Valeria Sergeevna*, PhD student at the Institute of Sociology of Education RAE. Moscow, Russia. *valery.mazanova@gmail.com*

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
MEMORABLE DATES

**Он расширял наше виденье психологической науки.
Воспоминание о В.П. Зинченко
(10 августа 1931 — 6 февраля 2014).
Эссе**

В.А. Гуружапов*
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
otdel-m@yandex.ru

В эссе представлен образ выдающегося российского ученого, психолога Владимира Петровича Зинченко с точки зрения проявленного им единства жизни и профессии. Описываются воспоминания автора эссе о различных встречах с этим интереснейшим человеком. Отмечается его влияние на становление профессионального сознания целого поколения российских психологов. Показана роль Зинченко в проработке содержательных связей культурно-исторической психологии с различными направлениями гуманитарных исследований. Дается неакадемическая трактовка некоторых поставленных им проблем, важных для психологических исследований неклассического типа.

Ключевые слова: В.П. Зинченко, ученый, психолог.

Прошел уже год, как Владимира Петровича Зинченко нет с нами. Но его образ не утратил чувственной конкретности и живы воспоминания о встречах с ним.

В эту скорбную годовщину хочется отметить один недостаточно оцененный вклад нашего старшего коллеги в российскую науку, который очень важен для меня и, думаю, для многих других психологов. Владимир Петрович демонстрировал нам возможность единства жизни и профессии. Он пытался внести живое биение жизни в науку и тем самым расширять наше виденье психологии.

Помню мою первую встречу с ним на психологическом факультете МГУ в 1976 году. Тогда в рамках курса общей психологии ряд ведущих специалистов факультета читали лекции по отдельным отраслям психологических знаний. Владимир Петрович про-

чел лекцию по инженерной психологии. Меня поразило, что начал он не с изложения истории и теории вопроса, а с анализа одного недавно произошедшего события в Ленинграде: один летчик посадил самолет на Неву. Почти дословно помню его суждения: «Все восхищаются мастерством пилота. А между тем этот летчик виноват в создании аварийной ситуации. С ним это уже не первый раз происходит. Психологи предупреждали, что он склонен к необоснованному риску. Его давно надо было отстранить от полетов».

Это Владимир Петрович знал точно, так как участвовал в работе разных комиссий, а потому был очень информированным человеком. Может быть, это не столько его заслуга, сколько удача. Но его безусловная заслуга заключалась в том, что он не дал своему опыту пылиться на задворках памяти. Он постоянно в беседах и лекциях воспроизводил важные

Для цитаты:

Гуружапов В.А. Он расширял наше виденье психологической науки. Воспоминание о В.П. Зинченко (10 августа 1931 — 6 февраля 2014). Эссе // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 114–116.

* *Гуружапов Виктор Александрович*, доктор психологических наук, заведующий кафедрой педагогической психологии, факультет психологии образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия. *otdel-m@yandex.ru*

с его точки зрения психологические детали тех или иных событий и дел. Тем самым он обогащал наш профессиональный опыт, приближал наше понимание психологических закономерностей к реалиям жизни. У Владимира Петровича было редкое чувство подробностей психической жизни.

Он умел замечать такие важные детали жизни и деятельности людей, которые без его участия так и утонули бы, наверно, без следа в реке времени. В молодости он однажды читал лекции по психологии пожарникам. Это было сразу после того, как свои лекции отчитал Александр Александрович Зиновьев, который был его постарше, но тоже еще был молодым человеком. В последствие Зиновьев стал всемирно известным логиком, социальным философом, писателем-памфлетистом. Владимир Петрович рассказал, как после первой лекции поинтересовался у организатора, есть ли какие-нибудь пожелания: «Тот ответил, что все хорошо, но не хватает точных определений, как было у Александра Александровича. Например, «пожар — это горение вещей, к тому не предназначенных». Тут я понял, что после Саши мне в этой аудитории делать нечего!» В последствие это очень помогло мне, когда я читал одну из последних книг Зиновьева «Русская трагедия». В ней от первого лица описывается история слома жизни и трансформации сознания московского интеллектуала в период перестройки 1900-х годов. В какой-то момент я начинал воспринимать эту историю как рассказ живого конкретного человека, сердце сжималось, и читать дальше этот социологический роман было невозможно. Но стоило мне вспомнить чудом сохранившееся благодаря Зинченко иронично-саркастическое определение Зиновьевым пожара, как я опять мог различать автора и героя-рассказчика, и тогда снова начинал проникать в беспощадное описание логики событий. Так я прочитал книгу до конца.

Зинченко был дружен со многими выдающимися психологами и философами нашего времени и много о них рассказывал. Для него ученый был, прежде всего, интересным человеком. Он умел подмечать такие особенности его натуры, которые никогда не описываются в академических биографиях, но чрезвычайно важны для понимания особенностей его научного мышления. Как-то раз у нас зашел разговор о Петре Яковлевиче Гальперине и границах его теории. Тогда Владимир Петрович поведал, что некоторые ученики Гальперина пытались подвинуть учителя на расширение рамок теории поэтапного формирования умственных действий. У них ничего не получилось: «Петр Яковлевич был гением самоограничения!». Именно самоограничение, а не ограниченность — вот характерная черта натуры этого ученого. Это подтверждает еще один рассказанный Зинченко эпизод из жизни Гальперина. Однажды Вася (Василий Васильевич Давыдов — друг Владимира Петровича со студенческих лет), молодой аспирант Петра Яковлевича, сообщил ему, что женится. Учитель отнесся к этому иронически — не рано ли? Вася тогда парировал: «Вы же сами мне говорили, что ра-

но женились!» На что Петр Яковлевич ответил: «Да, но я не говорил, что это хорошо для всех». В этой шуточной форме выразилась четкая позиция этого умнейшего человека: границы, которые он устанавливает для себя — это границы его жизни и деятельности. Другой не обязан им следовать. Ученик может преодолеть их, если сможет. Кстати, Давыдов так и сделал — создал собственную оригинальную теорию развития мышления детей.

Владимир Петрович был одним из тех, кто определял лицо культурно-исторической психологии и деятельностного подхода, прежде всего, в области, которая имеет общие основания с философией, культурой и искусством. Наверно, именно в этой своей ипостаси он останется в истории отечественной психологической науки. Он много анализировал в своих книгах идеи Густава Шпета, Павла Флоренского, Михаила Бахтина, Мераба Мамардашвили, а также многих других мыслителей нашего времени. Эти книги остались нам как завет: представителям культурно-исторической психологии нельзя замыкаться в узкопрофессиональных проблемах.

В своих книгах и лекциях Владимир Петрович постоянно обращался к примерам из поэзии, особенно из наследия Осипа Мандельштама. Считаю, что он даже ввел моду на этот стиль изложения психологических проблем и, тем самым, не дал утонуть нашей психологической науке в трясине бесконечного взаимного цитирования психологами друг друга.

Хотя Зинченко не увлекался изобразительным искусством так истово, как поэзией, но в его наследии есть блестящая статья о композиции японской гравюры. Я знаю, что он долго изучал «Лекции о композиции» художника Владимира Андреевича Фаворского. Однажды Владимир Петрович обсуждал этот труд с моим учителем художником-педагогом и психологом Юрием Александровичем Полуяновым. Суть разговора заключалась в том, что идеи Фаворского могут существенно продвинуть исследования в психологии восприятия. Но сложность заключается в том, что Фаворский постоянно обращается к образам конкретных произведений искусства, которые не просто иллюстрируют его суждения, но и несут в себе значительную часть смысла этих суждений. Это понятно художнику, но не понятно психологу. Поэтому надо «перевести» Фаворского для психологов. Но осуществить это тогда не удалось. Может быть, сейчас пришло время заняться этой проблемой?

Владимир Петрович постоянно обращал наше внимание на важные достижения в смежных науках. Его интерес к трудам выдающегося отечественного физиолога Николая Александровича Бернштейна, пожалуй, не имеет аналогов в отечественной психологической науке. Надо признать, что психологи не очень его в этом поддерживали. Тем не менее, он не уставал на различных психологических конференциях и семинарах вновь и вновь говорить об идеях Бернштейна. Но не только говорил, но и делал. Владимир Петрович, совместно с супругой Натальей

Дмитриевой Гордеевой, провел ряд экспериментов по психологической природе «живого движения». Хотя это сейчас мало обсуждается, но, тем не менее, идея необходимости ассимиляции в психологии достижений физиолога Бернштейна крепко засела в профессиональном сознании тех, кто когда-либо слушал Зинченко.

Владимир Петрович умел находить то, что может быть востребовано культурно-исторической психологией из других психологических теорий. Показательным примером является история издания книги Макса Вертгеймера «Творческое мышление» в 1987 году. Насколько я знаю, это было частной инициативой Зинченко. Никакой востребованности этой книги в ситуации психологии и педагогики того времени не было. Поэтому книга осталась незамеченной широкой психолого-педагогической общественностью нашей страны. Но для представителей деятельностного подхода в психологии, прежде всего, для последователей развивающего обучения и для меня лично, эта книга уже без малого 20 лет является немым укором: «Почему мы до сих пор не ассимилировали достижения гештальттеории?» Сегодня, перечитывая блистательную вступительную статью Владимира Петровича, я натолкнулся на следующее замечание; «Интеллект начинает представляться и осмысливаться как некоторая суперпозиция всех его

многообразных форм (сенсорных, образных, вербальных, знаково-символических, дискурсивных и пр.)». Теперь я понимаю, что было одним из побудительных мотивов его книги «Психологические основы педагогики», изданной в 2001 году — это понимание и желание раскрыть многообразие форм мышления.

Владимир Петрович обладал колоссальной эрудицией. Но никогда этим не бравировал. В 2000-е годы мы участвовали с ним в проекте Русского музея по музейной педагогике «Экологическая роль изобразительного искусства в условиях интенсивного визуального потока». Помню, как осторожно он анализировал проблему и данные экспериментальной работы. Он обнаруживал неизвестные ему раньше многообразные формы живого восприятия, и это было ему интересно.

Для тех, кто знал лично Владимира Петровича, он предстает как воплощение доброты, человеческой отзывчивости и аристократизма духа. Этим он привлекал к себе окружающих людей. Жаль, что новое поколение психологов лишены возможности общения с таким человеком, как Владимир Петрович Зинченко. Кто будет расширять им виденье горизонтов психологической науки?

*В.А. Гуружапов.
6 февраля 2015 г.*

He Who Enriched Our Visions of Psychology. Remembering Vladimir Zinchenko (August 10, 1931 — February 6, 2014). Essay.

V.A. Guruzhapov*

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
otdel-m@yandex.ru

This essay focuses on the figure of a prominent Russian scientist and psychologist Vladimir Zinchenko, illuminating the unity of his life and professional activities. The author reminisces about meetings with this outstanding person and emphasizes his influence over professional identity of a whole generation of Russian psychologists. He also reveals Zinchenko's role in explorations of the relationships between cultural-historical psychology and other fields of research in humanities. The essay concludes with a non-academic interpretation of some of the problems raised by Zinchenko for future non-classical psychological research.

Keywords: V.P. Zinchenko, scientist, psychologist.

For citation:

Guruzhapov V.A. He Who Enriched Our Visions of Psychology. Remembering Vladimir Zinchenko (August 10, 1931 — February 6, 2014). Essay. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 114–116. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Guruzhapov Viktor Alexandrovich*, PhD in Psychology, head of the Chair of Pedagogical Psychology, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. *otdel-m@yandex.ru*

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ
DISCUSSIONS AND DISCOURSES

Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья вторая)

Н.Н. Вересов*

Университет Монаш, Австралия,
nveresov@hotmail.com

В работах Выготского представлен ряд общих положений, которые в совокупности составляют методологическую основу экспериментально-генетического метода. Однако конкретные принципы организации и построения экспериментального исследования развития высших психических функций остаются во многом невыявленными и неотрефлексированными. Данная статья является попыткой восполнить этот методологический пробел. В ней представлены основные принципы экспериментально-генетической методологии, которые в своей совокупности задают методологическую основу, на которой строится конкретное экспериментальное исследование. Они представляют собой синтез теоретических положений, понятий и принципов, сформулированных в рамках культурно-исторической теории и основных особенностей метода исследования. Соблюдение этих принципов в конкретном экспериментальном исследовании процесса развития позволяет решать две важнейшие задачи. Во-первых, обеспечивается единство предмета и метода, что позволяет проводить адекватное экспериментальное исследование самого процесса развития высших психических функций в тех аспектах, которые определяются задачами каждого конкретного эксперимента. Во-вторых, это позволяет экспериментально выявить и зафиксировать различия между органическими и культурными процессами развития и созревания, между двумя различными по существу и природе генетическими рядами и, следовательно, между двумя принципиально различными рядами закономерностей, которым подчинены эти две линии в развитии ребенка.

Ключевые слова: сознание, методология, культурно-историческая теория, экспериментально-генетический метод.

2. Экспериментально-генетический метод исследования развития высших психических функций

2. 1. Некоторые предварительные замечания

Как мы уже говорили, экспериментально-генетический метод определил принципиальные отличия неклассической психологической теории Выготского от традиционных классических психологических концепций сознания того времени. В этом смысле культурно-исторический подход выступает как мето-

дологическая альтернатива традиционным классическим экспериментальным методам. Он предъявляет целый ряд серьезных методологических требований к построению, организации и проведению конкретных экспериментальных исследований, и эти требования существенно отличаются от тех, на основе которых строятся классические экспериментальные исследования в области психологии развития. Экспериментально-генетический метод является в этом смысле составной частью культурно-исторической теории. Поэтому при описании основных черт этого метода я буду опираться на принципы и понятия,

Для цитаты:

Вересов Н.Н. Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья вторая) // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 117–126.

* *Вересов Николай Николаевич*, Ph.D., ассоциированный профессор кафедры раннего детства факультета образования, Университет Монаш, Австралия. *nveresov@hotmail.com*

сформулированные в рамках культурно-исторической теории. Кроме того, в некоторых местах вторая часть статьи будет перекликаться с первой, и даже повторять некоторые позиции, сформулированные в этой первой части. Это необходимо для того, чтобы читатель мог все время соотносить два уровня обсуждения — общеметодологический (в широком смысле) и конкретно-методологический (в узком смысле), не возвращаясь все время к соответствующим местам первой части во время чтения второй.

В различных работах Выготского мы можем обнаружить описание и краткий анализ лишь некоторых общих принципов экспериментально-генетического метода. Этот метод развивался и совершенствовался соратниками и последователями Выготского в русле тех конкретных задач, которые они решали. А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, П.Я. Гальперин, Ж.И. Шиф, Л.С. Сахаров, М.И. Лисина, Л.И. Божович, В.В. Давыдов и другие отечественные и зарубежные исследователи строили свои экспериментальные программы на основе общих принципов экспериментально-генетического метода, развивая и модифицируя его, зачастую предлагая собственные оригинальные трактовки, интерпретации и подходы. Однако проблема состоит в том, что исследователи, работавшие в русле культурно-исторической теории, выделяли в этом методе именно те аспекты, которые соответствовали конкретным задачам и проблематике их экспериментальных исследований. В результате, исходные принципы экспериментально-генетического метода в том виде, в котором они были представлены в культурно-исторической теории, определенным образом «растворялись» в частных конкретных методиках и экспериментальных процедурах и оказывались скрытыми до такой степени, что зачастую их довольно трудно выявить и зафиксировать.

И, самое главное, при всем разнообразии экспериментальных работ, нет ни одной, в которой все эти требования и принципы были бы отчетливо сформулированы. Поэтому я остановлюсь, главным образом, на анализе основных черт и особенностей экспериментально-генетического метода в том виде, в каком они были представлены в культурно-исторической теории, в текстах самого Выготского, оставляя за рамками нашего анализа его конкретно-научные модификации и историю его становления.

2.2. Экспериментально-генетический метод и предмет культурно-исторической теории

Задача создания адекватного объективного метода, позволяющего экспериментально исследовать закономерности культурного развития высших психических функций (ВПФ), решалась одновременно с созданием самой культурно-исторической теории. В этом смысле можно сказать, что здесь сама логика теоретического исследования поставила на повестку дня вопрос о необходимости разработки нового ме-

тода, т. е. метода, который соответствует предмету исследования — процессу развития ВПФ.

Шаг принципиальной важности, сделанный в теоретическом плане, т. е. выделение процесса возникновения и развития ВПФ в качестве предмета исследования неизбежно поставил вопрос о необходимости следующего шага, но уже в плане экспериментальном.

«Детская психология не знала... адекватного подхода к проблеме высших процессов. Это значит, что она не имела метода для их исследования. Очевидно, что своеобразие того процесса изменения поведения, который мы называем культурным развитием, требует глубоко своеобразных методов и способов исследования. Знание своеобразия и сознательное отправление исследования от этого пункта является первым условием адекватности метода и проблемы, поэтому проблема метода есть начало и основа, альфа и омега всей истории культурного развития ребенка <...> .

Поэтому опереться по-настоящему на метод, понять его отношение к другим методам, установить его сильные и слабые стороны, понять его принципиальное обоснование и выработать к нему верное отношение — значит в известной мере выработать правильный и научный подход ко всему дальнейшему изложению важнейших проблем детской психологии в аспекте истории культурного развития» [4, с. 41–42].

Итак, с точки зрения предмета культурно-исторической теории, суть экспериментально-генетического метода состоит в том, что этот метод представляет собой: 1) *общий* метод экспериментального исследования ВПФ человека и 2) он является не эмпирическим, а *генетическим* методом в том смысле, что он направлен на экспериментальное исследование генезиса (происхождения и развития) ВПФ, т. е. на выявление закономерностей самого процесса культурного развития. «...Применяемый нами метод может быть назван методом экспериментально-генетическим в том смысле, что он искусственно вызывает и создает генетически процесс психического развития» [4, с. 95].

2.3. Основные черты и особенности экспериментально-генетического метода

Основная отличительная черта экспериментально-генетического метода состоит в том, что он направлен на выявление закономерностей процесса социокультурного генезиса (происхождения и развития) ВПФ. Поэтому экспериментально-генетический метод может применяться для исследования любой ВПФ, будь то память, воля, мышление или воображение. Вместе с тем, логика конкретного экспериментального исследования всегда вносит неизбежные коррективы в его организацию и формы проведения, влияет на подбор экспериментальных средств, условий, соответствующего стимульного материала и т.д. Иными словами, исследование, на-

пример, закономерностей развития памяти и исследование закономерностей развития мышления у детей разного возраста во многом будут отличаться друг от друга. Вместе с тем, основные принципы экспериментально-генетического метода всегда сохраняются. Иначе говоря, в любом конкретном исследовании, опирающемся на экспериментально-генетический метод, всегда присутствуют как общие принципы (определяемые методом), так и специфические особенности (определяемые задачами данного конкретного исследования).

В работах Выготского представлен ряд общих положений, которые в совокупности составляют методологическую основу экспериментально-генетического метода. Рассмотрим их подробнее, для удобства изложения сформулировав их в виде нескольких жестких альтернатив.

2.3.1. *Результат/структура или процесс/строение?*

Первая существенная характеристика экспериментально-генетического метода состоит в том, что, в отличие от традиционных «классических» методов анализа, он направлен не на изучение сложившихся, уже развитых наличных форм, а на исследование самого процесса их возникновения и изменения. «До сих пор психологический анализ почти всегда обращался с анализируемым процессом как с известной вещью. Психическое образование понималось как известная устойчивая и твердая форма, и задача анализа по существу сводилась к разложению ее на отдельные части. Вот почему в этом психологическом анализе до сих пор господствовала логика твердых тел» [4, с. 94].

Культурно-историческая теория, разумеется, не выступает против необходимости структурного анализа уже созревших, развитых ВПФ. Однако *строение* любой ВПФ (в отличие от ее *наличной структуры*) определяется всем ходом ее развития и изменениями в процессе развития. Мы уже говорили выше, что в культурно-исторической теории ВПФ рассматриваются не как некие «стадии развития» или «усложнения» элементарных психических функций. Появление в ходе развития ВПФ определенным образом перестраивает систему элементарных, природных психических процессов, реорганизует их так, что они не только входят в структуру высшей функции, но изменяются и начинают работать по новым законам, формируя новую психологическую систему. Так, например, возникновение культурной памяти у ребенка (т. е. процессов запоминания, основанных на использовании знаков) не является простым линейным продолжением и простым усложнением естественных процессов запоминания — новые приемы запоминания реорганизуют всю систему, и на этой основе возникает новое психологическое строение ВПФ — производного опосредованного запоминания. Генетическое строение функции есть результат ее перестраивания в ходе развития.

Конечно, используя классические экспериментальные методы исследования, можно выявить структуру этой новой, уже сложившейся, развитой психической функции. Однако сам процесс возникновения этой новой структуры, процесс реорганизации и перехода от одной структуры к другой, т. е. генетическое строение этой функции остается в этом случае скрытым для «классического» экспериментального анализа. Экспериментально-генетический метод позволяет исследовать не столько результат развития, сколько процесс развития, т. е. исследовать процесс возникновения этой новой структуры.

«Анализ вещи следует противопоставить анализу процесса, который, по сути дела, сводится к динамическому развертыванию главных моментов, образующих... течение данного процесса.

...Самый психический процесс все равно, идет ли речь о развитии мышления или воли, является процессом, который прodelывает на наших глазах известные изменения... При известных условиях возможно проследить это развитие... Благодаря этому удается экспериментально, в лаборатории, вызвать известное развитие, которое для современного человека является уже давно законченным процессом... Если на место анализа вещи мы поставим анализ процесса, то основной задачей рассмотрения, естественно, сделается генетическое восстановление всех моментов развития данного процесса... Попытка подобного эксперимента заключается в том, чтобы расплавить каждую застывшую и окаменевшую психологическую форму, превратить ее в движущийся, текущий поток отдельных заменяющих друг друга моментов» [4, с. 95].

Итак, первая особенность экспериментально-генетического метода состоит в том, что он направлен не на анализ структуры уже сложившейся, развитой высшей функции, а на экспериментальное исследование ее генезиса (процесса ее возникновения и развития) и, через это, на выявление ее системно-генетического строения.

2.3.2. *Описание/феноменология или объяснение/генезис?*

Вторая отличительная черта экспериментально-генетического метода состоит в том, что он исходит из фундаментального методологического различия двух типов анализа: 1) фенотипического анализа, т. е. эмпирического описания явления в его внешних проявлениях и 2) каузально-генетического анализа, т. е. анализа, раскрывающего природу явления и основные этапы его происхождения и становления и, тем самым, объясняющего данное явление.

«Понятие анализа в старой психологии совпадало по существу с понятием описания и было противоположным задаче объяснения явлений. Между тем истинная задача анализа во всякой науке есть именно вскрытие реальных каузально-динамических отношений и связей, лежащих в основе каких-нибудь явлений. Таким образом, анализ по самой сути дела становится научным объяснением изуча-

емого явления, а не только описанием его с феноменальной стороны. Феноменологический, или описательный, анализ берет данное явление так, как оно есть в его внешнем обнаружении, исходит из наивного предположения, что внешний вид или проявление вещи и действительная, реальная каузально-динамическая связь, лежащая в его основе, совпадают» [4, с. 95–97].

Основной методологический недостаток фенотипического типа анализа состоит в том, что в его основе лежит сближение или даже полное отождествление процессов, основанное на их внешнем подобии или сходстве. «И в самом деле, если бы фенотипически вещь была тем же самым, чем она является генотипически, т.е. если бы внешние проявления вещи, как их можно видеть каждый день, действительно выражали истинные отношения вещей, тогда бы наука была совершенно излишней, тогда простое наблюдение, простой житейский опыт, простая регистрация фактов заменили бы вполне научный анализ. Все то, что мы непосредственно воспринимали бы, и составило бы предмет нашего научного знания. На самом деле психология на каждом шагу учит нас, что два действия могут протекать с внешней стороны одинаково, но по своему происхождению, по своей сути, по своей природе могут быть глубоко отличными друг от друга. В этих случаях и нужны специальные средства научного анализа, для того чтобы за внешним сходством вскрывать внутреннее различие. В этих случаях и нужен научный анализ, т.е. умение за внешним видом процесса вскрыть его внутреннюю суть, его природу, его происхождение» [4, с. 98].

Следует, однако, подчеркнуть, что в экспериментально-генетическом методе описательные, т.е. фенотипические способы анализа психических явлений вовсе не отвергаются и не подменяются целиком и полностью анализом каузально-генетическим. Речь не идет об их отрицании, речь идет о том, что генетический анализ включает в себя описательные методы как составную часть. При этом, будучи включенными и подчиненными каузально-генетическому способу анализа, эмпирические методы начинают выполнять иную, нежели в традиционных классических экспериментах, роль.

«Но самое объяснение становится в психологии возможным постольку, поскольку новая точка зрения не игнорирует внешние проявления вещей, не ограничивается исключительно генетическим рассмотрением, но с необходимостью включает в себя научное объяснение и внешних проявлений, и признаков изучаемого процесса. Она делает это при помощи кондиционально-генетического подхода. Анализ, таким образом, не ограничивается одной генетической точкой зрения, но по необходимости рассматривает известный процесс как определенный круг возможностей, который только при определенном комплексе условий или в определенной ситуации приводит к образованию определенного фенотипа. ... новая точка зрения не устраняет, не отодвигает объяснение фенотипических особенностей процесса, но

ставит их в подчиненное положение по отношению к их действительному происхождению» [4, с. 99].

Итак, второй существенной чертой экспериментально-генетического метода является его направленность не на анализ внешних проявлений психических процессов, а на вскрытие в процессе исследования реальных каузально-динамических и генетических связей, определяющих эти внешние проявления.

2.3.3. Внешнее сходство или внутреннее различие?

Третьей отличительной особенностью экспериментально-генетического метода является то, что он направлен не на выявление внешнего сходства психических процессов, а на раскрытие внутренних различий между исследуемыми процессами.

«... мы часто сталкиваемся с такими процессами, которые уже омертвели, т.е. проделали очень долгое историческое развитие и превратились в какую-то окаменелость. Окаменелости поведения легче всего обнаруживаются в так называемых автоматизированных или механизированных психических процессах.

Такие процессы, которые вследствие долгого функционирования совершаются уже в миллионный раз, автоматизируются, они теряют первоначальный облик и внешним видом ничего не говорят о своей внутренней природе, они как будто утрачивают всякие признаки своего происхождения. Благодаря подобному автоматизированию создаются огромные затруднения для их психологического анализа» [4, с. 99].

То, что некоторые психические процессы и функции в ходе своего развития сворачиваются, сокращаются, автоматизируются и тем самым, лишают исследователя возможности выявить их природу и происхождение, — факт известный. Собственно говоря, любые сложные навыки (например, чтение или езда на велосипеде) формируются именно так. Однако Выготский здесь говорит о другом и, более того, использует очень необычные метафоры — «окаменелости», «омертвевшие процессы», которые кажутся не совсем уместными, когда речь идет о формировании психических функций. Дело в том, что в этом фрагменте он лишь продолжает свою метафору о «логике твердых тел», т.е. о той логике, следование которой он считал главным методологическим недостатком классических экспериментальных методов, доминировавших в то время в психологии развития. Так что в этом смысле метафора «окаменелостей» вполне уместна.

Но какая именно психологическая объективная реальность лежит за этой метафорой? Для ответа обратимся к примеру конкретного экспериментально-генетического исследования.

Существует известный закон Э. Титченера, который формулируется следующим образом: существуют два типа внимания: 1) первичное, пассивное, т.е. произвольное и 2) вторичное, активное, т.е. произвольное, возникающее на более поздних ступенях онтогенеза. Они представляют собой две фазы (стадии) развития внимания. Кроме того, существует и третья фаза — вторичное внимание, однажды возникнув, по-

степенно автоматизируется и становится первичным (производное первичное внимание). С силу этого, по Титченеру, эти два типа внимания отличаются друг от друга только по степени сложности.

По мнению Выготского, этот пример показывает, что благодаря автоматизации, различные по своей генетической природе психические процессы приобретают внешнее сходство и становятся фенотипически неразличимыми: «...последняя, высшая, стадия в развитии какого-нибудь процесса обнаруживает чисто фенотипическое сходство с первичными, или низшими, стадиями, и при фенотипическом подходе мы лишаемся, следовательно, возможности отличать высшую форму от низшей... У нас нет другого пути исследовать эту высшую, третью, стадию в развитии внимания и постигнуть все ее глубокое своеобразие, в отличие от первой, иначе, как путем динамического развертывания процесса, иначе, как путем указания на ее происхождение. Нас должен интересовать, следовательно, не готовый результат, не итог, или продукт, развития, а самый процесс возникновения или установления высшей формы, охваченной в живом виде» [4, с. 100].

Итак, третья отличительная особенность экспериментально-генетического метода заключается в том, что он позволяет экспериментально исследовать психические процессы так, чтобы за их внешним (фенотипическим) сходством вскрывать различия в их психологической природе.

Рассмотрев (в самом общем виде) основные отличительные черты и особенности экспериментально-генетического метода исследования ВПФ, мы можем видеть, каким образом этот метод соотносится с культурно-исторической теорией в целом. Главное здесь состоит в том, что этот метод направлен на исследование *самого процесса* происхождения и развития ВПФ, т. е. на то, что и является предметом культурно-исторической теории. В этом смысле и теория (с системой понятий и принципов), и экспериментальный метод составляют единое целое, т. е. определяют методологию теоретического и экспериментального исследования процессов психического развития. Экспериментально-генетический метод является экспериментальным в том смысле, что он представляет собой особый метод, способ построения экспериментального исследования психических процессов и функций, и является генетическим в том смысле, что направлен на воссоздание в искусственно построенных экспериментальных условиях процесса генезиса (возникновения и развития) данной психической функции в структуре сознания.

2.4. Принципы организации и проведения конкретного экспериментального исследования

Основные черты и особенности экспериментально-генетического метода исследования генезиса (процесса возникновения и развития) ВПФ задают целостную методологическую рамку, определяю-

щую общую направленность в проведении конкретного экспериментального исследования. Однако любая методология остается лишь общими рассуждениями, если не претворяется в систему принципов и требований к организации и проведению эксперимента. В каждом отдельном случае эти общие методологические принципы должны быть операционализированы и конкретизированы так, чтобы конкретное экспериментальное исследование можно было бы строить, опираясь на некоторые базовые требования, вытекающие из общей методологии. Иными словами, экспериментатор должен отчетливо представлять себе, что это значит — организовать и провести конкретное экспериментальное исследование в русле культурно-исторической теории и экспериментально-генетического метода. Исследователь с самого начала должен знать, какие именно требования должны быть соблюдены и какие условия учтены при организации и проведении конкретного экспериментального исследования и как они соотносятся с общим методом. Эти требования существенно отличаются от тех, на которых строятся «классические» эксперименты в психологии развития и это вполне объяснимо, потому что они вытекают из неклассического взгляда на природу и характер развития, реализованного в теоретических положениях культурно-исторической теории. Рассмотрим эти требования и принципы подробнее, показав не только их суть, но и связь с основными положениями теории, на которой они строятся.

2.4.1. Принцип «завязей развития»

Суть этого принципа состоит в том, что методология исследования выдвигает задачу изучать не сложившиеся уже формы, «плоды развития», а те процессы и функции, которые подготовлены всем предшествующим ходом развития, но находятся в стадии «завязи», в эмбриональном состоянии, т. е. в начальной стадии развития. Иными словами, они должны находиться в зоне ближайшего развития (ЗБР). Здесь особенно важно учитывать возрастные нормы и особенности — в каждом возрастном периоде у ребенка имеются функции, которые уже возникли, завершили цикл развития (являются «плодами развития»), и есть функции, которые находятся лишь в начальной стадии развития («завязи развития»).

Поэтому конкретное экспериментальное исследование должно начинаться с того, чтобы показать, используя соответствующие вспомогательные методики, что у данного ребенка еще нет соответствующей развитой ВПФ и, вместе с тем, имеются предпосылки для ее появления. Если развитая высшая функция у ребенка уже имеется, то эксперимент по ее формированию теряет всякий смысл. С другой стороны, если попытаться в ходе эксперимента сформировать те функции, которых у ребенка еще нет и которые значительно превышают возрастные возможности ребенка на данном этапе развития, то цель почти наверняка окажется недостижимой, а результат, если и будет получен, окажется неустойчи-

вым и потому не будет представлять собой полноценного психологического новообразования. Напомним в этой связи, что понятие о ЗБР прямо указывает нам на это: «Зона ближайшего развития определяет функции, не созревшие еще, но находящиеся в процессе созревания, которые созреют завтра, которые сейчас находятся еще в зачаточном состоянии; функции, которые можно назвать не плодами развития, а почками развития, цветами развития, т.е. тем, что только созревает» [1, с. 45].

2.4.2. Принцип категории

Второй важнейший принцип организации и построения конкретного экспериментального исследования можно назвать «принципом категории». Он прямо вытекает из основного генетического закона культурного развития ВПФ. Напомним, что основной закон гласит, что каждая ВПФ первоначально возникает как социальное отношение, конкретное и реальное взаимодействие между индивидами («в социальном плане»), и только после этого, при определенных условиях, она становится собственно внутренней ВПФ (т.е. появляется в собственно «психологическом плане»). При этом данное социальное отношение выступает как некоторая коллизия, столкновение, противоречие, драматическое событие (т.е. как «интерпсихическая категория»). Отсюда следует важнейший принцип, который состоит в том, что одной из задач экспериментального исследования является своеобразная реконструкция процесса развития, т.е. «развертывание» высшего психического процесса в его исходную точку, т.е. в драму, которая происходит между людьми [4, с. 145].

Иными словами, само экспериментальное исследование должно начинаться с создания этой коллизии, драматического столкновения, т.е. первоначальной формы существования ВПФ. Для этого можно использовать различные средства — игровые ситуации, драматизации, литературные сюжеты, разного рода задания и т.д. в зависимости от того, какая конкретная экспериментальная задача решается. Главное состоит в том, чтобы ребенок оказался каким-то образом втянутым, включенным в определенного рода коллизию не только интеллектуально, но и эмоционально. Важно, чтобы задача, которая возникает перед ребенком, не оставляла его равнодушным и безучастным, а вызвала бы эмоциональный отклик. Напомним, в этой связи, что, по Выготскому, переживание ребенка является важнейшим индикатором того, в какой степени он оказывается вовлеченным в ту или иную конкретную социальную ситуацию [7, с. 71–77].

2.4.3. Принцип идеальной и наличной форм

Напомним, что, с точки зрения культурно-исторической теории, взаимодействие реальной (наличной) и идеальной (развитой) форм в процессе развития характеризуется двумя аспектами. Во-первых, такое взаимодействие имеющейся у ребенка наличной формы высших психических функций и уже сложившейся, т.е. развитой формы, представленной

взрослым (или другим, более старшим ребенком) является наиболее фундаментальной особенностью, отличающей культурное развитие ВПФ от всех других типов и видов развития [7, с. 84]. Социальная среда является источником культурного развития, но само развитие возможно только в процессе реального взаимодействия этих форм. Во-вторых, именно в столкновении развитых (культурных) форм поведения с неразвитыми (в терминологии Выготского, натуральными) формами состоит сущность процесса культурного развития [4, с. 136]. Для того, чтобы процесс развития стал возможным, необходимо наличие двух условий: во-первых, необходимо, чтобы в ходе исследования были выделены обе формы (реальная и идеальная) и, во-вторых, должно быть обеспечено взаимодействие между ними.

В соответствии с культурно-исторической теорией, если отсутствует развитая (идеальная) форма, то развитие данной функции становится невозможным. Если в эксперименте стоит задача исследовать процесс развития в специально созданных условиях (а в этом и состоит суть экспериментально-генетического метода в применении к любому конкретному исследованию) то это означает, что должны выполняться следующие требования. Во-первых, должна быть выявлена и описана реальная, наличная форма, т.е. та психическая функция, которая находится в эмбриональном состоянии и является предметом исследования (принцип «завязей развития»). Во-вторых, с самого начала в ходе эксперимента должна присутствовать, должна быть каким-то образом задана соответствующая идеальная (развитая) форма этой же функции. В-третьих, в ходе исследования должно быть, при помощи специальных психологических средств, обеспечено постоянное взаимодействие между этими формами. При этом важно, чтобы это взаимодействие осуществлялось не только в начале эксперимента (принцип «категории»), но и в ходе всего процесса. У экспериментатора, следовательно, должен иметься арсенал специально подобранных для целей данного исследования средств, поддерживающих такое взаимодействие, и включющихся в этот процесс по мере необходимости. В качестве таких средств могут использоваться разного рода игровые ситуации, образцы выполнения задач, инструкции, создаваемые вместе с испытуемыми в процессе эксперимента и иные вспомогательные средства.

Вместе с тем, при планировании конкретного экспериментального исследования и в процессе его разворачивания следует помнить, что цель эксперимента далеко не всегда состоит в том, чтобы ребенок овладел этой высшей (развитой) формой. Суть эксперимента зачастую состоит не в том, чтобы развить наличную форму до уровня заданной идеальной формы, она может состоять, например, в том, чтобы экспериментально исследовать сам процесс развития, его возможные траектории и условия, обеспечивающие развитие. Взаимодействие реальной и идеальной форм «задает» некую траекторию развития,

его направление, и задача экспериментатора состоит в том, чтобы выявить степень эффективности психологических условий, влияющих на процесс развития и определяющих его характер и психологические особенности. Так, в результате некоторой серии экспериментальных исследований оказывается возможным установление психологических условий и средств, которые могут обеспечить устойчивое развитие некоторой ВПФ.

Иными словами, правильно организованный эксперимент должен дать ответ на вопрос о том, какие именно идеальные формы реально обеспечивают выстраивание наиболее эффективной траектории развития в данном случае и при каких психологических условиях это развитие происходит.

2.4.4. Принцип культурных средств развития

Этот принцип исходит из общего понимания процесса культурного развития ВПФ, сформулированного в культурно-исторической теории. Он позволяет в процессе конкретного экспериментального исследования выделить три взаимосвязанных аспекта,

Во-первых, важнейшим аспектом процесса развития является овладение человеком культурными средствами (знаками или системами знаков, инструментами, орудиями, определенными способами деятельности и т.д.) [4, с. 24]. Первоначально эти культурные средства и инструменты выступают в своей внешней форме («внешние культурные средства», в терминологии Выготского). Психологическое содержание процесса овладения ими заключается в том, что они постепенно переходят во внутренний план и становятся внутренними психологическими средствами [6, с. 16].

В этом и состоит суть акта развития, т. е. перехода от непосредственных действий к опосредованным. Из этого теоретического положения следует, что кроме создания определенной ситуации развития («категории») и выделенных наличной и идеальной форм в конкретном экспериментальном исследовании должны быть представлены необходимые внешние культурные средства развития, которые обеспечивали бы взаимодействие идеальной и реальной форм на всем протяжении эксперимента. Экспериментальное исследование процесса развития обретает свой психологический смысл и содержание; благодаря этому принципу исследование оказывается направленным на то, чтобы выяснить каким образом и при каких условиях происходит овладение этими внешними культурными средствами и превращение их во внутренние.

Во-вторых, эксперимент должен быть организован так, чтобы была обеспечена самостоятельная активность ребенка [4, с. 85–86]. Иными словами, сама экспериментальная ситуация должна быть построена так, чтобы ребенок встал перед необходимостью самостоятельного овладения внешними средствами. Разумеется, в данном случае активность ребенка не исключает сотрудничества и взаимодействия с другими испытуемыми и с экспериментатором. Наобо-

рот, активность ребенка, поиск средств и способов решения задачи зачастую оказываются невозможными без сотрудничества. В самом общем виде это можно сформулировать так: в ходе эксперимента внешние средства не должны даваться ребенку в готовом виде, а должны создаваться ребенком в сотрудничестве. В результате ребенок не только овладевает новым для себя средством развития, но и оказывается способным самостоятельно использовать это средство для решения экспериментальной задачи. А это означает, что в процессе эксперимента открывается возможность исследовать не только процесс овладения культурными средствами развития, но процесс овладения собственным поведением [3, с. 132].

В-третьих, как мы уже говорили ранее, в культурно-исторической теории развитие понимается не как появление какой-то новой психической функции или усложнение уже имеющейся, но как качественная реорганизация системы психических функций, как появление новой психологической системы. Например, при овладении знаком как средством организации процесса запоминания, знак как психологическое орудие не просто включается в систему поведения и деятельности; включение знака реорганизует, перестраивает всю его структуру и становится тем новым центром, вокруг которого строится новая структура, новая динамическая система. «Это довольно сложный процесс, включающий в себя сразу несколько компонентов и генетических линий: при использовании знака как психологического орудия не только появляются новые психологические функции (умственные действия), но и исчезают некоторые элементарные функции, роль которых берет на себя знак. Кроме того, что одни функции замещаются другими, они постепенно изменяют свои характеристики по интенсивности, длительности, последовательности и т.д.» [2, с. 105]. Иными словами, возникает новая структура, новое строение системы психических функций. Принцип культурных средств развития позволяет построить эксперимент так, что становится возможным выявить и проанализировать основные узловые моменты этого процесса реорганизации, т. е. исследовать процесс развития с этой точки зрения.

Принцип культурных средств развития направлен на исследование процесса развития так, что позволяет экспериментально исследовать: 1) процесс перехода от непосредственной деятельности к опосредованной; 2) процесс овладения внешними культурными средствами развития, т. е. превращение их во внутренние; 3) процесс реорганизации и перестройки системы психических функций и появления новых систем функций. Для этого, при проведении экспериментального исследования должен использоваться определенный набор культурных средств развития, подобранных так, чтобы обеспечить решение конкретной экспериментальной задачи. При этом следует помнить, что суть экспериментального исследования не всегда ограничивается задачей выявления того, как и каким образом внешнее средство

развития становится внутренним. Не менее важно исследование динамики процесса развития, т. е. определение эффективности этих средств и выявление того, как именно реорганизуется система психических функций, как меняется роль и место отдельных психических процессов, каким именно образом возникает новая структура и как она трансформирует систему психических функций.

Выбор исследовательских средств определяется главной задачей исследования процесса развития, которая заключается в том, чтобы в экспериментальных условиях выявить закономерности и особенности перехода на более высокий уровень организации, т. е. исследовать качественный скачок в развитии.

2.4.5. Принцип устойчивости результатов развития

Место и роль этого принципа в экспериментально-генетическом методе определяется тремя моментами. Во-первых, он прямо следует из общетеоретического положения о том, что любой цикл развития всегда заканчивается некоторым результатом, т. е. определенным новообразованием в системе психических функций. Напомним, что в культурно-исторической теории «психологическое новообразование» — это не некоторая новая функция или психический процесс, появившийся как результат развития, но качественно новая структура, новый тип межфункциональных связей, новое строение всей системы психологических функций, определяющих ход развития в тот или иной период [5, с. 248].

Во-вторых, этот принцип прямо вытекает из самой сути экспериментально-генетического метода. При исследовании экспериментально-генетическим методом закономерности развития психических функций выявляются не через наблюдение и фиксацию их изменений, т. е. не эмпирически, а путем создания лабораторных условий, «вызывающих развитие» [4, с. 95]. Такая организация эксперимента дает колоссальные преимущества, ведь она делает возможным экспериментальное исследование закономерностей развития, его особенностей и основных узловых моментов в их целостности. Она позволяет выявить отдельные специфические моменты в развитии и исследовать их роль и место в общем процессе, что почти невозможно, если использовать классические методы, принятые в традиционной психологии (например, метод наблюдения). Целенаправленно изменяя экспериментальные условия, исследователь может выявить, в какой степени эти условия оказывают влияние на процесс развития в целом.

Однако такое искусственное воссоздание процесса развития в специально созданных лабораторных условиях может привести к тому, что развитие в своей конкретной динамике окажется неоправданно форсированным, превышающим возрастные возможности ребенка. Возможно и обратное, т. е. ситуация, когда количественные изменения, полученные в результате эксперимента, не приводят к существенным качественным сдвигам, т. е. динамика развития

окажется несоответствующей реальным возможностям развития. Иначе говоря, может быть нарушен баланс между реальными предпосылками («завязками развития»), имеющимися у ребенка, и уровнем экспериментальных задач (идеальной формой). А это, в свою очередь, может привести к тому, что экспериментальное исследование окажется неадекватным, если не сказать некорректным. Принцип устойчивости результатов развития позволяет избежать такой ситуации. Рассмотрим его подробнее.

С точки зрения устойчивости результаты развития (психологические новообразования) можно подразделить на два вида. Неустойчивые результаты — это поверхностные, нестабильные и кратковременные изменения, не приводящие к качественным скачкам в системе психических функций и в структуре личности. В некоторых случаях такие новообразования можно сформировать в искусственно созданных экспериментальных лабораторных условиях. Однако, как только эти специально созданные условия существенно изменяются или перестают существовать, эти новообразования распадаются, исчезают и ребенок либо возвращается к исходной точке развития либо, в лучшем случае, продвигается вперед в развитии лишь незначительно. Это свидетельствует о том, что данное новообразование остается, по существу, внешним, чуждым ребенку и не соответствует действительному уровню его потенциального развития. Устойчивые новообразования — это изменения, которые приводят к такой реорганизации системы функций, которая сохраняется у ребенка и тогда, когда экспериментальное исследование уже закончилось. Это значит, что произошло качественное и необратимое изменение не только отдельных функций, но перестройка межфункциональных связей, т. е. всей психологической системы.

«Изменение функционального строения сознания и составляет главное и центральное содержание всего процесса психического развития... Для новой психологии изменение межфункциональных связей и отношений становится центральной проблемой всех исследований» [3, с. 217].

Поэтому каждое конкретное экспериментальное исследование необходимо должно включать в себя ряд специальных средств и частных методик, позволяющих выявлять характер полученных результатов развития с точки зрения их устойчивости.

Следует отметить, что принцип устойчивости результатов развития в методологическом смысле рассматривается только в совокупности с другими принципами, о которых мы здесь говорим. Действительно, в ходе эксперимента некоторые полученные результаты могут быть следствием неадекватно выбранной идеальной формы, неправильно подобранных средств развития или иных причин. Но, в любом случае, полноценным результатом развития, полученным в ходе конкретного экспериментального исследования может выступать только такое психологическое новообразование, которое отвечает критерию устойчивости.

Итак, мы рассмотрели основные черты и принципы экспериментально-генетического метода. В своей совокупности они задают методологическую основу, на которой строится любое конкретное экспериментальное исследование. Они, в определенном смысле, представляют собой синтез теоретических положений, понятий и принципов, сформулированных в рамках культурно-исторической теории и основных особенностей метода исследования. Соблюдение этих принципов в конкретном экспериментальном исследовании процесса развития позволяет решать две важнейшие задачи. Во-первых, эти принципы обеспечивают единство предмета и метода, т. е. позволяют проводить адекватное экспериментальное исследование самого процесса развития ВПФ в тех аспектах, которые определяются задачами каждого конкретного эксперимента. Во-вторых, говоря словами Выготского, это позволяет в ходе экспериментального исследования выявить и зафиксировать различия между органическими и культурными процессами развития и созревания, между двумя различными по существу и природе генетическими рядами и, следовательно, между двумя принципиально различными рядами закономерностей, которым подчинены эти две линии в развитии поведения ребенка [4, с. 8].

Вместе с тем, эти требования к построению экспериментального исследования не должны абсолютизироваться. Нужно помнить, что они лишь задают определенные общие методологические границы и потому всегда конкретизируются в зависимости от поставленной экспериментальной задачи. Однако любое конкретное исследование, выполненное в рамках экспериментально-генетического метода,

должно быть построено на основе этих принципов или, как минимум, быть соотнесено с ними.

Итак, пора подвести черту. Проблему метода объективного экспериментального исследования сознания я представил в двух взаимосвязанных аспектах — общеметодологическом (в первой части статьи) и конкретно-методологическом (во второй части), или, иными словами, и в немецком и в англо-американском смыслах этого понятия. Я прекрасно понимаю, что предложенный здесь анализ основных особенностей и принципов экспериментально-генетического метода не вызовет восторга у некоторых нынешних ведущих «выготскианцев», и я даже знаю, почему. Построить конкретное экспериментальное исследование в строгом соответствии с требованиями общего метода, да еще и соотнося его с основными положениями теории, лежащей в его основе — задача очень сложная. Гораздо проще делать вид, что никаких таких требований просто нет.

Но они есть. Их невозможно игнорировать. Их не нужно выдумывать, они представлены в работах Выготского и его последователей, которые нужно просто внимательно читать. И я не стал бы писать эту статью, если бы не рассчитывал, что кто-то из молодых ученых, прочтя ее (а еще лучше, внимательно прочтя Выготского), попробует построить свое, пусть небольшое, экспериментальное исследование на основе этих принципов, т. е. проведет настоящий выготскианский эксперимент. Я искренне хочу пожелать этому смельчаку успеха. И, разумеется, готов помочь, чем смогу.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения. М.;Л.: Госучпедгиз, 1935. 135 с.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 486 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 417 с.

4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. 365 с.
5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
6. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 396 с.
7. *Выготский Л.С.* Лекции по педологии. Ижевск, 2001. 303 с.

Experimental-Genetic Method and Psychology of Consciousness: In Search of the Lost (Part Two)

N.N. Veresov*

Monash University, Australia,
nveresov@hotmail.com

Vygotsky's works provide a number of general ideas that form the methodological base of experimental-genetic method. However, more specific principles of organizing and constructing the experimental exploration of the higher mental functions development for the most part remain unclear and undefined. This paper attempts to fill this methodological gap. It describes the main principles underlying genetic research methodology that constitute the methodological base upon which experimental investigations may then be constructed. These principles represent a synthesis of theoretical assumptions, concepts and ideas proposed within the framework of cultural-historical theory, and the basic features of the research method. Following these principles in any experimental study on development helps to fulfill two important tasks. First, this creates a unity of object and method, making it possible to experimentally explore the very process of higher mental functions development in such aspects that correspond with the tasks of a particular research. Second, it provides an opportunity to experimentally reveal and capture the differences between organic and cultural processes of development and maturation, between two genetic layers quite different both in their essence and in their nature and, therefore, between two principally different series of patterns that shape these two lines in child development.

Keywords: consciousness, higher mental functions, methodology, cultural-historical theory, experimental-genetic method.

References

1. Vygotskii L.S. Umstvennoe razvitie detei v protsesse obucheniya [Mental development of children in the process of learning]. Moscow-Leningrad, 1935. 135 p.
2. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [The Collected Works]: V 6 t. T. 1, Moscow: Pedagogika, 1982. 486 p.
3. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [The Collected Works]: V 6 t. T. 2, Moscow: Pedagogika, 1982. 417 p.
4. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [The Collected Works]: V 6 t. T. 3, Moscow: Pedagogika, 1983. 365 p.
5. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [The Collected Works]: V 6 t. T. 4, Moscow: Pedagogika, 1984. 432 p.
6. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [The Collected Works]: V 6 t. T. 6, Moscow: Pedagogika, 1984. 396 p.
7. Vygotskii L.S. Lektsii po pedologii [Lectures on pedology]. Izhevsk: 2001. 303 p.

For citation:

Veresov N.N. Experimental-Genetic Method and Psychology of Consciousness: In Search of the Lost (Part Two). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 117–126. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Veresov Nikolay Nikolayevich*, PhD, Associate Professor in Early Childhood at the Faculty of Education, Monash University, Australia. *nveresov@hotmail.com*

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

читайте **ЖУРНАЛЫ**
по психологии online

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННЫЕ ВЕРСИИ
15 ЖУРНАЛОВ ПО ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКЕ**

- Для университетов, библиотек и научных центров
- Для индивидуальных читателей
- Для зарубежных читателей и организаций

Оформите подписку в редакции PsyJournals.ru:

Заявка на подписку: +7 (495) 608-16-27

Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru

Подробнее об условиях подписки: www.PsyJournals.ru

Издательство МГППУ
**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ** | www.mgppu.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «Культурно-историческая психология» на 2015 год

Индекс (Агентство «Роспечать»): 18024 (полугодовой)
 Периодичность выхода: 4 номера в год (ежеквартально)
 Стоимость подписки на полугодие: 700 руб.
 Стоимость одного номера: 350 руб.

Подробная информация по подписке:
 Телефон редакции: +7 (495) 608-16-27
 Email: kip@mgppu.ru
 Электронная версия журнала: www.PsyJournals.ru/kip

Ф. СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		18024 <small>(индекс издания)</small>																								
	Культурно-историческая психология <small>(наименование издания)</small>		Количество комплектов																								
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 5%;">1</td><td style="width: 5%;">2</td><td style="width: 5%;">3</td><td style="width: 5%;">4</td><td style="width: 5%;">5</td><td style="width: 5%;">6</td><td style="width: 5%;">7</td><td style="width: 5%;">8</td><td style="width: 5%;">9</td><td style="width: 5%;">10</td><td style="width: 5%;">11</td><td style="width: 5%;">12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда <small>(почтовый индекс)</small> <small>(адрес)</small>																											
Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>																											
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА																											
ПВ		место	ли-тер																								
на журнал		18024 <small>(индекс издания)</small>																									
Культурно-историческая психология <small>(наименование издания)</small>																											
Стоимость	подписки	пере-адресовки	Количество комплектов																								
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 5%;">1</td><td style="width: 5%;">2</td><td style="width: 5%;">3</td><td style="width: 5%;">4</td><td style="width: 5%;">5</td><td style="width: 5%;">6</td><td style="width: 5%;">7</td><td style="width: 5%;">8</td><td style="width: 5%;">9</td><td style="width: 5%;">10</td><td style="width: 5%;">11</td><td style="width: 5%;">12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда <small>(почтовый индекс)</small> <small>(адрес)</small>																											
Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>																											